

А.Г. Туманик

**АРХИТЕКТУРА ПРАВОСЛАВНЫХ
КАФЕДРАЛЬНЫХ ХРАМОВ СИБИРИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

(материалы научного отчета,
опубликованные под тем же заглавием
в форме учебного пособия
для архитектурно-художественных вузов)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ
И СТРОИТЕЛЬНЫХ НАУК
(РААСН)
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА
(НИИТАГ)

Гос. регистрации
№

УТВЕРЖДАЮ:
Директор Института

«___» _____ 2004 г.

***АРХИТЕКТУРА ПРАВОСЛАВНЫХ КАФЕДРАЛЬНЫХ ХРАМОВ
СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА***

НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ

по теме 2.6

**«КРУПНЕЙШИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРАМЫ АЗИАТСКОЙ
РОССИИ (архитектура православных кафедральных соборов
Азиатской России второй трети XIX – начала XX века как фе-
номен национальной культуры)»**

Одобрено
Ученым советом НИИТАГ
Протокол №
от «___» _____ 2004 г.

Зам. директора по научной работе _____

Руководитель темы
д-р ист. наук, к. арх., профессор _____ А.Г. Туманик

Москва 2004 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

I. Идеино-символические аспекты архитектурно-художественной культуры русского православного храма

I.1. Основные представления о символике церковной архитектуры в культуре Византийского Православия

I.2. Символическое значение церковной архитектуры в культуре Русского Православия

I.3. Основные выводы

II. Роль православно-церковной архитектуры в градостроительном развитии крупнейших городов Сибири в XVII – первой половине XIX века

II.1. Градостроительство в Сибири в начальный период освоения края

II.2. Православно-церковное зодчество в градостроительном развитии городов Сибири в XVII – второй половине XVIII века

II.3. Православно-церковная архитектура в период становления регулярного градостроительства в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века

II.4. Основные выводы

III. Историко-культурная реконструкция процессов создания крупномасштабной архитектуры кафедральных соборов в центрах православных епархий Сибири во второй половине XIX века

III.1. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Пресвятой Троицы (Свято-Троицкого) в г. Томске

III.2. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы (Богородице-Рождественского) в г. Красноярске

III.3. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Казанской Иконы Божией Матери (Казанского) в г. Иркутске

III.4. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Успения Божией Матери (Свято-Успенского) в г. Омске

III.5. Основные выводы

IV. Характеристика основных особенностей архитектурной культуры крупнейших православных храмов Сибири

IV.1. Градостроительные аспекты архитектуры православных кафедральных храмов Сибири второй половины XIX века

IV.2. Архитектурно-художественная культура крупнейших православных храмов Сибири

IV.3. Основные выводы

Заключение

Приложение

Список использованных источников и литературы

Краткая аннотация научного исследования

ВВЕДЕНИЕ

Феномен традиционной архитектуры христианского храма характеризуется не только и даже не столько тем, что именно в церковной архитектуре, начиная эпохой средневековья, масштабнее и полнее, чем в любом другом из ее видов, “все искусства синтезировались в единое целое”. Важнейшее качество храмовой архитектуры состоит в том, что ее синтетическая природа выходит далеко за рамки искусства как такового, ибо данная архитектура – это, в наибольшей степени, “не только искусство, но идеология и мировоззрение”. Христианский “храм как “Град Божий на земле” воплощал в себе картину мира средневекового человека, служил центральным звеном в организации его повседневной жизни. Процесс создания храма, начиная с закладки и кончая освящением, представлял собой целую серию ритуалов, носил сакральный характер. Поэтому в храме любая деталь имела определенный смысл”, в нем не было место ничему тому, что противоречило бы его общему мистическому замыслу и предназначению.

Традиция русского христианского (православного) храмостроительства, в результате “масштабной и решительной” модификации “русскими зодчими византийских идей” вполне самостоятельно и целостно проявившаяся в архитектурно-художественном облике Свято-Софийских кафедральных соборов гг. Киева, Новгорода, Полоцка и развивавшаяся вплоть до конца XVII в., в дальнейшем была в значительной степени, – как формально, так и идейно, – вытеснена перенесенной на русскую почву из западноевропейского мира – культивированной Ренессансом и Реформацией – универсальной (наднациональной) традицией классицизма. Несмотря на плодотворное стремление нескольких поколений русских зодчих творчески освоить жесткую классицистическую стилистику (здесь – формальную сторону архитектуры) и, так или иначе, “русифицировать” воплощенную в ее символах идеологию, – даже столь значительное явление мировой культуры, как русский классицизм, нет оснований детерминировать в качестве явления органически национального. В связи с этим, осуществившийся к середине XIX в. выход русской архитектурно-художественной культуры, в русле широкого социально-культурного движения, за пределы устойчивой классицистической системы следует рассматривать как реализацию осознанной и выстраданной потребности просвещенных слоев русского общества в переориентации на изучение и творческое осмысление собственной – природной – архитектурной традиции. Пришедшее на смену классицистическому канону впечатляющее разнообразие творческих исканий зодчих, обусловившее утрату новой архитектурой стилевой (формальной) “чистоты”, но, в то же время, вернувшее ее в русло национальной идейно-религиозной и мировоззренческой традиции, в сфере церковного зодчества отчетливо обозначило черты трех “родственных”, активно взаимодействующих друг с другом и, таким образом, складывающихся в своеобразную

систему “исторических” (национальных) протостилей, по характерным признакам позволяющих условно определить их как “стиль византийский”, “стиль русско-византийский”, “стиль русский” периода архитектурно-художественной эклектики. Многочисленные храмовые постройки, выполненные в соответствии с идеями и формами новой стилистической системы, символизировали собою начало практического восстановления идейно-творческой преемственности в рамках развития русской архитектуры.

Опираясь на подобную точку зрения, наиболее характерной и значимой составляющей русской православно-церковной архитектуры середины XIX – начала XX в. следует признать архитектуру соборных храмов, имевших статус главных (кафедральных) соборов в административно-территориальных границах епархий Русской Православной Церкви. Именно в середине XIX – начале XX в. во многих городах – центрах православного епархиального управления России были воздвигнуты крупномасштабные кафедральные храмы. Подобными городами в пределах европейской части Российской Империи явились: Москва, Киев, Варшава, Гельсингфорс, Вильно, Петрозаводск, Вятка, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринодар, Новочеркасск и др., на азиатской – Верный, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита, Владивосток. Представляется закономерным то, что в ряду произведений монументального православно-церковного зодчества, созданных в указанный период на территории Азиатской России, наиболее значительную группу образовали кафедральные храмы религиозно-культурных, политико-экономических центров Сибири – обширнейшего и исторически важнейшего региона страны.

В эпоху драматических социальных переустройств, характеризующуюся утратой человеком религиозного мышления и религиозного мировоззрения, в решении проблемы возврата, приобщения личности к наследию традиционной религиозной культуры заключается, без преувеличения, возможность сохранения общественного организма. В этих условиях русское национальное наследие в сфере архитектуры православного храма как один из важнейших компонентов традиционной духовной культуры народа требует разносторонне-углубленного и сопряченного изучения, – наибольшее, быть может, значение приобретая в тех образах, которые в полноценном состоянии, то есть воплощенными в форму архитектурно-художественных объектов, ныне уже не существуют, сохранив свой след лишь в разрозненных историко-документальных источниках: архивных материалах, освещающих деятельность государственных и общественных институтов соответствующей эпохи, уцелевших проектных чертежах, авторских заметках и эскизных рисунках... Среди подобных явлений русской храмовой культуры на одном из первых мест по потенциальной значимости и, вместе с тем, малоизученности стоят православные кафедральные храмы крупнейших городов Сибири. Созданные накануне трагического излома национальной истории, ставшие частью громадных и во многом невозполнимых потерь, понесенных русским церковным зодчеством и всей отечественной культурой в национальной катастрофе XX

века, эти масштабные произведения религиозного чувства и творческого труда русского человека требуют профессионального исследования в отношении их значимости и как национальных религиозных святынь, символических средоточий духовной, социально-культурной жизни православного населения Сибири, Российской Азии и России в целом, и как уникальных образцов русского национального архитектурного искусства.

Рассмотрение широкого круга научной литературы по историко-культурной проблематике позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует специальный опыт комплексного изучения объекта данного исследования – русского православного кафедрального храма второй половины XIX века – как феномена национальной архитектурно-художественной культуры. Основной причиной данного положения, безусловно, следует признать принципиальное и стойкое – сохранявшееся на протяжении многих десятилетий – неприятие советской искусствоведческой, историко-культурной наукой русской архитектурно-художественной эклектики как полноценного явления национальной культуры, – во многом имевшее место, конечно же, в силу того, что именно православно-церковное зодчество с ярко выраженными национальными чертами нашло наиболее масштабное и разностороннее выражение в рамках эклектического искусства второй половины XIX века.

Начало процесса пересмотра отдельными отечественными исследователями однозначно-негативных оценок русской эклектической культуры, характерных для советской эпохи, было ознаменовано выходом в свет в 1989 г. монографии Т.А. Славиной, посвященной профессионально-творческой деятельности архитектора Константина Андреевича Тона¹; по словам Е.И. Кириченко, данным трудом Т.А. Славина внесла “свою лепту в дело реабилитации автора Храма Христа Спасителя в Москве... и его величайшего создания”². В рамках творчества К.А. Тона в указанном исследовании впервые с позиций научной объективности был рассмотрен формально-эстетический аспект “национальной” стилистики целого ряда произведений русской православно-церковной архитектуры.

В последующие годы вопросам истории создания, анализу архитектурно-художественных, градостроительных качеств Спасского собора в Москве как уникального и символического явления русской культуры, а также творчеству К.А. Тона в части проектирования и строительства им Храма во имя Христа Спасителя были посвящены работы (статьи и монографии) таких исследователей, как: Е.И. Кириченко, М.В. Нащокина, А.В. Буторов³.

В 1997 и 1998 гг. вышли из печати монографии А.В. Иконникова и Е.И. Кириченко, посвященные различным сторонам проблемы “исторической” (национальной) стилистики в отечественном архитектурном наследии⁴.

Публикациями отдельных авторов в последние годы поднята прежде практически закрытая тема – тема религиозной символики православно-церковного зодчества (в этом отношении исключительным можно считать обо-

значение данной проблематики в некоторых искусствоведческих работах позднего советского периода, посвященных древнерусской иконописи и церковному монументальному искусству⁵). Так, исходное (византийского периода) содержание богословской и религиозно-философской традиции символического толкования христианского (православного) храма (в частности – как объекта архитектурно-художественной культуры) изложено в ряде фрагментов монографического исследования В.В. Бычкова⁶. В статье Н.Ф. Гуляницкого осуществлен подробный анализ религиозно-символического содержания характерной крестово-купольной структуры византийских и русских церквей⁷. Авторская общая концепция целостного – без отрыва от богословской основы – подхода к изучению русской храмовой архитектуры предложена А.С. Щенковым⁸. Проблеме религиозно-символической трактовки традиционных принципов и форм архитектурно-градостроительной композиции русских городов, органически связанных с сакральной функцией храмовой архитектуры, посвящен ряд статей И.А. Бондаренко⁹.

При безусловном признании значимости научного вклада указанных авторов в формирование нового – комплексного – подхода к изучению различных аспектов архитектурной культуры русского православного храма, по-прежнему, к сожалению, следует констатировать единичность случаев профессионального интереса к постклассицистическому, – фактически порубежному, предреволюционному, – периоду в развитии данного, в национально-историческом плане – поистине всеобъемлющего, явления, и считать остающимся невосполненным тот существенный тематический пробел в историко-архитектурных, искусствоведческих, культурологических исследованиях, который соответствует комплексной историко-культурной реконструкции (ибо подавляющее большинство объектов изучения было уничтожено в советскую эпоху) и анализу русского православно-церковного зодчества середины XIX – начала XX века.

Объектом настоящего исследования является крупномасштабная архитектура русских православных кафедральных храмов второй половины XIX века в контексте историко-культурного развития городов – центров Азиатской России (в региональных границах Сибири). Предметом исследования являются органически взаимосвязанные историко-культурные, формально-функциональные и формально-эстетические аспекты архитектуры православных кафедральных храмов Сибири второй половины XIX века в рамках регионального и общероссийского культурно-исторического процесса.

Границы исследования определяются: хронологические – периодом отечественной истории с 1840-х годов до начала XX века – временем создания крупномасштабной архитектуры православных кафедральных храмов Сибири; территориальные – исторически сложившимися архитектурно-планировочными системами крупнейших городов Сибири как основного региона Азиатской России: Омска, Томска, Красноярска, Иркутска.

Целью настоящей работы является комплексная историко-культурная реконструкция, характеристика качества, определение значимости архитектуры православного кафедрального храма России второй половины XIX века как феномена русской культуры.

Для реализации цели исследования автором решались задачи:

1) исследования идейно-символических, социально-исторических аспектов традиционной архитектурной культуры русского православного храма;

2) исследования исторических особенностей формирования архитектурно-градостроительной среды русского города;

3) характеристики исторической роли архитектуры православных храмов в процессах архитектурно-планировочного развития крупнейших городов Сибири в XVII – первой половине XIX века;

4) комплексной историко-культурной реконструкции и характеристики процессов создания крупномасштабной архитектуры кафедральных соборов в центрах православных епархий Сибири во второй половине XIX века;

5) документального воссоздания исторического архитектурно-художественного и градостроительного облика утраченных крупнейших православных храмов Сибири;

6) комплексного историко-культурного анализа качества и определения значимости архитектуры православных кафедральных храмов Сибири второй половины XIX века в контексте регионального и общероссийского культурно-исторического процесса.

Методологическими основами исследования являются:

1) метод комплексной историко-культурной реконструкции явлений культуры в их исторической динамике (примерами которых служат процессы: формирования архитектурно-градостроительной культуры Сибири в XVII – первой половине XIX века (на примере ее крупнейших исторических центров); создания крупномасштабной архитектуры кафедральных соборов в центрах православных епархий Сибири во второй половине XIX века);

2) метод комплексного историко-культурного анализа памятников национальной культуры (каковыми являются православные кафедральные храмы Сибири второй половины XIX века) в контексте регионального и общероссийского культурно-исторического процесса.

Применение указанных методов базировалось на значительном теоретическом и фактологическом материале по тематике исследования, полученном в результате: формирования и систематизированного изучения широкого круга опубликованных источников (научных трудов и материалов); выявления и структурной обработки комплекса неопубликованных источников (архивных, коллекционных и иных фактологических материалов), а также материалов авторских натурных исследований и фотофиксации современного состояния историко-культурной среды изучаемых объектов.

Настоящая работа представляет собою практически первый в сфере историко-культурных (исторических, историко-архитектурных, искусствоведче-

ских, культурологических) исследований опыт комплексного научного рассмотрения – на примере значительного (охватывающего территорию крупнейшего региона России) историко-архитектурного материала – такого масштабного и многостороннего явления, формирующего целый пласт отечественной культуры, как русский православный кафедральный храм второй половины XIX века.

- 1 *Славина Т.А.* Константин Тон. Л., 1989.
- 2 *Храм Христа Спасителя в Москве: Фотоальбом / Автор текста Е.И. Кириченко, сост. Г.А. Иванова.* М., 1992. С. 5.
- 3 *Храм Христа Спасителя в Москве: Фотоальбом / Автор текста Е.И. Кириченко, сост. Г.А. Иванова.* М., 1992; *Кириченко Е.И.* Храм Христа Спасителя в Москве. Изд. 2-е. М., 1997; *Нащокина М.В.* Градостроительные аспекты сооружения в Москве храма-памятника Отечественной войны 1812 года // *Архитектурное наследие Москвы.* М., 1988; *Буторов А.В.* Храм Христа Спасителя. История строительства и разрушения. М., 1992; *Буторов А.* Каким был Храм // *Юный художник.* 1996. № 6.
- 4 *Иконников А.В.* Историзм в архитектуре. М., 1997; *Кириченко Е.И.* Русский стиль. М., 1997.
- 5 См., например: *Яковлева А.И.* “Образ мира” в иконе “София Премудрость Божия” // *Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции.* М., 1977; *Этингоф О.Е.* Образ храма в иконографии “Богоматерь с Пророками” XI – XII веков // *Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции.* СПб., 1997 (данная “статья была прочитана в виде доклада на конференции “Общие закономерности развития искусства Древней Руси и стран Балканского полуострова” в ГИИ в 1983 г. В сжатом виде опубликована: *Этингоф О.Е.* Образ храма-“универсума” в иконной композиции и миниатюрах конца XI – XII в. // *Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина за 1986 год.* М., 1987... Полностью статья не публиковалась из-за цензурных ограничений” (*Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции.* СПб., 1997. С. 37).
- 6 *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
- 7 *Гуляницкий Н.Ф.* Крестовокупольный храм древней Руси и грекоантичная традиция // *Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре”.* Вып. 2. М., 1993.
- 8 *Щенков А.С.* О принципах изучения русской храмовой архитектуры // *Архитектура в истории русской культуры: Сборник научных трудов.* М., 1996.
- 9 См., например: *Бондаренко И.А.* Идеальная композиция древнерусского города // *Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: искусство композиции в истории архитектуры”.* Вып. 5. М., 1996; *Он же.* Иерархическая структура древнерусского города (в реализации идеи “вечной гармонии”) // *Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т.В. Степугина.* М., 1996.

Глава первая

ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМА

Глава посвящена проблеме религиозно-символического значения православного храма как объекта духовной и материальной культуры, выявлению канонических идейно-религиозных характеристик православно-церковной архитектуры, необходимо лежащих в основе как творческого созидания, так и восприятия формальной эстетики храма.

I.1. Основные представления о символике церковной архитектуры в культуре Византийского Православия

Рассмотрение проблемы канонической интерпретации символики христианского (православного) храма является необходимым основанием профессионального исследовательского опыта, объектом которого избрана та или иная форма сложной храмовой культуры. Ведь именно идейное содержание храма, исторически формирующее его как многозначное явление, воздействующее на любую иную из его сторон – архитектурно-художественную, градостроительную, обрядовую, социальную, – первично и первостепенно.

С данных позиций закономерным представляется то обстоятельство, что в настоящее время относительно подробно изученная искусствоведческой наукой область отечественного культурного наследия, каковой является храмовая архитектура, “оказывается объектом нового, пристального внимания, и полнота наших знаний о ней подвергается сомнению”: по-прежнему подобные знания чаще всего базируются на приеме раздельного, “вне связи с целым и, что особенно печально, в отрыве от богословской основы храмостроения”, исследования различных сторон храмовой культуры.

Постановка задачи изучения идейно-религиозной (богословско-философской) традиции христианского (православного) храма прежде всего обращает внимание исследователя на первоисточник Христианского Закона – Новый Завет. Характерно краткие и точные (исключающие самую природу внутреннего противоречия) и, вместе с тем, бесконечно емкие символические формулировки учения о храме включают в себя канонические тексты Евангелий, наряду с которыми все иные, многообразные и различающиеся по полноте и степени достоверности, древние и современные, источники Христианской идеологии, безусловно, следует считать лишь в той или иной мере приближенными к эзотерическому смыслу библейского текста переложениями или интерпретациями содержащихся в нем символических понятий о сущности хри-

стианского храма, то есть о том, “чем храм реально является”. Между тем, многие современные “исследователи при определении главных ориентиров в выборе символических значений храма... часто не разделяют по степени церковного авторитета источники толкований, не всегда основываются на словах Самого Христа..., где есть прямые ответы на вопрос о храме”.

Итак, что же говорят об идее христианского храма четыре апостольских Евангелия? Сохраняя каноническую последовательность расположения евангельских текстов, процитируем:

1. Евангелие от Св. Апостола Матфея: “И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, // И говорил им: написано: “дом Мой домом молитвы наречется”; а вы сделали его вертепом разбойников”.

2. Евангелие от Св. Апостола Марка: “Пришли в Иерусалим. Иисус, войдя в храм, начал выгонять продающих и покупающих в храме; и столы меновщиков и скамьи продающих голубей опрокинул; // И не позволял, чтобы кто пронес через храм какую-либо вещь. // И учил их, говоря: не написано ли: “дом Мой домом молитвы наречется для всех народов”? А вы сделали его вертепом разбойников”.

3. Евангелие от Св. Апостола Луки: “И, войдя в храм, начал выгонять продающих в нем и покупающих, // Говоря им: написано: “дом Мой есть дом молитвы”, а вы сделали его вертепом разбойников. // И учил каждый день в храме. Первосвященники же и книжники и старейшины народа искали погубить Его, // И не находили, что бы сделать с Ним; потому что весь народ неотступно слушал Его”.

4. Евангелие от Св. Апостола Иоанна: “Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим // И нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег. // И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, *также* и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул. // И сказал продающим голубей: возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли. // При сем ученики Его вспомнили, что написано: “ревность по доме Твоем снедает Меня”. // На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что *имеешь власть* так поступать? // Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. // На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? // А Он говорил о храме тела Своего. // Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус (выделено в тексте. – *А. Т.*)”.

Таков основной материал первоисточника, заключающий в себе неповрежденный, неоспоримый изначальный смысл христианского учения о храме, символизированная идея которого, – если обобщить содержание четырех евангельских фрагментов, – раскрывается в следующих определениях: 1) храм – это дом Бога-Отца и Бога-Сына, Иисуса Христа; 2) храм – это Тело Христово; 3) храм – это дом проповеди Христовой; 4) храм – это идеальный (и изначаль-

ный, и грядущий) образ человека, воплощением которого явился Сам Христос; 5) храм – это дом человеческой молитвы; наконец, 6) храм – это место очистительного соединения человека с Богом посредством Таинства Евхаристии.

Формирование и развитие традиции христианской экзегетики, древнее наследие которой в его освященных признанием Церкви произведениях следует признать вторым по значимости после книг Нового Завета источником православной идеологии, исторически связано с эпохой государственной самостоятельности Восточной Римской Империи и творчеством крупнейших христианских богословов, мыслителей, создавших своими трудами базис “всей последующей христианско-православной культуры, которая легла в основу не только византийской культуры, но и культур православных стран, значительно переживших Византию”.

Активно используя начальный опыт творческого осмысления и толкования символики библейского религиозного канона, оставленный философами поздней античности (апологетами; II – III вв.), уже первые Отцы Византийской Церкви стремились, в интуитивно (“промыслительно”) ощущавшемся ими соответствии со вновь утвержденными основами церковной догматики, еще подробнее теоретически интерпретировать различные аспекты христианского вероучения и миропонимания.

Так, размышляя над общей сущностью символики, являющейся природой текстов Священного Писания и Священного Предания, крупнейший теолог христианского мира, известный современной культуре под псевдонимом Дионисия Ареопагита (отсюда – наименование *Псевдо-Дионисий*; конец V – начало VI в.), чьи религиозно-философские сочинения (“Ареопагитики”; в частности – трактат “О Божественных именах”, представляющий собою учение об иерархическом строе мироздания) “получили широкое распространение в качестве авторитетнейшего богословского источника как в Византии, а затем и во всем православном мире, так и на средневековом Западе”, увидел в религиозном символе универсальную многопонятную категорию, способную вместить в себя наиболее полную и объективную информацию о высших истинах мироздания. Согласно Псевдо-Дионисию, символ, с одной стороны, “служит для обозначения, изображения и тем самым выявления непостижимого, безобразного и бесконечного в конечном”, с другой стороны, – “он является оболочкой, покровом и надежной защитой невыговариваемой истины от глаз и слуха “первого встречного”, недостойного познания истины”. В связи с этим, как вместилище информации символ отличают “особые формы хранения... истины”, ибо он может не только облекаться в знаковую или образную форму, то есть обозначать, но и являть собою обозначаемое. Кроме того, “непонятная информация символа воспринимается стремящимися к ее познанию далеко не в последнюю очередь в форме “красоты” и “света”, – неких обобщенных духовных сущностей, содержащихся “внутри” всевозможных символов (словесных, изобразительных, музыкальных, предметных, собственно религиозных). Подлинное познание религиозного символа позволяет воспринять всю полноту

Божественной мудрости, – именно поэтому в обучении людей духовному “видению символа”, в истолковании всего множества “символических священных образов” Псевдо-Дионисий находил важнейший смысл своих трудов.

Одну из первых в истории христианского богословия попыток интерпретации библейской идеи храма как ключевого звена символической иерархии христианского мировоззрения предпринял – в сочинении, посвященном вновь созданному в сирийском городе Тире храму, – римский церковный писатель, историк и богослов, епископ Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил; между 260 и 265 – 338 или 339 гг.). Подробно воссоздавая процесс сооружения храма, внимательно исследуя особенности функционально-конструктивного решения конкретного архитектурного объекта, автор вышел за рамки жанровой традиции ветхозаветных описаний и превратил свое повествование “в целую философию архитектуры”. Так, в труде Евсевия весь “мир тварного бытия представит системой храмов, отображающих духовные истины и прежде всего храм духовных существ, непрестанно славящих Творца. Главным [живым] храмом системы выступают Вселенная и человеческое общество в целом”, то есть совокупность “живых, твердых и крепких” человеческих душ, каждая из которых сама по себе также есть храм Божий; весь этот “великий и царственный дом, исполненный блеска и света внутри и снаружи”, равно как и отдельные части его, создан Самим Сыном Божиим, Иисусом Христом, Который, поместив “на земле мысленное изображение того, что находится по ту сторону небесных сфер”, “каждой частью храма выразил ясность и блеск истины во всей ее полноте и многообразии”. Последним в этой глобальной иерархии стоит храм “видимый”, рукотворный, – но и он создан “художником”, носящим “в своем сердце образ Христа”, “по образу храма лучшего, невидимого”. Размышляя так, Евсевий прибегал к сравнению тирского храмостроителя с Веселиилом, легендарным библейским зодчим, “которого Сам Бог исполнил духом премудрости, разума и всякого ведения в искусствах и науках и призвал к воплощению небесных прообразов в символах храма”.

Представление о храмовой структуре мироздания, подобно Евсевию, обнаруживает и автор одного из первых (V в.) богословских комментариев Апокалипсиса Святого Иоанна Богослова – архиепископ Андрей Кесарийский. По Св. Андрею, храм в евангельском обобщенном значении его как вместилища Бога (Истины) на глобальном уровне есть “всякая тварь, обновляемая духом. Но вернее всего сохранившие залог Духа целым и неугашенным. Бог обещал в них *жить и походить* (выделено в тексте. – А. Т.)”.

Иерархичность мироустройства и разновеликость его частей очевидны, но большое, как в капле воды, отображается в малом; поэтому “храм Бога Живого” и в рукотворной форме, – как “церковь, в которой приносятся нами словесные жертвы”, – символически остается тем же миром “сохранивших залог Духа целым и неугашенным”, что и глобальный храм; за пределами же этого мира – “внешний двор – общество неверующих.., недостойных ангельского изме-

рения за свое нечестие: *позна Бог сущия Своя* (выделено в тексте. – А. Т.), но Он, Всеведущий, беззаконных не знает”.

Безымянный для нас автор VI века, чье сочинение (“сугита” – гимн) посвящено христианскому храму в Эдессе (Сирия), описывая данное сооружение, вероятно, в основной своей задаче сходилась с Евсевием Кесарийским, ибо стремился в слове не только и не столько реконструировать формальную (материальную) сторону архитектуры, сколько изложить собственное представление о символической значимости храма. Здание храма виделось ему “сложным образом и космоса (материального и духовного), и христианского социума (в его историческом бытии), и Самого христианского Бога”. “Его свод простирается подобно небесам... Его высокий купол сравним с “небом небес”. “Форма всех трех [фасадов храма] едина, так же, как едина форма Св. Троицы. Более того, единый свет освещает хоры через три открытых окна, возвещая таинство Троицы – Отца, Сына и Св. Духа.” Колонны храма символизируют апостолов, а трон епископа над ведущими к нему девятью ступенями – “трон Христа и девять ангельских чинов”. Таким образом, небольшое по масштабам сооружение оказывается способным вместить в себя “огромный мир”. “Велики таинства этого храма как на небесах, так и на земле: в нем образно представлены высочайшая Троица и милосердие Спасителя”.

Заметно нарушая уже наметившуюся в настоящем исследовании хронологическую последовательность изучения византийской богословской, религиозно-философской мысли в части толкования ею символики христианского храма, нельзя, тем не менее, в связи с упоминанием последнего литературного памятника не вспомнить об отдельных фрагментах другого, гораздо более позднего по происхождению, источника, а именно – “Хронографии” Михаила Пселла (1018 – около 1078 или около 1096 г.), влиятельного политического деятеля из окружения византийского императора Константина IX Мономаха, писателя-мемуариста и ученого, творчеству которого, в частности, принадлежит ряд исторических свидетельств о крупнейших произведениях древней православно-церковной архитектуры. Рассказ Пселла об истории создания церкви Святого Георгия в Манганах (Константинополь; 1040-е гг.), ставшей “любимым детищем императора Константина”, содержит характерное образно-символическое описание архитектурно-художественного облика храма, который являлся, возможно, “одним из лучших памятников всей византийской архитектуры”.

История Георгиевской церкви по-своему драматична. Вскоре после возведения первоначальной ее постройки императора, не удовлетворенного масштабами сооружения, “стало мучить желание соорудить храм, который бы не только не уступал, но и намного превосходил все когда-либо существовавшие здания, и вот уже большая ограда окружила церковь, одни из опор выросли и поднялись вверх, другие еще глубже вросли в землю, а возле – колонны, больше и красивее прежних, и все выполненные самым искусным образом. Крыша золоченая, камешки зеленеющие, один в пол, другие в стены вделан-

ные, один подле другого сверкающие, по подобию или чередованию цветов подобранные”. Однако и эта постройка еще не была завершена, как по воле императора Константина, который вновь решил, что “в соперничестве с другими зданиями этот храм не одержал полной победы, но уступил первенство одной церкви”, “снова принялись все менять и переиначивать: разрушили совершенную гармонию камней, сломали стены и сравняли с землей всю постройку”, а затем “опять возвели новые стены, и проведенный, как из центра, идеальный круг еще искусней, если можно так сказать, описал третью по счету церковь, высокую и величественную. Подобно небу, весь храм был украшен золотыми звездами, но если парящий свод только местами покрыт золотистыми крапинками, то здесь хлынувший из центра обильный золотой поток сплошь затопил собой все видимое пространство. А вокруг – здания с галереями, с двух или трех сторон опоясывающими, все широкие, как ристалище, для взора необхватные и вдали едва различимые, – одни других больше. А рядом луга, цветами покрытые, одни по кругу, другие посередине разбитые. И струи вод, и бассейны, ими наполняемые, рощи дерев, высоких и к долу клонящихся, и купания прелесть невыразимая. Всякий, кто бранит храм за размеры, замолкает, ослепленный его красотой, а ее-то уж хватает на все части этой громады, так что хочется соорудить его еще обширнее, чтобы придать очарование и остальному”.

Вероятно, столь очевидные эстетические и содержательные достоинства данного литературного фрагмента не могут предполагать подробных комментариев: здесь, в, казалось бы, сугубо реалистическом, светском по духу сочинении писателя-христианина, реальный образец христианского (православного) церковного зодчества, явившись результатом тяжелого и, вместе с тем, творческого труда человека, представлен в образе поистине райском, идеальном – как таинственный символ-явление иерархически-целостного, гармонического космоса, всеобъемлющего города-рая, за гранью времени воссоединяющего в Боге мир земной с миром небесным.

В ряде других значительных богословских произведений IV – VI веков, входящих в наследие первых Отцов Византийского Православия (Феофила, Василия Кесарийского (Василия Великого) и др.), храм также “весьма конкретно” уподоблялся космосу, его архитектурный объем – “универсуму в целом, а купол или свод – небу”. “Но особенно прочно и детально такая символика интерпретации храма установилась на Христианском Востоке” к VI – VII векам, то есть к концу доиконоборческого периода, – “благодаря сочинениям Псевдо-Дионисия Ареопагита и Максима Исповедника”.

Исключительно оригинальный вариант экзегезы евангельской символики христианского храма принадлежит творчеству выдающегося византийского богослова-мистика VII века Максима Исповедника (около 580 – 662 гг.). Согласно автору “Мистагогии”, “православный храм... изображает... процесс очищения и возрождения во Христе человека и всего творения в целом... Храму с древнейших времен присваивается символическое значение Христа... и

значение человека, спасающегося... во Христе. В любом же из этих значений... присутствует понятие о Царствии Божиим”.

Очевидно, что в данном случае авторское толкование значения храма как символа – из ряда взаимосвязанных многосторонних объяснений (“образ и подобие Божие”; “образ мира, состоящего из существ видимых и невидимых”; “образ чувственного мира в отдельности”; “символический образ человека”; “подобие души, рассматриваемой в самой себе”), в качестве “наиважнейшего и основополагающего”, выделяет следующее: “храм – это Христос как идеал обоженного человека”. При этом важно отметить, что в представлении Максима общим свойством христианской символики является ее “философско-умозрительный” характер, то есть, в определенном отношении, условность, вспомогательность, – ибо подобная система образов необходима человеку, стремящемуся осмыслить религиозный – “непонятный” – путь приобретения высшего знания, ключевым событием которого в пространстве храма является богослужебный (литургический) цикл, завершающийся Таинством Св. Причастия.

Исходя из идеи “умозрительности” трактуемой символической системы и стремясь сохранить внутреннее смысловое единство последней, Максим делит ее компоненты, относящиеся к одному и тому же явлению, на “общие” и “частные”. Так, церковь именно “в общем плане является “образом и изображением Бога”, а в частности, так как она состоит из святилища и собственно храма – наоса, – образом мысленного и чувственного мира, также – образом человека и, кроме того, образом [человеческой] души, как состоящих из духовной и чувственной частей”.

Существенно иной характер символическое толкование христианского богослужебного (литургического) канона, имманентной составляющей (пространством – средой, вместилищем – “домом”) или же (именно по этой причине) прямой аналогией которого служит храм, – приобрело в трудах ряда богословов – “практиков литургического гносиса”, являвшихся иерархами Византийской Церкви: епископа Кирилла Иерусалимского (IV – V вв.), патриархов Германа (VIII в.) и Никифора (IX в.) Константинопольских, – а также в сочинениях последних Отцов Византийского Православия: архиепископа Симеона Солунского (умер в 1429 г.) и монашествовавших теоретиков исихазма, одной из “наиболее утонченных форм христианской мистики”, творивших в эпоху наиболее тесного соединения предельно эстетизированной православной духовности и наполненного “повышенной религиозностью” искусства, проповедовавших “радости и наслаждения аскетической жизни – вне мира, целиком и полностью посвященной умному деланию и духовному созерцанию, которое в представлении исихастов существенно отличалось от чисто умозрительного философского созерцания”, таких, как Григорий Палама, Николай Кавасила, Григорий Синаит.

Здесь литургическая (и в целом – христианская) символика, при существенной “исторической смене акцентов”, трактуется в целом как система “ре-

альных символов”, которые одновременно, в той или иной мере, и обозначают, и являют собою обозначаемое.

Так, согласно представлениям епископа Кирилла Иерусалимского и патриарха Германа Константинопольского, все элементы богослужебной традиции, принадлежа к “земному быванию”, суть и одноименное “реальное явление мира сверхбытия”: храм (по Герману) “является” земным Небом, диаконы “являют собой” Серафимов, иереи “выражают” бесплотные чины, жертвенник (алтарь) “является и называется” Гробом Господним.

Постулируемая реальность сверхбытия в его земных символах определяет характер специального толкования патриархом Германом сущности христианской церкви (храма): “Церковь есть храм Божий, место священное, дом молитвы, собрание народа, Тело Христа, Имя Его, Невеста Христа, призывающая людей к покаянию и молитве, очищенная водою Святого Крещения, окропленная честною Его Кровию, облеченная в брачную одежду и запечатленная миром Святого Духа... Иначе: церковь есть земное Небо, в котором живет и пребывает Пренебесный Бог. Она служит напоминанием Распятия, и Погребения, и Воскресения Христова, и прославлена более Моисеевой скинии... Иначе: церковь есть Божественный дом, где совершается таинственное животворящее жертвоприношение...”.

Основываясь на собственной теории образа (“образ относится к первообразу, как следствие к причине” и “творится... путем подражания первообразу, создания некоторого подобия его внешнего вида, но не сущности”, патриарх Никифор полагал, что “церковный строй и порядок являются подражанием и отображением небесного”, то есть предпочитал уподобление символа символизируемому – их фактическому тождеству (и формальному, и внутреннему единству).

Отчетливое идейное созвучие религиозно-философским взглядам Никифора Константинопольского можно обнаружить в творчестве византийского поэта-богослова X века Иоанна Геометра, автора стихотворных описаний христианских храмов, который внес сходный оттенок в сложное – “образное и символическое” – понимание природы храма, в данном случае – ее материальной (архитектурно-художественной) составляющей. По мнению Иоанна, храмовая архитектура, с одной стороны, демонстрирует “подражание вселенной” во всей ее многообразной красоте”, с другой стороны, служит символическим обозначением всего “мысленного космоса”, возглавляемого Христом. При этом “образный и символический уровни толкования храмового пространства” не только не противоречат друг другу, но и не существуют отдельно – лишь как “возможные варианты подхода к пониманию христианского храма”: оба они принципиально “необходимы... для раскрытия полного духовного содержания, глубинного смысла архитектурного образа” храма, который является для христианина центром единства (и единения) двух миров (космосов) – земного (материального) и небесного (духовного), “средоточием всех красот”: “Но если и есть где слиянье враждебных [начал] // Мира всего – дольного с

горним, // Здесь оно и отныне только ему пристойно // Зваться у смертных вместилищем [всех] красот”.

Своеобразным связующим звеном между обозначенными выше позициями богословов – сторонников “реальной” природы христианской символики – стали взгляды на проблему взаимосвязи “образа” и “первообраза” в христианском (православном) учении о мире, изложенные последними Отцами Византийской Церкви (XIV – XV вв.).

В данном случае в качестве исходного принципа широких богословских толкований христианской символики выступило представление о “литургическом образе” (“сакральном символе”) как о явлении, которое “не только обозначает и выражает архетип”, но и наделено “его силой, энергией”.

Именно с этой точки зрения Николай Кавасила и Симеон Солунский (в различное время – кафедральные архиереи, замещавшие одну и ту же – Солунскую – кафедру Византийской Церкви) изучали и разъясняли природу церковных Таинств, последовательно приобщающих человека “к жизни во Христе”.

Рассуждая о Таинстве Крещения, Николай Кавасила называл его символом некую печать или образ, а содержанием – впечатление в душах принявших его образов Смерти и Воскресения Спасителя. Именно с Крещением как Таинством и обрядом Кавасила связывал существующее независимо от научного знания и философии “некое непосредственное ощущение Бога, когда луч от Него невидимо касается самой души”. Символом этого луча Кавасила трактовал “светлость”, то есть часть обрядовой формы Таинства, представленную множеством светильников, светлыми одеждами, ликующими песнопениями и гимнами.

В специальном сочинении, посвященном толкованию символики Таинств, Симеон Солунский, с одной стороны, регулярно использовал “понятия *знак, образ, символ, изображает, знаменует* и т. п.”, с другой – настойчиво подчеркивал “их сакральную значимость, то есть – их принципиальную вынесенность за пределы чисто семиотического отношения. В Таинствах, – полагал он, – через людей действует Сам Бог”. Так, Таинство Крещения “преимущественно” изображает “Смерть Христа и Его тридневное Воскресение”; в то же время, человек, принимающий Крещение, “являет собою падшего Адама, а крестящий его иерей изображает Самого Христа и имеет в себе Его силу”, – тогда, когда “ангелы предстоят здесь, Христос изображается водами, Св. Дух нисходит” на принимающего Таинство и превращает его “из нечистого в чистого”.

Обращаясь к Таинству Причащения и определяя содержание евхаристических хлеба и вина, Симеон находил, что в них явлен “не образ, но сама Истина”, то есть собственно Тело и Кровь Спасителя, – ибо служат они таким отображением первообраза (архетипа), который “обладает его силой”.

Исторически завершая “на византийской почве” тысячелетний опыт символического толкования христианского литургического цикла, Симеон Солунский детально разработал тему интерпретации сакральной символики храма. Возможно предположить, что обратиться к столь подробному рассмотрению

данной проблемы его побудил весьма влиятельный пример предшественника, ибо за полвека до Симеона попытку на новом богословском уровне изложить идею храма как “символического ядра всей церковной жизни” предпринял Григорий Палама (1296 – 1358 или 1359 г.; канонизирован Византийской Церковью в 1368 г.), афонский монах и Солунский кафедральный архиерей, “самый знаменитый исихаст всего XIV в. и один из самых популярных людей в византийском обществе” своей эпохи.

Объединяющей идеей теологической концепции Паламы было представление о земном (“чувственном”) мире, вмещающем в себя “не только природный мир, но и множество явлений религиозной культуры, возникших значительно позже сотворения самого мира”, и созданном как некое зеркало, “особым образом” отражающее истинное (“надмирное”) бытие, – дабы “путем духовного созерцания” истины человек “как по некоей лестнице” мог подниматься к ней.

Христианский храм трактовался Паламой “образом Его [Спасителя] Гроба, и даже более, чем образом: он, быть может, по-иному являет его”, ибо здесь, в храме, на трапезе возлежит Само Тело Христово. Человек, с верою обращающийся к Богу свои мысли, непременно “ясно узрит” не только духовным, но и “телесным” “взором Самого Господа”, сделается “участником Его, обретет Его обитающим в себе”, насладится Им и станет “Боговидным”.

Симеон Солунский видел в символе христианского храма, как в ветхозаветной скинии и храме Соломона, изображение всего мира, пронизанного Богом, соединенного с Ним. Как образ Троичного Бога “храм имеет трехчастное членение и соответствующую семантику. Членение это осуществляется в нескольких взаимопересекающихся измерениях: в вертикальном, горизонтальном и изнутри во вне.

В вертикальном измерении храм является образом видимого мира. Самые верхние части его изображают видимое небо, нижние – то, что находится на земле, и земной рай, внешние части (здесь уже переход к движению изнутри во вне) – только землю и ведущих неразумную жизнь”.

Образное деление храмового пространства по горизонтали соответствует его традиционной функциональной структуре. Так, периферийные элементы храма – нартекс, притвор, придел – означают землю и все то, что обитает на ней; срединная часть – собственно храм (наос, корабль) – отображает небесный мир, небо и рай; наконец, смысловой центр системы – алтарь – по определению Симеона Солунского, “образует собой” святая святых, горний пренебесный мир. Внутри алтаря трапеза (по Симеону) “образует” Престол Бога, а иерей, совершающий службу, – “образует Богочеловека Иисуса и обладает Его силой”; сослужащие епископы и иереи являют собой Апостолов и Ангелов.

Создавая столь впечатляющую семантическую картину богослужебной символики храмового пространства, в основание ее иерархии Симеон Солунский поместил собственное представление о природе сакрального (“реального”) символа. Сущностью этого феномена он считал соединение (единство)

двух начал – духовного (Божественного) и плотского (человеческого), ставшее возможным благодаря Тому, Кто некогда снизошел с небес и вочеловечился. С тех пор, как Господь ступил на землю во плоти, богослужение стало совершаться одновременно на обоих уровнях – горнем и дольном, – с тем лишь различием между ними, что там, на небе, все совершается, по словам Симеона, “без завес и символов”, а здесь, на земле, где облеченному тленной плотью человеку недоступно сугубо духовное служение, – “через символы”, представляющие собой, таким образом, плотскую (шире – материальную) форму, наполненную и преображенную неискаженным духовным смыслом (Божественной “силой”).

Вместе с тем, Симеон признавал, что трапеза в алтаре может предстать не только “реальным символом”, но и “реальным феноменом” Гроба Господня и всего Таинства Его жертвоприношения: здесь Спаситель “реально почивает, как Бог, и свершается Его заклание, как Человека, и вкушение верующими от этой таинственной трапезы”.

Помимо толкования литургических образов, формирующих сложное храмовое единство, Симеон Солунский символически трактует его эстетику (“видимую красоту”). Красота храма многозначна, она: символизирует рай и райские небесные дары; “знаменует собой самую Жизнь, живую Премудрость, обитающую в храме”. “И еще красота храма означает, что Пришедший к нам прекрасен добротой, как Всенепорочный, и что Он – Прекрасный Жених, а Церковь – Прекрасная и Непорочная Невеста Его”. Великолепие храмового убранства отображает величие, славу и красоту Бога; это внешнее проявление совершенства необходимо человеку как существу и духовному, и телесному (“чувственному”) для постижения совершенства духовной сущности храма. Однако не только и даже не столько видимое великолепие предметов, – безусловно, более привлекательное для суетного взгляда, – обуславливает их значимость: в храме и внешне невыразительные вещи исполнены мудрости; и чем менее они заметны со стороны, “тем более, – утверждал Св. Симеон, – заключают в себе смысла”.

Таким образом, становится очевидным, что и материальная эстетика храма, в представлении Симеона Солунского, на символическом уровне определяет (“реально являет”) все основные ценности христианского универсума, такие, как *вечная жизнь, Премудрость, религия, Сам Господь*.

Как показывает опыт обзора лишь некоторых – наиболее известных – источников из обширнейшего свода христианской (православной) богословской литературы Византии, интерпретация евангельской идеи храма представлена в этом наследии чрезвычайно разнообразно и в содержательном, и в количественном, и в хронологическом плане. Тем не менее, может оставаться неясным, в какой степени теоретические основы византийской православно-богословской традиции (в рамках настоящего исследования – учение о сущности христианского (православного) храма), разработанные выдающимися представителями святоотеческой культуры, могут быть идентифицированы с

общенациональной (народной) религиозно-мировоззренческой традицией Византии.

Нельзя не учитывать: в полноте своей данный вопрос, обозначающий взаимодействие сторон сложнейшего социально-исторического процесса, протекавшего внутри национальной (византийской) культуры, представляется столь масштабным, что требует рассмотрения в качестве предмета не одного, а, возможно, целого ряда специальных исследований. В связи с этим, в настоящей работе, тематически не предполагающей отдельную разработку данной проблемы, логически обоснованным будет лишь принципиальное прояснение сложившейся по нему авторской позиции.

Сущность этой позиции заключается в том, что в сфере основных понятий христианской догматики подобная идентификация церковно-богословского и общенационального (народного) аспектов мировоззренческой культуры традиционного христианского общества, – которая, конечно же, не лишает оснований многоплановую проблематику процессов формирования и взаимодействия указанных сторон данной культуры, – признается не только правомочной, но и необходимой в качестве исходного принципа возможных научных разработок.

Формирующей основой мировоззрения византийца V – XV веков было Христианство, уже к концу IV века утвердившееся в Византийской Империи в качестве государственной религии. В эту эпоху роль господствующей силы, определявшей характер сознания, идеологические (мировоззренческие) установки и образ жизни личности, как в Западной Европе, так и в Византии принадлежала Христианской Церкви.

Несомненно то, что масштабы подобного влияния и его эффективность во многом зависели от величины социальной и культурной дистанции между главным проповедником Христианского вероучения – духовенством и миром (обществом): чем больше была эта дистанция, тем менее прочным мог быть мировоззренческий (духовный) контакт Церкви и человека.

Исторически обусловленная неустойчивость иерархической структуры византийского общества в целом, особенно заметная при сравнении ее с социальной организацией, параллельно сложившейся в государствах Западной Европы, выразилась и в относительно слабой социальной обособленности византийского духовенства. “Внешне это проявлялось в том, что в Византии на священников и диаконов не распространялся принцип celibата: подобно мирянам, они имели семью и вели, следовательно, такой же образ жизни.” При этом “менее отчетливой”, чем в Западной Европе, была иерархичность внутреннего устройства и самой Византийской Церкви. “Византийские епископы не стали феодальными государями, как не стали ими и византийские аристократы в провинции. Лиутпранд, посетивший Византию в середине X в., был поражен простотой жизни керкирского епископа, погрязшего, как показалось западному прелату, в мелких хозяйственных заботах, недостойных высокого духовного лица”. Между тем, именно подобная “простота”, то есть естественность, от-

крытость, традиционного образа жизни клира позволяла Византийской Церкви наиболее тесно сближать самое себя, с личностью и обществом, гармонически сочетать проповедуемое ею вероучение с индивидуальным и общественным сознанием, оберегая его от соблазнов и заблуждений.

Существенным для обоснования изложенной выше позиции представляется и то обстоятельство, что в самой основе христианского мировоззрения, которым не могло в той или иной мере не характеризоваться национальное большинство средневековой Византии, лежал традиционализм, побуждавший человека к постижению и сохранению в изначальной чистоте заповеданных Самим Создателем мировоззренческих истин, но отнюдь не к созданию новых. Девиз: “Не люблю ничего своего”, провозглашенный Иоанном Дамаскином, был “характерен не для него лично, но для всего средневекового мышления”. Апелляция к авторитетному источнику имела решающее значение; “в пересказе... благочестивого сочинения усматривали... немалую заслугу; цитата представлялась наиболее могущественным аргументом в споре”.

Дополняя вышесказанное, закономерно обратиться к конкретным историческим примерам из церковно-общественной жизни Византии первых веков Христианства.

Так, первой “иллюстрацией” тезиса о высочайшей просвещенности византийского общества в сфере христианской догматики и активной защите им в сложных исторических условиях “чистоты веры” может быть избрано событие из жития Святителя Григория Богослова, архиепископа Константинопольского, родной отец которого, также носивший имя Григория, был епископом в Назианзе, “небольшом городе в Понте”, и “оказался исключительно духовно одаренной личностью”: благодаря ему “Святая Православная Церковь имеет пятерых Святых: его самого, супругу его Св. Нонну и их троих детей: Григория, Горгонию и Кесария... В весьма критические времена, когда буря арианства колебала весь Православный Восток, он подвизался ради Церкви и ее народа; именно он с глубоко духовным рассуждением прилагал много стараний, чтобы Святитель Василий Великий был избран архиепископом Кесарии Каппадокийской и экзархом Понта, чего и добился своей непреклонной настойчивостью. ...Как бесценное сокровище он оставил нам свои нетленные святые мощи, сохраняющиеся доныне в Неа Карвалах, возле города Кавалы в Греции”.

Случилось так, однако, что именно этот “почтенный старец”, епископ Григорий Назианзский, “однажды, среди трудных обстоятельств”, “будучи введен в заблуждение из-за своей простоты”, “подписал вместе с другими архиереями в Малой Азии полуарианское исповедание веры”.

Епископ Григорий не был противником православного Никейского Символа, и, вероятно, лишь крайне преклонный возраст (90 лет) помешал ему “полностью разобраться во всех богословских и догматических тонкостях, которые в то время волновали Церковь, то есть в различиях между единосутием и подобосутием”, и уберечься, “имея нековарное сердце”, “от коварства”.

И тем не менее, церковный иерарх допустил догматическое заблуждение... “Не терпевши этого, монашествующие той области пресекли [церковное] общение с ним (“оградились” от него) и к ним присоединилась немалая часть народа...”.

Григорию-младшему (Богослову), бывшему в то время “священником и помощником своего престарелого родителя”, стоило немалых усилий устранить возникшие “разделение” и “раскол”, примирив в 364 г. монашествующих, духовенство и народ “со своим епископом-отцом”, которого он убедил “подписать православный Символ и возгласить его открыто”.

Не менее ярким и существенным свидетельством каноничности традиции христианского вероисповедания и мировоззрения византийского народа (в частности – в конкретном представлении его о значении христианского храма), могут служить также события, имевшие место в Константинополе в период возглавления Византийской Церкви патриархом Несторием (428 – 431 гг.).

Однажды, во время Божественной литургии, происходившей в одном из константинопольских храмов, епископ Дорофей, “человек корыстолюбивый и дерзкий на словах”, в присутствии самого патриарха Нестория, с которым был он “одинаковых... мыслей”, осмелился “громким голосом” (“велиим гласом”) “провозгласить его страшную ересь” (“Кто говорит, что Мария есть Богородица, тот да будет анафема”). Немедленно после этого “весь народ поднял сильный крик и вышел из храма”, ибо “он не хотел быть в общении с теми, которые имеют такие мысли”.

По словам святителя Кирилла Александрийского, и много позднее еще “народ константинопольский” продолжал отказываться от посещения храмов, не бывая “при соборных молитвословиях, кроме немногих людей легкомысленных... Монастыри же почти все, и их архимандриты, и многие из членов Сената” отсутствовали “при богослужениях, боясь, чтобы не сделалась неправою их вера от того превратного учения”.

Таким образом, не отвлеченно, не умозрительно, но – практически, в сложных жизненных обстоятельствах выразившись в решительном, более того – радикальном, действии, религиозное мировоззрение народа обнаружило совпадение по сути с идеологией христианского учения в ее конкретном понятии. Ибо именно евангельское представление о храме как доме проповеди Христовой заставило паству без колебаний нарушить самую основу традиционного уклада своей жизни: в единодушном порыве покинуть храм тогда, когда он вдруг оказался захваченным еретической проповедью лжепастыря, и не возвращаться в него до полного церковного осуждения ереси.

Несомненно, данное событие, вернее сказать, цепь событий представляет собою ценнейший факт из истории Византийского Православия, красноречиво свидетельствующий о нем как о подлинно национальном, народном явлении, исторически в полной мере отождествившемся с образом и существом духовной, творческой, повседневной жизни народа и в этом качестве – в тяжелейших условиях непрерывной антиправославной агрессии со стороны внешних

(иноверческих) и внутренних (еретических и раскольнических) сил – сохранившем ту степень первоначальной чистоты, канонической подлинности, которая во многих случаях оказывалась недоступной для высоких представителей официальной церковной иерархии. Ибо, не на словах являясь “самой ревностной частью Церкви”, “благочестивый верующий народ издревле был очень чутким в вопросах веры” и “никогда не [боялся] отмежевываться от пастырей, хотя бы и очень добродетельных, если последние не “право правили слово Истины”.

I.2. Символическое значение церковной архитектуры в культуре Русского Православия

Обращаясь к рассмотрению вопроса о толковании символики христианского храма в культуре Русского Православия, нельзя не отметить то важное обстоятельство, что одним из первых свидетельств символического осмысления русскими людьми идеи (сущности) христианского храма можно считать знаменитое предание “об изведывании вер”, содержащееся в Начальной русской летописи (“Повести временных лет”) и относящееся к событиям еще дохристианской эпохи; в нем сообщается о посольствах киевского князя Владимира Святославича, имевших целью ознакомление с религиозными традициями различных стран и народов - для последующего “выбора веры” отягощенной язычеством Киевской Русью.

Легендарная летопись Нестора рассказывает: “В лето 6495 (987). И созвал Владимир бояр своих и старцев и сказал им:

— Вот приходили ко мне болгары, говоря: “Прими закон наш”. После приходили немцы от папы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, они хулили все законы, а свой восхваляли. Что же вы посоветуете, что ответите?

И сказали бояре и старцы:

— Знай, княже, что своего никто не хулит, но хвалит. Если хочешь доподлинно узнать, то пошли своих мужей, пусть разузнают, кто как служит Богу.

И была любя речь князю и всем людям: избрали мужей славных и разумных, числом десять, и сказали им:

— Идите к болгарам, к немцам и к грекам, испытайте веру их.

Пошли русские послы к болгарам, к немцам и грекам. Когда они возвратились, созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им:

— Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними. – И обратился к послам: – Говорите перед дружиною.

Они же сказали:

— Ходили мы к болгарам, смотрели, как они молятся в мечети, и нет в них веселья, только печаль великая. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их многие службы, а красоты не видели никакой. И пришли

мы в Греки, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе мы или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького: так и мы не можем уже быть в язычестве”.

Высказывая и обосновывая мнение об исторической недостоверности рассказа о княжеских посольствах, С.М. Соловьев, однако, не подвергал сомнению основной, как представляется, факт данного летописного фрагмента, а именно – факт духовно-эстетического впечатления, полученного русскими язычниками, – будь то послы-бояре князя Владимира или же, как считал С.М. Соловьев, просто “многоопытные странствователи”, “бывальцы в Константинополе и других разноверных странах”, которые именно и могли говорить киевскому князю то, “что, по преданию, у летописца говорят бояре”, – от знакомства с таким явлением религиозно-культурной жизни Византии, как православный храм.

Уникальность данного впечатления определяется тем, что содержательно его можно практически отождествить с церковно-канонической формой восприятия христианского храма, выработанной православной богословской, религиозно-философской культурой Византии. Более того, сложное и, вместе с тем, логически стройное, целостное ассоциативное представление о храме как “земном Небе” (определение, встречающееся в сочинениях патриарха Германа Константинопольского): “...и не знали – на небе мы или на земле”, вместилище (доме) Бога и человеческой молитвы, наконец, как о месте таинственного воссоединения устремленных друг к другу Бога и человека: Бог “пребывает... с людьми” там, “где служат они” Ему, – воспроизводит в целом систему канонических понятий о храме не только на уровне традиции богословского истолкования, но и (что особенно заметно) напрямую – на уровне символических формулировок Священного Писания.

Летописное предание не дает никаких оснований предполагать просвещенность русских людей, свидетельствовавших князю Владимиру о “греческой вере”, в вопросах христианского (православного) вероучения; их ориентация на это учение, очевидно, являлась лишь производной от тех впечатлений, которые они могли получить во время посещения Византии (“Не можем мы забыть красоты той <...> не можем уже быть в язычестве”). (Нельзя при этом не отметить, что особую историческую ценность данным впечатлениям могло бы придать то непринужденное, нецеленаправленное знакомство русского человека, – не вельможи (боярина), по воле князя посетившего Константинополь и впервые ступившего под своды православного храма, но именно свободного, самостоятельного “странствователя”, “бывальца”, – с христианской (православной) традицией вероисповедания и жизнеустройства, на реальности которого, в противовес отображенному в летописи, настаивал С.М. Соловьев.)

Таким образом, феномену начального русского опыта по осмыслению христианских истин объяснение следует искать не во внешних (“универсальных”) свойствах народа (таких, как принципиальная способность познавать мир, обучаться и т. п.), но лишь в том, что определяет его внутреннюю самостоятельность, его внутреннее своеобразие. И в данном отношении можно говорить об одном: об исключительном соответствии сущности христианской (православной) культуры духовной природе, духовному строю русского народа, – что именно, в сочетании с присущей русскому человеку исключительной духовной и интеллектуальной восприимчивостью, на определенном этапе исторического развития нации и обеспечило готовность последней к органическому восприятию новой для нее культуры, а позднее – к бытийному самоотжествлению с ней.

Крещение, в 988 г. принятое киевским князем Владимиром Святославичем и его дружиной в только что завоеванной русскими Корсуни, исторически “соединило Русь с традициями византийской религиозной жизни”. Военно-политическое могущество, на вершине которого Киевская держава стала христианской, а также связанные с ним: самый путь введения новой религиозной традиции – “сверху”, “через княжескую и дружинную среду”; развитое национальное самосознание, чувства гордости и патриотизма русских людей (“Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваша, но в Русской, яже ведома и слышима есть всеми концы земли”) – обусловили “особенную... эмоциональную и идейную окраску” древнего Русского Православия, приобретшего черты национально-государственной идеологии, окрасившегося “торжественностью и парадностью княжеского быта”. Однако основная специфика исторических условий, при которых Христианство начинало формировать национальную религиозную культуру Киевской Руси, состояла в том, что Русь приняла новую для нее религию не в форме схоластической, то есть вступающей в принципиальное противоречие со всем действовавшим укладом дохристианской культуры, эзотерической идеи, как это происходило в конце IV века в Византии, но в форме многовековой эффективной культурной традиции мировосприятия и жизнеустройства. В этих условиях, – именно в силу исторически не случайного, не прагматического в основе своей, но обусловленного имманентными духовными потребностями и духовными исканиями народа (нации) религиозного выбора Руси, – догматическая основа Византийского Православия, сложившаяся из книг Священного Писания и громадного по объему, поистине универсального по тематической и содержательной полноте церковно-богословского наследия, не могла не быть воспринята русским религиозным сознанием с величайшим пиететом. В связи с этим, в дальнейшем – на протяжении многих столетий – византийский опыт интерпретации символической идеологии Христианства, унаследованный и освоенный русской религиозной культурой, в ее составе в высокой степени сохранял значение образца постижения веры, – который на уровне народного (национального) сознания был

переработан в систему важнейших духовно-мировоззренческих ориентиров православного человека.

Наиболее значимым историческим источником, способным фактически проиллюстрировать вышеизложенные соображения, вновь следует признать уже цитировавшийся текст Начальной русской летописи (“Повести временных лет”), так как именно здесь, в литературном произведении XI века, содержится основополагающее в богословской традиции суждение о сущности религиозного символа; определяя изображение, созданное художником (иконописцем), в качестве явления, способного заменить собою “первообраз”, иными словами – в особом смысле реального явления “первообраза”, оно принадлежит одному из виднейших творцов христианской богословской культуры Византии – епископу Василию Кесарийскому (Василию Великому). Очевидно, что в сознании летописца, а, следовательно, и читателя его труда, и в целом в русском национальном сознании домонгольской эпохи личность византийского богослова отождествлялась с высшим религиозным авторитетом, а его богословская позиция имела значение первоисточника религиозной идеологии, самой Христианской Истины.

Если же учесть то обстоятельство, что указанное святоотеческое истолкование религиозного символа сохранялось в основе всей русской иконописной традиции вплоть до второй половины XVII века, когда Русская Православная Церковь, приступив к изданию на московском Печатном дворе разнообразной религиозной литературы (такой, как “Кириллова книга” (1644 г.), “Книга о вере” (1648 г.), “Евангелие толковое” (1662 г.) и др.), еще “широко привлекала” в ней “сочинения византийских авторов (Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого) и их высказывания об иконописании”; если опереться на столь существенный факт отечественной истории, как многовековое отсутствие в православных храмах Руси “живой изустной проповеди Слова Божия”, где “она, по необходимости, заменялась уставными чтениями из древних учителей Церкви”, – вполне основательно будет распространить данную (нельзя не заметить: важнейшую) особенность русской религиозной культуры и на позднейшие исторические периоды.

Однако полноценное изучение и усвоение русским религиозным сознанием богословских идей Византии, существенно обогатившие и преобразившие национальную духовную культуру, не только не препятствовали, но – в значительной мере способствовали развивавшемуся одновременно с этим процессу формирования самостоятельной богословской, религиозно-философской традиции Руси.

Уже в 1051 г., то есть немногим более полувека спустя после принятия Киевским государством новой религии, в церковно-политической и культурной жизни христианской державы произошло событие, обнаружившее “мысль, что и наша (Русская) Церковь, подобно многим другим, может сделаться независимой в собственном управлении, не нарушая ни канонов церковных, ни уважения к Патриарху Цареградскому” и ознаменовавшее собою фактическое

приобретение Русской Православной Церковью прав автокефалии: предворяя волю константинопольского Вселенского Патриарха, со времени княжения Святого Владимира избравшего и поставлявшего епископов главными русскими архипастырями – митрополитами Киевскими и всея Руси, впервые “первосвятитель Русский был избран и посвящен собором Русских святителей, по воле Русского самодержца (великого князя Ярослава I Владимировича. – А. Т.) и из природных Русских”; им стал митрополит Иларион (? – около 1067 г.), бывший прежде старшим священником (пресвитером) в селе Берестове – летней резиденции великого князя – и тогда уже известный Ярославу “как постник, муж добродетельный и просвещенный”.

История не сохранила подробных сведений о деятельности этого архипастыря, однако устами летописца свидетельствует, что при нем “вера христианская начала плодиться”. Именно к периоду правления Илариона относится основание Печерской Лавры. При нем “развивалось устройство Церковного богослужения и пришли из Греции певцы для обучения Русских стройному, действительному пению. Тогда же начало процветать Русское духовное просвещение: сам Иларион написал “Слово о Законе и Благодати”, направленное против Иудеев, Похвалу Равноапостольному Владимиру, Исповедание веры и нравственное наставление”.

Главное литературно-философское произведение митрополита Илариона – “Слово о Законе и Благодати”, созданное в период с 1037 по 1051 г. и представлявшее собою своеобразную “похвальную песнь” Руси и ее князьям, а также историко-философское свидетельство о становлении Русского Христианства, явилось в истории русской культуры “первой и своеобразной попыткой вторжения за пределы внешних фактов в область средневековой церковной символики”, и приобрело, таким образом, важное богословское, религиозно-философское значение.

В сочинении Илариона унаследованное от византийской богословской традиции “представление о церковном здании как о микрокосме, совмещающем в себе основные черты символического христианско-богословского строения мира, ...распространялось на изображения росписей Киевской Софии. Существовало подобное же толкование и самого здания церкви, придававшее каждой ее части определенный смысл”. Синтез символического содержания архитектуры и живописи (стенописи), осуществленный в храме, позволял автору “Слова”, – вероятно, вполне осознанно следуя в русле церковно-богословской традиции Византии, – “отождествлять храм с церковью как организацией”, то есть видеть в нем святоотеческий “реальный символ” – мистический аналог “первообраза”, а именно – Христианской (Православной) Церкви, причем не части, не отдельного, – пусть важнейшего, – явления в ее составе, но – ее целостности, всего церковного “организма”. Полагается, что “Слово” было произнесено Иларионом в Киеве, в соборном храме Святой Софии, на хорах, росписи которых “представляют собой любопытный комментарий” к нему.

Сохранявшаяся на протяжении многих веков – с XI до XVII столетия – относительно широкая распространенность и известность данного произведения, несомненно, свидетельствуют о том, что изложенные в нем религиозно-философские взгляды в значительной степени соответствовали чертам русского национального религиозного мировоззрения средневековой эпохи.

Знаменательное для Руси и ее Церкви событие – первое самостоятельное избрание и посвящение собором русских епископов русского по крови и культуре церковного предстоятеля – фактически совпало по времени с основанием (“поставлением”) в окрестностях Киева монахом-отшельником Антонием православного монастыря – Печерской (то есть устроенной в пещерах) обители, ставшей первым в отечественной церковной истории подлинным “рассадником Русского иночества”, источником традиции “византийского, мистико-аскетического толкования христианского вероучения” на Руси.

Творцы так называемой “печерской идеологии” – печерские старцы во главе с игуменом Феодосием (1008 или 1009 – 3 мая 1074 г.), самым известным монастырским наставником за всю историю обители, одним из крупнейших русских православных подвижников и церковных идеологов второй половины XI века, подобно поздневизантийским исихастам, внесли в современную им духовную жизнь Руси, – для которой, равно как и для общего состояния русской культуры XI столетия, характерна была “светлая, пронизанная надеждой атмосфера” мировоззренческого обновления, обретения высокого жизненного смысла и цели, – суровую идею аскезы, идею “отречения от всего земного, мирского и плотского в пользу духовного самосовершенствования”.

Своеобразной и замечательной летописью православного монашеского подвижничества, а также важнейшим письменным памятником русской церковно-богословской, религиозно-философской мысли явился созданный иноками Антониевой обители Киево-Печерский Патерик.

Религиозно-философская интерпретация идеи христианского храма в оригинальной форме раскрывается в сказании Киево-Печерского Патерика “О создании Печерской церкви Святой Богородицы”, посвященном исполненной различных чудес и знамений истории воздвижения главной (Великой) церкви монастыря во второй половине XI века.

Начало этой истории мистически связано с именем преподобного Антония Печерского, предсказавшего трагический исход сражения с половцами на реке Альте (1068 г.) русским князьям Изяславу, Всеволоду и Святославу Ярославичам. В свите последних, искавших у старца благословения перед битвой, находился военачальник, варяг по происхождению, Шимон (в крещении Симон), друг игумена Феодосия, который устранился “предсказанием святого отшельника, пал к ногам его и молил, чтобы не погибнуть ему в битве; блаженный старец сказал ему: “Многие падут от меча, преследуемые врагами; но ты, сын мой, останешься жив и будешь положен в том храме, который здесь воздвигнется”.

За чудесным сохранением воина в кровопролитном сражении и получении им золотого пояса для передачи в Печерскую обитель, где, по словам пустычника Антония, должна была быть построена церковь, последовало видение, открывшее Симону образ будущего храма, его величину и предназначение драгоценного дара: “Если измерить ее (церковь) тем золотым поясом, то в ширину она будет в двадцать раз, а в длину – в тридцать, в высоту стены и с верхом пятьдесят”. Симон передал пояс в монастырь со словами: “Вот мера и основа”.

Как рассказывает Патерик, многие события, предшествовавшие сооружению Печерского храма, и само строительство также были отмечены прямыми проявлениями Промысла Божьего. Так, четверо зодчих, в бывшем им “чудном видении” “нанятых” Самой Богородицею “для построения Ей церкви в Киеве” и, как и Симон, видевших в небесном образе подобие будущего храма, по указанию Богородицы, пришли, неся для положения в основание фундамента церкви чудесно обретенные ими святые мощи, из Царьграда к старцу Антонию и просили его определить им место для строительства церкви. По пламенной молитве старца, “в одну ночь на избранном месте было сухо, а все окрестности покрыты были росой; в другую ночь оно оросилось, тогда как прочие места были сухи. Благословение места для Великой Печерской церкви было последним земным делом дивного Антония”, скончавшегося 7 мая 1073 года.

Строительство церкви, заложенной по кончине основателя Печерского монастыря на чудесно избранном месте, на земле, “охотно” дарованной обители ее прежним собственником – князем Святославом, который “сам первый начал копать ров для основания храма”, продолжалось при троих игуменах: преподобном Феодосии, наследовавшем ему преподобном Стефане и сменившем последнего преподобном Никоне. “В 1083 году пришли к игумену Никону иконописцы из Царьграда, чудесно нанятые в видении почившими первоначальниками Печерской обители – Антонием и Феодосием, и принесли с собой чудотворную икону Успения Божьей Матери... Тогда же греческие купцы привезли мозаику на украшение церкви. Но преподобный Никон не дождал до освящения храма”, которое совершилось уже при его преемнике – игумене Иоанне 14 августа 1089 г.

Зримое великолепие Великой церкви Печерской изумляло современников: они называли ее “небеси подобной”, полагая, что храм этот “составляет славу и украшение всей земли Русской”.

Следует отметить: изложенное выше повествование нельзя признать характерным для Киево-Печерского Патерика; более того, оно стоит “особняком среди житийных рассказов о монастырских подвижниках”. Но тем важнее в широком историко-культурном плане становится его содержание.

Описанные в повести о Печерской церкви случаи видения храма на небесах его строителям или заказчикам в своеобразной – мистико-художественной – форме раскрывают входящее в систему русского православного мировоззрения религиозно-философское представление о сущности христианского храма.

Согласно данным свидетельствам, средневековое религиозное сознание наделяло образ земного строения (церкви) “смыслом весьма обобщенным”, придавая ему значение идеала “мирообъемлющего храма”, делая его “по существу моделью всего мироздания”. Очевидно, что этот образ, универсальным идейным содержанием отделенный от конкретной церковной постройки и чудесно явленный ее создателям в дарованных им прозрениях, иллюстрирует ту же идеологическую трактовку христианского (православного) храма, что и формы церковной архитектуры, традиционно присутствующие в художественных композициях и сюжетах монументального искусства (настенных росписей, мозаик) и иконописи как византийских, так и русских церквей. Широко распространенные в средневековом храмовом искусстве так называемые “донаторские” композиции, сюжетно связанные с традицией мистико-символических актов подношения Создателю Вселенной рукотворных моделей храмов, также определяют христианский храм как “образ мира”, как “дар Творцу Его же творения”, как жертву Богу, посильное воздаяние со стороны человека “за свершенное” Им: “Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся”. Как уникальную богословскую “модель мироздания” следует воспринимать и изображения храмовой архитектуры, существующие в иконописной традиции.

Распространившийся в русской иконописи в XV – XVI веках образ Софии Премудрости Божией, в соответствии с обширной традицией христианского богословия – “софиологией”, вбирал в себя целый комплекс религиозных представлений, в котором в “символических сцеплениях” друг с другом находились идеи (понятия) мироздания, богохранимой державы, града, храма, личности человека. В ряду “подобий”, отвечавших “строю замысленного Богом творенья”, важнейшее место занимал “образ христианского храма – наиболее совершенный, пластичный и вещный “образ мира”, “икона” вселенной”. Символическое изображение храма в качестве элемента софийной композиции было чрезвычайно характерной особенностью православной иконописной традиции Византии и Сербии; каноническая, то есть изобразительно точно воспроизводящая ветхозаветный текст, а именно – текст IX главы Книги Притчей Соломоновых: “Премудрость созда Себе дом и утверди столпов семь...”, – храмовая символика присутствовала и в русских софийных иконах всех типов, – за исключением икон так называемого “новгородского” типа, восходящего к храмовому образу новгородского Софийского собора и сложившегося сравнительно поздно – не ранее середины XV века; тем не менее, иконографические черты произведений данного типа, “соотнесенные с общей византийской традицией, раскрывают перед нами древнейший пласт идей о “богосотворенности” и пространственной ограниченности вселенной”.

Итак, иконы “новгородского” типа не являлись буквальной иллюстрацией библейского (ветхозаветного) текста: в отличие от остальных вариантов софийной композиции, где изображалась “семистолпная сень, или киворий, базилика, или семинефный храм”, в их составе отсутствовало видимое изображение храма; “лишь семь столпов, исходящих из-за трона Софии”, напоминали

о “созидании дома Премудростью”. И тем не менее, условный (символический) образ храма не только традиционно присутствовал здесь, но и разрастался “до образа вселенной”.

Оригинальным примером подобного метода решения идеологической (богословской) и художественной задач иконописного творчества может служить икона “София Премудрость Божия” из убранства Благовещенского собора Московского Кремля, созданная в середине XVI века и в рамках своего типа выделяющаяся как иконографической неординарностью, так и особой “устроенностью”, завершенностью целого, то есть – редкой изобразительной и семантической полнотой.

В центре замкнутой симметричной композиции кремлевской иконы, которая в силу данных качеств становится “легко обозрима”, находится ее главная смысловая часть – фигура Софии; это производит “впечатление просторности, свободной самозаконности” композиционных элементов, в плоскостной компоновке которых угадывается “определенный ритм, пустоты на плоскости воспринимаются как цензуры, как элемент архитектоники целого”. Не упуская из виду как деталей композиции, так и ее общей картины, можно заметить, “что части изображения организованы архитектурно и располагаются на плоскости так же, как архитектурные членения крестово-купольного храма, перенесенные на план. Так, в концентрических кругах с изображением Софии и Христа” вырисовываются “купола; в небесной дуге с этимасией и ангелами – полукружие алтаря; в фигурах Богородицы и Предтечи – протяженность стен”. В то же время сочетание небесного свитка и стоящих фигур показывает “и закомару, перетекающую в пилястры, т.е. элемент наружного оформления храма, и подпружную, подкупольную арку, опирающуюся на столбы, и алтарную арку”, то есть детали архитектурной конструкции в интерьере. Подобная “подвижность “внутреннего храма иконы, способность открывать взору то внешнее, то глубинное строение и быть при этом принципом организации композиции как нельзя полнее передает основную идею иконы – созидание храма Премудростью”.

При этом представляется очевидным, что семантика композиционных элементов иконы, ассоциирующихся с формами храмовой архитектуры, является лишь слагаемым общего религиозно-символического смысла произведения; важнейшее содержание имеет и “конструкция” иконы – характер взаимодействия различных частей ее композиции. Так, “наиболее компактная структурная деталь – небесная дуга, опирающаяся на фигуры Богородицы и Предтечи, – в проекции на плоскости образует вертикально вытянутый прямоугольник, покрытый сводом”; эту форму следует трактовать как характерный символический образ мироздания, “абрис вселенной, “круговидную черту”, проведенную Богом “по лицу бездны”, как сказано в Книге Притчей Соломоновых”.

Определив, таким образом, содержательное значение структурных частей (композиции и конструкции) иконы “София Премудрость Божия”, “в единстве целого” можно наблюдать их смысловое совпадение: выраженная в геометрии

ческой формуле “идея вселенной вбирает в себя идею храма”; храм – дом Премудрости – “обширный дом мироздания” – “стремится совпасть со вселенной”.

Думается, что предпринятый анализ содержания данного уникального и, вместе с тем, типологически характерного памятника русского церковного искусства со всею очевидностью может свидетельствовать об исторически важнейшем значении канонической православной иконы как источника религиозно-догматического, церковно-богословского знания. Представляется несомненным также и то обстоятельство, что подобное качество иконописи было в особенности свойственно именно русской православной культуре, в рамках которой, – в силу целого комплекса объективных исторических обстоятельств и имманентных национальных свойств, – изобразительные формы, присущие “литургическому творчеству Церкви”, получили едва ли не большее распространение и развитие, нежели формы литературные.

Сугубо национальным компонентом в общей системе православной богословской, религиозно-философской интерпретации христианской идеи храма явилось осмысление ее в связи с выделением русским религиозным сознанием XV – XVII веков в качестве главной вероучительной темы, формировавшей характер национального мировоззрения, прежде всего в религиозно-политическом аспекте его, – темы библейского Небесного Иерусалима в значении Царствия Божия – Царствия Небесного.

Ключевая евангельская идея – идея Спасения во Христе, открывающая земному человеку путь в бессмертие, дарующая праведнику вечную жизнь в Небесном Раю, придавала основополагающее значение трактовке сущности символического понятия о Горнем Царствии, Небесном Иерусалиме, – ибо “весь путь истории Спасения, совершаемый в ветхозаветном и евангельском Иерусалиме, подготавливает обретение Нового Иерусалима. Вся жизнь православного человека – это восхождение к Небесному граду. Именно поэтому Иерусалим присутствовал в православном сознании ежедневно – во всех службах суточного круга”.

В восточнохристианской (византийской) религиозной культуре уже в эпоху раннего средневековья (V в.) утвердилось осмысление Святого Града как места “непрерывного богослужения, вечной литургии праведников”; это, в отличие от латинской интерпретации явления, отождествляло как идею, так и образ Небесного Иерусалима с идеей и образом христианского храма, и наоборот: храм мыслился как *sacrum palatium* (священный дворец) – священный город – небесные врата – Небесный Град (Царствие Божие). Каждый реально существовавший христианский храм, в котором сосредотачивалась вся духовная жизнь православной общины, служа образом Горнего Иерусалима, содержательно и образно являл собою Царствие Небесное на земле. Символика совершавшегося в храме “богослужения, его основных частей и сакральных предметов имела иерусалимские параллели. Символически все православные церкви восходили к храму Гроба Господня в Иерусалиме, воздвигнутому на

священном месте Распятия и Воскресения Спасителя. Как важнейшее свидетельство искупительной жертвы, лежащей в основе таинства евхаристии, Гроб Господень стал прообразом всех христианских алтарей, которые, в свою очередь, воспринимались как иконы Гроба Господня”. При этом иконографии Святого Града уже в ранневизантийскую эпоху была свойственна условность, несопоставимость с каким-либо отдельным конкретным храмом: Новый Иерусалим воспринимался как “средоточие храмов, своего рода город, образуемый храмами”, как “храм-город”.

Уникальной особенностью богословской традиции Византии необходимо назвать также установление мистической аналогии между Царствием Небесным – Новым Иерусалимом – городом-храмом и Богородицею. Истоки этой важнейшей в истории Восточного Христианства (в первую очередь – Русского, Сербского, Грузинского Православия) богословской темы можно обнаружить в Хлудовской псалтири – памятнике византийской духовной культуры послеиконоборческой эпохи (датирована IX в.), где “прямое сопоставление” образа Богородицы с Младенцем и образа города-храма встречается неоднократно – в нескольких миниатюрах; из них наиболее емкой по содержанию является композиция, служащая иллюстрацией к псалму 86, “полностью посвященному Святому граду и начинающемуся со слов: “Основание его на горах святых”. Здесь изображены трехнефная базилика и примыкающее к ней с восточной стороны круглое многоярусное сооружение. Здания обнесены высокой стеной, которая превращает изображение в подобие столпа или башни с церковью на вершине. В стене вход, к которому ведет семиступенная лестница <...> На специальном возвышении показан (царь и пророк) Давид, обращающийся к образу Богородицы с Младенцем на городских стенах. Греческая надпись уточняет смысл иконографического комментария: “Давид пророчествует” о будущем священном граде, Небесном Иерусалиме, символически не отделимом от Святого Сиона”. Стоя на особом возвышении, Давид “как бы служит перед иконой Богородицы... подобно священнику в храме. Литургический аспект усилен изображением на параллельном поле, где показаны Иосиф и Никодим, приносящие Тело Христа в пещеру-гробницу. Черный вход в пещеру перекликается с черными воротами города-храма. При этом Иосиф и Никодим одеты в белые священнические стихари с характерными лентами, идущими от плеч”.

Дальнейшая разработка данной иконографической темы в рамках канонического византийского богословия и религиозно-философской литературной традиции (в поэтическом жанре гимнографии) привела к выделению темы в качестве одного из основных элементов идеологической системы Восточно-Римского Православия, к утверждению уже в форме вероучительного догмата тождества между христианским храмом и Пресвятой Богородицей. Образ Богородицы, ставший “ядром всей сложной символики храмовой росписи”, занял центральное место в конхе алтарной апсиды византийского храма в качестве целой совокупности символов: обозначая, с одной стороны, идеи (догмы) Бо-

говоплощения и основания Земной Церкви, имея евхаристическое значение и, как правило, связываясь с темой заступничества, с другой стороны, он подчеркивал “космологическую роль Марии”, выступал “как всеобъемлющий символ идеальной церкви”.

Следует заметить, что, вероятно, одно лишь упоминание о ряде исторических событий, символизирующих важнейшие этапы развития духовно-творческой и социально-политической культуры Руси, таких, в первую очередь, как: состоявшееся в 989 г., то есть едва ли год спустя после совершения обряда крещения князя Владимира Святославича в Корсуни, освящение во имя Пресвятой Богородицы первой крупной каменной христианской церкви Киева (так называемой Десятинной), на полувековой период ставшей главным храмом Русского государства, и установление, по воле Владимира Святого, в память об этом торжестве “первого христианского праздника собственно Русской Церкви”; запечатленная в житийной летописи (Патерике) история чудесного создания главного храма Киево-Печерской обители – Великой церкви, освященной во имя Успения Божией Матери; наконец, посвящение Пресвятой Богородице главного храма Московского княжества и государства, который, будучи впервые возведенным в начале XIV века, по воле князя Ивана Даниловича (Калиты), а затем воссозданным в конце XV века, также получил наименование Успенского, – вполне может служить характеристикой особенностей восприятия идеи и образа Божией Матери русским христианским сознанием и, в связи с этим, характеристикой значимости религиозного символа Богородицы в православно-церковной традиции Руси – России.

Осознание сущности, явленной Матерью Христа Спасителя, “невместимого Бога вместилищем”, “начатком Спасения” и, вместе с тем, представление о Богородице как главной Заступнице “за людей перед Господом”, Которая защищает “Своим Покровом все истинное христианство” (весь православный мир), составили то исходное содержание богословской, религиозно-философской трактовки символической фигуры Богоматери, которое нашло отражение в сюжетах и образах многочисленных шедевров древнерусского религиозного искусства, достигшего наивысшего подъема в XV – XVI веках, в эпоху духовного и политического возрождения послемонгольской Руси.

Подъем и преображение русского религиозного искусства в этот период были обусловлены “прежде всего впечатлением *великой духовной победы* России (выделено автором. – А. Т.)”, символически выразившейся в фигурах таких выдающихся деятелей Русской Церкви XIV столетия и наиболее почитаемых ею Святых, как митрополит Киевский Алексей, епископ Великопермский Стефан, архимандрит Белозерский Кирилл, игумен Радонежский Сергий, и изменившей не только “отношение русского человека к родине”, но и “весь его духовный облик”, сообщившей “всем его чувствам невиданную дотоле силу и глубину”.

“Внешние” перемены, которыми можно охарактеризовать состояние русской иконописи XV столетия, прежде всего выразились в “обрусении” иконо-

писного образа, “в появлении широкого русского лица, нередко с окладистой бородою”, пришедшего “на смену лику греческому”; при этом типичные национальные черты были уверенно распространены не только на изображения собственно русских Святых, но и на изображения Пророков, Апостолов, даже греческих святителей, таких, как Василий Великий и Иоанн Златоуст; более того, новгородские иконописцы этого времени “дерзали” “писать даже русского Христа”. “Внутренние”, наиболее значимые, изменения, происшедшие в XV веке в русском религиозном искусстве, представляющем собою “вообще удивительно верное и удивительно глубокое изображение духовной жизни” народа, “всей *внутренней* (выделено автором. – А. Т.) истории русского религиозного и вместе с тем национального самосознания”, выразились “в углублении и расширении его творческой мысли”, формировании уникальных национальных черт его религиозно-философского содержания.

Нравственное состояние русского человека, родившегося и выросшего в условиях тяжелейшей зависимости его Отечества от иноземных завоевателей, в период, предшествовавший Куликовской битве, характеризовалось “общим упадком духа и робостью”; тогда, как говорил В.О. Ключевский, “во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса”, “люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость”, и сокровенные слова молитвы, обращенные к Богородице-Заступнице, – “не имамы иные помощи, не имамы иные надежды, разве Тебе Владычице” – чаще могли свидетельствовать об утрате надежды в череде невзгод, о страдании и отчаянии, нежели об ожидании поддержки.

Новое духовное настроение народа, благодаря подвигам Святого Сергия Радонежского и Великого князя Дмитрия Ивановича Донского восстановившего основы национального самосознания, веру в Родину и в самого себя, позволило России Православной увидеть “в небесах свой собственный образ” как образ Святой Руси, осмыслить, таким образом, не только свою духовную самостоятельность, но и свое право нравственно “просвещать вселенную”. “*Видение прославленной Руси* (выделено автором. – А. Т.), – вот в чем заключается резкая грань между двумя эпохами русской иконописи”.

Именно в этот период расцвета русского религиозного искусства наиболее глубокое и яркое выражение в нем в качестве поистине всеобъемлющего смыслового центра нашла символическая идея христианского храма. Русская православная икона как “прообраз грядущего храмового человечества”, достигнув вершины нравственного и эстетического совершенства, в идейном плане составила “неразрывное целое с храмом”, в плане изобразительном – вполне подчинилась “его *архитектурному замыслу* (выделено автором. – А. Т.)”.

Исключительно широкое распространение и, вместе с тем, характерно новую трактовку в русской иконописи и религиозном монументальном искусстве XV – XVI веков получил образ Пресвятой Богородицы, Царицы Небесной, олицетворивший собою “то любящее материнское сердце, которое чрез внутреннее горение в Боге становится в акте Богорождения сердцем вселенной”.

Традиционные иконографические мотивы: “Богоматерь Елеуса (Умиление)”, “Богоматерь Одигитрия (Путеводительница)”, “Богоматерь Оранта (Моление; Знамение)” (этот тип изображения получил на Руси символическое наименование “Нерушимая стена”, уже само по себе вызывающее отчетливую ассоциацию с идеей храма, наполненного устремленной к Богу молитвой) и, в особенности, – мотивы “О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь” (“О Тебе, Благодатная, радуется всякая тварь”) и “Покров Божией Матери” вызвали к жизни совокупность тех выдающихся произведений национальной духовной и художественной культуры, в которых “религиозное вдохновение и художественное творчество древнерусской иконописи достигает высшего предела”.

Два последних сюжета представляют собою варианты разработки одной темы – темы космического масштаба фигуры Пресвятой Девы. Так, становясь идейным и композиционным (“архитектурным”) центром сюжета “О Тебе радуется, Обрадованная, всякая тварь”, образ Богородицы утверждается как Общая Радость, как воссоединяющее и спасающее мир начало. “Во всю ширину иконы на втором плане красуется собор горящими луковицами или с темносиними звездными куполами <...> А на первом плане на Престоле царит Радость всей твари – Божия Матерь с Предвечным Младенцем. Радость твари небесной изображается ангельским собором, который образует собою как бы многоцветную гирлянду над головою Пречистой. А снизу стремятся к Ней со всех сторон человеческие фигуры – Святые, Пророки, Апостолы и Девы... Вокруг храма вьется райская растительность. В некоторых иконах соучаствуют в общей радости и животные.” Таким образом, “во всей полноте своего жизненного смысла” в иконе раскрывается “идея мирообъемлющего храма”; однако в данном случае “мы видим перед собою не холодные и безразличные стены, не внешнюю архитектурную форму, которая все в себе объемлет, а храм одухотворенный, собранный любовью”.

К эстетически наиболее совершенным произведениям, отображающим иконографию “Покров Пресвятой Богородицы”, следует отнести иконы “Покрова” новгородского письма XV века. Здесь схема традиционной компоновки также выделяет в качестве единого композиционного центра изображение Богоматери, царящей “на облаках на фоне храма”. Отовсюду устремленные к фигуре Пречистой Ангелы расстилают “над Нею и над собором Святых, собранным вокруг Нее и у Ее ног”, Покров, который распространяет свою сень надо всем, что изображено на иконе, и приобретает, таким образом, значение как бы мирообъемлющего. При этом композиции придается совершенно “особый смысловой оттенок”: Покров Божией Матери не просто объемлет род человеческий и весь мир, но собирает его собою, – ибо “происходит какое-то духовное слияние между Покровом и собранными под ним Святыми”, словно сам этот собор “в многоцветных одеждах образует... одухотворенный Покров Богоматери <...> К Богоматери как недвижному центру вселенной направляются с обеих сторон симметрические взмахи ангельских крыльев. К Ней же симметрически устремлено со всех концов движение человеческих очей”; так в архи-

тектурно воплощенный храм Божий оказывается собранной вокруг его средоточия – Небесной Царицы – вся тварь небесная и земная, и образ Богородицы, наделенный, согласно новой, сложившейся в послемонгольской Руси, художественной традиции, русскими национальными чертами, в идейной совокупности своей предстает в качестве символа-явления богоизбранной Православной Руси, той идеальной Руси – единственной (“после уклонения греков в унию и падения Константинополя”) наследнице и хранительнице истинного Христианства, – сущность которой лишь начинает угадываться в подвижных образах Нового Царьграда – Нового Града Константина – Третьего Рима. Так в произведениях религиозного искусства русское национальное сознание переосмысливает каноническую богословскую идею Богоматери как вселенского храма-города – Небесного Иерусалима – Царствия Небесного, устанавливая прямую духовную связь – мистико-символическое единство – между Христианской Россией как Домом Пресвятой Богородицы (здесь уместно будет привести следующий пример: безвестный автор “Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства”, выдающегося русского литературно-философского памятника Смутного времени, следуя религиозно-идеологической традиции минувших веков, по-прежнему и даже еще определеннее и резче, с болью и мукою, видит в столице терпящего крах Русского Царства – “Пречистыи Владычицы наша Богоматере граде и наследие”) и городом-храмом – Новым Иерусалимом – Царствием Божиим (в том же произведении Москва как символ Руси называется “дщерью Нового Сиона”, то есть подобием (“повторением”) идеального образа иерусалимской Святой горы, который Священным Писанием трактуется как “вышний Иерусалим”, “как символ присутствия и благословения Божиего”).

Итак, основываясь на вышеизложенном материале, следует заключить, что русская традиция церковно-богословского, религиозно-философского толкования идеи христианского храма, достигнув наивысшего развития, своеобразного эмоционально-интеллектуального пика в драматических обстоятельствах национальной жизни первой половины XVII века, привела к отождествлению храма как идеи с идеальной сущностью Православной России – “прославленной Руси”. Очевидно, что понятие о христианском (православном) храме как “реальном символе” Руси Святой стало определяющим для русского религиозного сознания как в сфере духовного самосовершенствования личности человека, так и в сфере самореализации ее в творчестве материальном.

Несмотря на тяжелейший духовный кризис, вновь столь резко обозначившийся в религиозной культуре России уже во второй половине того же, XVII века, в эпоху Церковного Раскола, и далее, казалось бы, необратимо углубившийся в переломном XVIII столетии, начало которого было ознаменовано самодержавно-революционным реформаторством Петра Великого, – достойной восприемницей полуторатысячелетней традиции религиозного осмысления важнейших идей-символов христианского вероучения, в том числе идеи христианского (православного) храма, явилась русская национальная церков-

но-богословская, религиозно-философская мысль Нового времени. Войдя во второй половине века XIX в эпоху своего расцвета, она нашла ярчайшее отражение в творчестве целой плеяды русских богословов и религиозных философов, среди имен которых одними из наиболее значимых явились имена митрополита Московского Филарета, Константина Петровича Победоносцева, князя Евгения Николаевича Трубецкого.

Митрополиту Московскому Филарету (в мирской жизни – Василию Михайловичу Дроздову; 1782 – 1867 гг.; на Московской митрополичьей кафедре – с 1826 г.), одному из наиболее видных представителей высшей иерархии Русской Православной Церкви XIX столетия, “великому святителю”, чьи церковно-государственные взгляды явились по сути выражением “исторически сложившихся государственных воззрений нашей православной иерархии, принимавшей живое участие во многовековом строении великого Русского Царства”, выдающемуся пастырю-проповеднику, слово которого, произносившееся с церковного амвона, “исполненное мудрости, внималось благоговейно”, принадлежит ряд своеобразных религиозно-философских суждений об идейной сущности православного храма, его месте и значении в религиозном мировоззрении и церковной жизни православного христианина. Так, каноническое по сути определение храма как Дома Царя Небесного, Дома Божия, приводится и раскрывается владыкой в контексте духовно-философского сочинения, созданного им в форме нравоучительной беседы: “Что пользы – ходить в школу искусства и не учиться ему?” – сказал авва Пимен, рассуждая о неблагоговейном и рассеянном стоянии во храме.

Если, пришед в дом Царя, ты был бы в опасении и заботе, чтобы не сделать чего-либо несообразного с достоинством места: то с каким благоговением должен ты входить в Дом Царя Небесного! Если со страхом находился бы ты в доме Царя, хотя Он тебя и не видит, хотя, может быть, нет Его и дома: то с каким страхом должен ты предстоять в Доме Божиим, где Вездесущий всегда присутствует, где Всевидящий непрестанно тебя видит!”.

Своеобразное развитие подобных мыслей встречается в ряде принадлежащих митрополиту Филарету духовных наставлений, изложенных в афористической манере. Таков, к примеру, призыв, обращенный к христианину, “из дома молитвы” приносить “дух молитвы и в свой дом” и освящать “им тайную храмину свою”, то есть наполнять постоянным и нелицемерным обращением к Богу (и общением с Ним) собственную душу, тем самым и ее преобразая в “дом молитвы” – храм Божий; таковы близкие по смыслу к предыдущему суждения о “рукотворенной церкви”, которую, не отказываясь от всякой возможности посетить ее, необходимо научиться “носить с собою”, которая “не освящает и не спасает того, кто с своей стороны не подвизается, чтобы соделать себя живую церковь Живого Бога”.

Сильнейшую по чувству и глубочайшую по смыслу характеристику религиозно-философской сущности православного храма содержат труды из литературного наследия выдающегося русского церковно-государственного и об-

щественного деятеля, преподавателя и ученого, духовного писателя-философа и публициста Константина Петровича Победоносцева (1827 – 1907 гг.). На протяжении многих лет, начиная с 1861 г., в качестве профессора-правоведа К.П. Победоносцев преподавал законоведение членам Императорской фамилии, а с 24 апреля 1880 г. до 19 октября 1905 г. занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода Российской Православной Греко-Кафолической (Русской Православной) Церкви, “являясь одним из идеологов осуществлявшейся в этот период в России государственно-церковной политики и оказывая влияние не только на церковные дела, но и на многие другие области государственной и общественной жизни”. По определению известного отечественного ученого-историка и общественного деятеля А.А. Кизеветтера, К.П. Победоносцев – “центральная фигура в правящих кругах эпохи контрреформ. На посту обер-прокурора Синода он хотел и сумел стать фактически главою правительства, твердо и цепко сжимающим в своей руке руль государственного корабля”.

В книге философских эссе “Московский сборник”, одном из наиболее известных сочинений К.П. Победоносцева, в главе “Церковь”, размышления автора о значении христианского храма основываются на сопоставлении традиции русской церковной жизни с религиозными традициями европейских народов, исповедующих католицизм и протестантизм. Чистоту подлинно христианской идеи К.П. Победоносцев видит именно в православном национальном храме: “Православная церковь красна народом. Как войдешь в нее, так почувствуешь, что в ней все едино, все народом осмыслено и народом держится <...>

<...> Счастлив, кого с детства добрые и благочестивые родители приучили к храму Божию и ставили в нем посреди народа молиться всенародной молитвой, праздновать всенародному празднику. Они собрали ему сокровище на целую жизнь, они ввели его подлинно в разум духа народного и в любовь сердца народного, сделав и для него церковь родным домом и местом полного, чистого и истинного соединения с народом”.

Национально- и социально-объединительное, духовно-соборное начало православной церкви (храма) выдвигается, таким образом, на первый план и как наиболее значимое идейно, и как наиболее выраженное практически, в реальной жизни народа. Это, по мысли автора, происходит в силу того обстоятельства, что русская церковь, есть подлинно “живое, всенародное учреждение. В ней одной и живому, и умершему отрадно. В ней одной всем легко, свободно, в ней душа всяческая от мала до велика веселится и радуется, и празднует от тяжкой страды; в ней и белому и серому человеку, и богатому и бедному одно место. Разукрашена она паче царской палаты – дом Божий, а всякий из малых и бедных стоит в ней, как *в своем* доме (выделено автором. – А. Т.); каждый может назвать церковь своею, потому что церковь на народные рубли и, больше того, на народные гроши строена и народом держится. Всем в ней приют и молитва с утешением, и то учение, которое дороже всего русскому человеку”.

Мысли о христианском храме, с акцентированием внимания на вероучительном аспекте его идеи (функции), и, что характерно, вновь с подчеркнута национальных позиций, изложены К.П. Победоносцевым в книге “Учение и учитель. Педагогические заметки”. Здесь “церковь, т.е. храм Божий, с его богослужением, чтением и пением”, определяется как “первая, основная, живая и действенная школа Закона Божия”, школа “богопочтения и вероучения”. “Благо тому, кто в этой школе почерпал первые уроки веры, которые после, в школе искусственно созданной, могли ему казаться тяжким бременем. Наша (русская) православная церковь обладает для сего неоценимым сокровищем, коего лишены другие. Нет ни одного догмата, ни одного великого или важного лица и события Ветхозаветной и Евангельской истории, что бы не находило себе – не только отголоска, – но и живого образа в составе нашего богослужения. Всему найдется тут отражение в стихирах, догматиках, антифонах, канонах, псалмах и паремиях”, составляющих “самые существенные, самые внятные для народа и поучительные части” русского богослужебного обряда. “И все это является в слове исполненном глубокой поэзии и в связи, в неразрывной связи *слова с пением* размеренным и рассчитанным на *слово* (выделено автором. – А. Т.)”.

Национальное своеобразие смысловой интерпретации христианской церкви и выделение русского православного храма как идейно и образно самостоятельного явления в рамках общехристианской церковной традиции характеризует содержание таких, несомненно, ключевых религиозно-философских произведений “одного из проникновеннейших русских мыслителей”, талантливо развившего в творчестве христианскую “идею всеединства и Богочеловечества” (в форме идеи “мировой соборности”), университетского профессора и общественно-политического деятеля предреволюционной и революционной эпохи – князя Евгения Николаевича Трубецкого (1863 – 1920 гг.), как: “Умозрение в красках” (1915 г.), “Два мира в древнерусской иконописи” (1916 г.), “Россия в ее иконе” (1918 г.). Единство тематики и жанра, хронологическая и содержательная последовательность этих небольших по объему, но исключительно емких, являющих концентрат глубочайшего смысла буквально в каждом слове произведений позволяют им слиться в уникальный художественно-философский триптих, в некий синтетический иконописный сюжет-образ, выражающий всеобъемлющую мистическую идею.

Исходной мыслью князя Е.Н. Трубецкого, положенной в основание развитого им учения о храме, служит мысль о сложной целостности русского православного храма как символически главном явлении национальной религиозной культуры, – ибо именно здесь, в храме как целом, “находит себе исчерпывающее выражение” вся совокупность, вся система христианского мировоззрения человека, “сущность той жизненной правды, которая противопоставляется... религиозным искусством образу звериному”, то есть образу вселенского зла. Русским религиозным сознанием “именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. Сама вселенная должна стать

храмом Божиим. В храм должны войти все человечество, Ангелы и вся низшая тварь. И именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та религиозная надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противопоставляется факту всеобщей войны и всеобщей кровавой смуты”. Поскольку в окружающей реальности, “в мире, в котором мы живем, низшая тварь и большая часть человечества пребывает пока вне храма”, постольку храм как идея и как компонент существующей религиозной культуры “олицетворяет собою *иную* (выделено автором. – *А. Т.*) действительность, то небесное будущее, которое манит к себе, но которого в настоящее время человечество еще не достигло”.

В рамках данной работы уже нашли отражение взгляды князя Е.Н. Трубецкого на проблему интерпретации идеи христианского храма в русском религиозном изобразительном искусстве. Действительно, в сюжетах и образах церковной живописи, словно в зеркале, запечатлелось “необыкновенно цельное и необыкновенно стройное учение о Боге, о мире и в особенности о церкви, в ее воистине вселенском, т.е. не только человеческом, но и космическом значении”. Однако это искусство есть прежде всего искусство храмовое: фреска, “икона не понятна вне того храмового, *соборного* целого, в состав которого она входит. Что же такое русский православный храм в его идее? Это гораздо больше, чем дом молитвы, – это *целый мир*, не тот греховный, хаотический и распавшийся на части мир, который мы наблюдаем, а мир, *собранный* воедино Благодатью, таинственно преображенный в соборное Тело Христово (выделено автором. – *А. Т.*)”.

В перечисленных выше произведениях князь Е.Н. Трубецкой, как бы поновому возрождая древнюю традицию православно-христианской культуры, с величайшим художественным мастерством изложил свое представление о символическом содержании не только творений религиозной живописи, но и русского церковного зодчества, той уникальной объединительной среды, которая, как целое к частному, в органической взаимосвязи их духовного и материального начал, относится к сущности церковного изобразительного искусства.

По сильнейшему личному впечатлению, полученному однажды при созерцании “жаром горевших” на темно-синем фоне зимнего неба золотых глав белокаменных новгородских храмов, автор, приступая к анализу символики русской церковной архитектуры, сосредоточил внимание именно на этих, наиболее характерных и самобытных формах внешней архитектурной композиции русских церквей. В отличие от купола византийского храма, символизирующего покрывший землю небесный свод, в золотой “луковице” храма русского он увидел воплощение идеи “глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся”. Так, при взгляде на знаменитую московскую церковь-колокольню Святого Иоанна Лествичника (Ивана Великого) “кажется, что мы имеем перед собою как бы гигантскую свечу, горящую к небу над Москвою; а многоглавые кремлевские соборы и многоглавые церкви суть как бы

огромные многосвешники <...> Когда смотришь издали при ярком солнечном освещении на старинный русский монастырь, или город, со множеством возвышающихся над ним храмов, кажется, что он весь горит многоцветными огнями. А когда эти огни мерцают издали среди необозримых снежных полей, они манят к себе как дальнее потустороннее видение града Божьего...”.

Однако, по мнению князя Е.Н. Трубецкого, существует важное смысловое различие между экстерьером и интерьером архитектурной композиции русского храма, – что опять-таки принципиально не характерно для православного храма византийской традиции, – и это различие отчетливо проявляется в двойственности (все-таки вернее – двуединстве) символики церковных куполов, которые во “внутренней” и “наружной” архитектуре церковей “выражают различные стороны одной и той же религиозной идеи... Внутри... храма луковичные главы сохраняют традиционное значение всякого купола, то есть изображают собой неподвижный свод небесный”, “крайний и высший предел вселенной, ту небесную сферу, ее завершающую, где царствует Сам Бог Саваоф”: здесь, в интерьере, русская церковь “выражает собою идеал мирообъемлющего храма... за пределами которого ничего нет... Иное дело – снаружи: там над храмом есть иной, подлинный небесный свод, который напоминает, что высшее еще не достигнуто земным храмом; для достижения [этого] ему нужен новый подъем, новое горение, и вот почему снаружи тот же купол принимает подвижную форму заостряющегося кверху пламени.

Нужно ли доказывать, что между наружным и внутренним существует полное соответствие: именно через это видимое снаружи горение небо сходит на землю, проводится внутрь храма и становится здесь тем его завершением, где все земное покрывается рукою Всевышнего, благословляющей из темно-синего свода. И эта рука, побеждающая мирскую рознь, все приводящая к единству соборного целого, держит в себе судьбы людские”.

Но, безусловно, не один только церковный купол, – *весь* внешний архитектурный облик традиционного русского храма, символика которого как бы концентрируется в наиболее характерных и устойчивых формальных элементах, и, в связи с этим, – как уже говорилось, – в целом облик создаваемой церковной архитектурой ансамблевой среды русского монастыря или города призваны выразить собою идею очищающего и возрождающего духовного подъема. Так, в композиции храма “самые своды и сводики над наружными стенами (судя по всему, автор имеет в виду, соответственно, завершающие основной объем церковной постройки закомары и конструктивно значимые кокошники. – А. Т.), а также стремящиеся кверху наружные орнаменты зачастую принимают форму луковицы. Иногда эти формы образуют как бы суживающуюся кверху пирамиду луковицы. В этом всеобщем стремлении ко кресту *все ищет пламени*, все подражает его форме, все заостряется в постепенном восхождении. Но, только достигнув точки действительного соприкосновения двух миров, у *подножия креста*, это огненное искание вспыхивает ярким пламенем и приобщается к золоту небес (выделено автором. – А. Т.)”.

По словам князя Е.Н. Трубецкого, в этой “огненной вспышке” заключен “весь смысл существования “Святой Руси”, – ибо именно так утверждалось в русском православном храме “то внутреннее соборное объединение, которое должно победить хаотическое разделение и вражду мира и человечества. *Собор всей твари* как грядущий мир вселенной (выделено автором. – А. Т.), объемлющий и ангелов и человек и всякое дыхание земное”, – именно так русское православное сознание трактовало идею христианского храма, именно таким содержанием, – оживляя и одухотворяя, – наполняло оно и национальное религиозное искусство, и национальную церковную архитектуру.

В соответствии с общей целью данного исследования, сопряженной не только с необходимостью способствовать восстановлению исторической памяти об утраченном прошлом национальной культуры, но и с намерением хотя бы отчасти сделать это прошлое понятным и востребованным в современной и, хочется верить, грядущей действительности российской жизни, – вполне оправданным представлялось бы расширение хронологических границ изучения отечественной традиции богословско-философского толкования сущности православного храма. Преемственность этой традиции в сочинениях новых авторов могла бы наиболее обоснованно свидетельствовать о реальном сохранении ее жизнеспособности в настоящем мире, подтверждая, таким образом, тезис о жизнеспособности в современном социальном пространстве и национальной религиозно-культурной традиции в целом.

Сознание данного важнейшего обстоятельства, но, вместе с тем, и сознание необходимости поддержания, на основании общей исследовательской тематики, смыслового и структурного баланса настоящей работы побуждает ограничить характеристику освоения идейно-религиозных основ христианского храма современным православным богословием и философией – рамками отдельного избранного примера.

В качестве подобного примера, несомненно, удачно будет избрать пастырско-богословский (то есть, по форме и назначению, – “популярно”-богословский, что само по себе придает сочинению существенное своеобразие в сравнении с произведениями традиционной церковно-богословской и религиозно-философской мысли) трактат “Орто-Доксия”, принадлежащий перу известного отечественного церковно-общественного деятеля, ученого-богослова, историка и теоретика национальной культуры, протоиерея Льва Лебедева (скончался в 1998 г.).

Само название данного сочинения в достаточной мере свидетельствует о твердой, отчасти даже демонстративной (что, впрочем, в обстоятельствах катастрофического национального регресса может служить лишь дополнительным ее достоинством) установке автора на следование в русле традиционной церковно-богословской мысли, искони призванной “к толкованию [Священного] Писания, к познанию Божественных истин и законов жизнедеятельности Церкви” и основанной на мысли Святых Отцов – “совершенно особенных исключительных людей, Промыслом Божиим воздвигнутых в Церкви и Богом

нарочито *просвещенных* к тому, чтобы непогрешительно и точно в словах выразить основные истины (догматы) вероучения и канонические правила церковной жизни для всех и на все времена и тем самым дать *образцы* логики духовного мышления и познания истины (выделено автором. – А. Т.)”.

Именно в “природе” этих и подобных им “образцов” – образов (символов) Божественной Истины, некогда принятых “по внушению Духа Святого и с согласия мудрой человеческой воли”, – подобно тому, как “на апостольском Иерусалимском соборе ученики Христовы устанавливали некоторые (церковные) правила по формуле: “Изволилось Духу Святому и нам”, – и, следовательно, имеющих “Богооткровенное происхождение”, при этом представляя собою “не только Божественное и не только человеческое, но *Бого-человеческое* явление (выделено автором. – А. Т.)”, – заключается, по мысли отца Льва Лебедева, сама возможность таинственного (мистического) пребывания на земле Тела Христова – Церкви.

Таинственность этого состояния, обусловленная тем, что на земле Церковь Христова “находится еще в данном историческом времени, в условиях поврежденного мира сего”, проявляется именно “в определенной *двойственности* (выделено автором. – А. Т.): с одной стороны, – земное, с другой – небесное; с одной стороны, – временное (как и все), с другой – уже вечное; с одной стороны, – тленное, с другой – нетленное и т.д.”. При этом очевидно, что такое парадоксальное сочетание двух антагонистических начал в действительности “прямо *соответствует* (выделено автором. – А. Т.) двум природам в единой Личности Христа”, – хотя “тому, что во Христе”, оно все-таки не тождественно. Следовательно, особая сущность Церкви не может быть уравнена “ни с земным, ни с небесным бытием”, но определяет Церковь (здесь автор “Орто-Доксии” ссылается на удачное, по его мнению, высказывание “одного Богослова”) – “ипостасным ядром” присутствия Бога в мире и мира – в Боге”.

Как уже говорилось выше, пребывание Церкви в данном качестве поддерживается “посредством того таинственного явления, которое называется в самом широком смысле *образом* (типосом, иконой)” и “действительно содержит в себе незримое, таинственное, но реальное и действенное *присутствие первообраза*”, то есть той или иной идеальной сущности, а значит, – опосредованно или напрямую, – Самого Бога. “Византийская, православная теория образа учит, что в правильно исполненном и освященном образе (иконе) непременно действует *сила* (энергия) первообразного, то есть того, кто (или что) изображен (изображено). <...> Этот основной закон живой, действенной связи образа с первообразом относится не только к иконам в узком смысле этого слова, то есть к изображениям... Христа, Матери Божией, Ангелов и святых людей, но и *ко всем вообще* образам и символам Церкви, как к предметным (священные предметы), так и к словесным (священные тексты Писания и молитвословий), динамическим (священнодействия), мелодическим (пение и чтение) и другим” (выделено автором. – А. Т.). Этим определяется “*образный строй* всей, особенно – литургической жизни (выделено автором. – А. Т.) Пра-

вославленной Церкви со всей многообразной ее символикой, в том числе – [символикой] икон, храмов, священных предметов и облачений и т.п. Каноны (правила) строительства и устройства храмов, написания икон, создания иных священных предметов имеют Боговдохновенное происхождение, являются, как и каноны священнодействий, как и все в Церкви, Бого-человеческим творчеством”.

Связуя земное с небесным, “вещественный” (материальный) церковный образ (символ), будь то икона, молитва или архитектурно-художественная форма храма, “оказывается с *иной* своей стороны явлением Горнего вечного бытия”, то есть пребывает вне времени в своем первообразе в Царствии Небесном, Новом Иерусалиме; “между образом и первообразом устанавливается живая реальная *связь*, благодаря которой силы (энергия) первообразного свободно проникают через образ к человеку и оказывают нужное благодатное воздействие на него”. Вместе с тем, согласно учению Отцов Православной (Византийской) Церкви, церковный образ как результат Бого-человеческого творчества “непрерывно “возвращается” к первообразу, то есть движется к нему, совершая тем самым вместе с человеком – образом Божиим, радостный исход – *Пасху* (переход, воскресение) – из жизни временной и испорченной в жизнь вечную и безгрешную” (выделено автором. – *А. Т.*).

Теория религиозного образа (символа), разработанная отцом Львом Лебедевым, несомненно, являет собою яркий, хотя, к сожалению, и редчайший в современности пример творческого освоения и развития христианской (православной) церковно-богословской традиции, предпринятого не только в формальном соответствии с “общей верой” и “единым соборным разумом Церкви”, но и в гармоническом внутреннем (духовном) согласии с ними.

Как бы сознательно оставленная за рамками богословского текста, но логически вытекающая из его содержания в качестве основного исследовательского вывода формулировка идеи Божественной полноты Ортодоксальной Христианской Церкви, “которая единственно и является подлинным, действительным, а не мнимым, *Телом Христовым* (выделено автором. – *А. Т.*), Глава Коему Сам Христос”, – то есть идеи всеобъемлющего соединения в Православной Церкви Богосотворенного образа Божия – человека с вещественным образом Идеального, созданным в совместном творческом акте Бога и человека, для взаимодейственного, взаимодополняющего восхождения этих образов от мира земного “к бытию Царства Небесного”, – позволяет экстраполировать эту идею на явление христианского (православного) храма, неразделимо вмещающее в себя живую человеческую общность (церковную общину, церковный приход) и рукотворное святилище веры (совокупность, по определению отца Льва Лебедева, предметных, словесных, динамических, мелодических и других религиозных образов (символов) и служащее главной составной частью – структурной и смысловой ячейкой (“модулем”) самой мирообъемлющей Церкви Христовой.

1.3. Основные выводы

1. Интерпретация идейно-религиозного содержания христианского (православного) храма, в символической форме изложенного в основных текстах Нового Завета – четырех канонических (апостольских) Евангелиях, неизменно, на протяжении всей Христианской истории, занимала одно из главных мест в богословско-философской традиции Православия. Храм как идея, таким образом, входил в число важнейших смысловых компонентов православно-христианского учения о мире и традиционного мировоззрения православного человека.

Согласно текстам Священного Писания, религиозно-мистическая идея и сущность христианского храма представляют собою сложно-целостную систему сакральных функций и сакральных образов (символов), соответствующую всеобъемлющей иерархической совокупности христианского космоса (мироздания), и, в связи с этим, определяют храм: как дом Бога-Отца и Бога-Сына, Иисуса Христа; как Тело Христово; как дом проповеди Христовой; как идеальный образ человека, воплощением которого стал Спаситель Иисус Христос; как дом человеческой молитвы; как место очистительного соединения человека с Богом посредством Таинства Евхаристии.

2. Характерное для православной культуры каноническое понимание религиозного образа (символа) не только как максимального подобия, но и как реального и действенного присутствия (вместилища) религиозного первообраза, обусловило интерпретацию сущности христианского храма как реального явления бытия Царствия Божия. Византийский богословско-философский опыт творческого осмысления и выдвижения на единый план с первообразом Спасителя Иисуса Христа – первообраза Богородицы привел к отождествлению Богородицы как “сердца вселенной”, Царицы Небесной – с явлением Царствия Божия, – что в русской традиции, самостоятельно связавшей первообраз Богородицы Покровительницы и Заступницы с исторической данностью Православной Руси, установило тождество понятий и явлений Царствия Небесного и Святой (Богородичной) Руси как религиозного идеала Руси Православной. Таким образом, определенного кульминационного пункта развитие русской традиции толкования символики христианского (православного) храма достигло в осмыслении храма как национально-мирообъемлющего религиозного образа (символа) Святой Руси.

3. Традиция православно-церковной архитектуры, будучи одной из важнейших составляющих феномена гармонической целостности православного храма, формировалась и развивалась всецело в качестве производной его догматического идейно-религиозного содержания и неотделимо от этого содержания. Следовательно, совершенная архитектурно-художественная форма православного храма на всем протяжении своего эволюционного развития и в общем творческом замысле зодчего, и в разработке отдельных элементов сохраняла всеобъемлющее образно-символическое единство с его идейно-

религиозной сущностью, согласно канонам церковно-богословской культуры, “реально” (и смысловым началом, и качеством духовной “энергии” как средства воздействия на окружающий мир, и собственно духовной природой) отображая (символизируя) мистическое явление религиозного первообраза. В соответствии с этим, выявление в составе архитектурного целого православного (как византийского, так и русского) храма любого “случайного”, то есть не несущего в себе определенной части общего символического содержания, элемента, хотя бы и гармонизирующего – в сугубо формальном отношении – с эстетикой церковной архитектуры, должно было свидетельствовать об определенном повреждении традиционного (церковно-канонического) идейно-образного строя православного храма.

Глава вторая

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНО-ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ РАЗВИТИИ КРУПНЕЙШИХ ГОРОДОВ СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В главе в рамках процесса исторического развития архитектурно-градостроительной культуры крупнейших сибирских городов анализируются функции и значение объектов православно-церковного зодчества.

II.1. Градостроительство в Сибири в начальный период освоения края

Распространение Православия на территории Сибири стало возможным благодаря начавшемуся в XVII веке масштабному освоению этого обширнейшего, сурового и малонаселенного края русскими поселенцами – носителями культуры, фундаментальной частью которой была православная вера. “Сразу же после основания первых острогов и поселений началось строительство часовен и церквей, вслед за этим стали основывать монастыри”. Неразрывную связь между процессом обживания Сибири русскими первопроходцами и утверждением на ее пространствах институтов Православной Церкви и собственно веры православной как традиционной сущности русского национального самосознания и мировоззрения лаконично, образно и емко показал известный исследователь Сибири XIX века П.А. Словцов, писавший: “...где зимовье ясное, там крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь кроме церкви”.

Летописное наследие свидетельствует, что первый организованный поход московских служилых людей за Урал состоялся в 1465 г. Далее подобные предприятия были совершены в 1483 и 1499 – 1500 гг., причем походами “была охвачена обширная территория низовьев р. Оби с ее притоками: Ляпин (Сыгва), Сосьва, Казым, Конда и др.”. Основным же результатом этих военных экспедиций явилось возведение первых на сибирской земле русских укрепленных пунктов: Ляпинского, Кондинского, Сосвинского, Обдорского, Казымского...

В исторической науке советского периода прослеживаются два главенствующих мнения об основном первоначальном назначении русских поселений на территории Сибири. Оба мнения, признавая роль этих укрепленных “городков” как форпостов русской государственной власти, главной целью и связанной с нею функцией первых русских поселений в Сибири признавали: первое, – одним из видных выразителей которого являлся историк С.В. Бахрушин, – расширение крепнувшим Московским государством торговой деятельности путем создания новых ее очагов; второе – государственную эксплуатацию коренного сибирского и пришлого русского населения путем создания ее “военно-политических центров”.

Данные концепции не были исключительно порождением советской исторической науки: не отличаясь принципиальной новизной, они основывались на исторических теориях дореволюционного периода, причем теория “искусственного”, то есть военно-колониационного, происхождения сибирских городов, сторонниками которой являлись такие исследователи, как П.М. Головачев, Н.М. Ядринцев, И. Малиновский и др., в досоветское время занимала преобладающее положение.

В 1950-е гг. попытку создать единую концепцию истории возникновения и развития русских городов Сибири предпринял историк В.И. Сергеев, полагавший, что “в начальном развитии сибирских городов-острогов можно наблюдать три ступени... Первоначально город-острог – военная крепость, затем – торговый центр и, наконец, город как центр развития торговли, определенных промыслов, ремесел, центр сельскохозяйственной округи”.

Сибирские города начинали свою жизнь как укрепленные военные поселения (остроги), и поэтому, по мнению автора, “возникающие на базе развития промыслов и отчасти ремесел экономические отношения скрыты” в них “военно-административными, служебными отношениями”, причем “первоначальная военная организация городских поселений... неизбежно тормозит развитие городской жизни”, в связи с чем “только с распространением земледельческого сельского хозяйства в последующие десятилетия расширяется база для торгового обмена – у городов начинает возникать сельскохозяйственная округа”.

Многофункциональность как неотъемлемое свойство сибирского города с первых лет его существования подтверждается в дальнейшем различными исследователями, в том числе О.Н. Вилковым, на основании обширного документального материала сделавшим вывод о том, что сибирский город, возник-

нув как военная крепость, уже на начальной стадии своего существования начинает выполнять функции быстрорастущего местного центра промышленности, ремесел, торговли, за относительно краткий срок по уровню хозяйственного развития сравнявшегося с некоторыми старорусскими городами.

Многие современные исследователи истории сибирского города, такие, как О.Н. Вилков, В.Н. Курилов, А.Л. Люцидарская, а также Н.И. Никитин, Г.А. Леонтьева, Г.А. Христосенко, – сходятся во мнении, что многообразие деятельности, в общем отличительно присущее городскому населению, в новосозданных сибирских “городах”, за малочисленностью их посадов, принадлежало служилым людям.

Следует признать, что данные научные выводы служат серьезным, документально обоснованным опровержением теории об изначально планомерной – на уровне государственной политической стратегии – военной или торгово-промышленной колонизации Сибири.

Процесс вхождения обширных сибирских земель в состав Русского государства *в целом* не являлся процессом государственной экспансии, – хотя черты подобной политики прослеживаются на всем его протяжении, – и был крайне многосложным, противоречивым как по характеру фактических целей, так и по приемам, видам деятельности, социальному составу его участников. Целенаправленная государственная политика то согласно, то противоречиво переплеталась в нем с неупорядоченным, но исключительно мощным движением русских людей за Урал – в незнакомые манящие страны. Объясняется это тем, что исторически важнейший “процесс присоединения Сибири к России был подготовлен развитием производительных сил страны, формированием русского централизованного феодального государства и явился исторической необходимостью и естественным стремлением русского народа к хозяйственному освоению малозаселенных пространств к востоку от рубежей России, что совпадало и с государственными политическими интересами в конце XVI – начале XVII в.”.

Важно отметить, что выраженный негосударственный характер первоначально имели и иные подобные процессы, совокупно определявшие общее территориальное развитие исторического Русского государства. Именно “вольные русские колонисты были пионерами в освоении новых земель. Опережая правительство, они обжили “дикое поле” в Нижнем Поволжье, на Тереке, на Яике и Дону. Поход казаков Ермака в Сибирь был прямым продолжением этого *народного движения* (выделено мною. – А. Т.)”. Вслед за казачьей дружиной “на Восток двинулись крестьяне, промышленники-звероловы, служилые люди. В борьбе с суровой природой они отвоевывали у тайги землю, основывали поселения и закладывали очаги земледельческой культуры”. Происходившее же в этих условиях “сближение русского трудового народа и сибирских племен благоприятствовало развитию производительных сил и преодолению вековой разобщенности сибирских народностей”.

Русское вхождение в Сибирь было, таким образом, именно вхождением, а не вторжением, не колонизацией, а естественным освоением, обживанием новых территорий, – почему тут и там возникавшие на сибирской земле русские поселения и не были функционально узко и однообразно ориентированными механизмами, но как живые системы вынуждены были самостоятельно приспособляться к окружавшим их условиям, “вращаться” в них.

Сознание диалектической сложности такого процесса, как формирование и развитие русских городов, в частности русских городов Сибири, убеждает современных исследователей отказаться “рассматривать возникновение и развитие города как проявление какой-то одной доминанты – торговли, промышленности или административной деятельности” и исходить в своих теоретических построениях из многофакторности этого процесса, глядя “на древнерусский город в широком культурном контексте того времени”.

Знакомство русских людей с Сибирью началось задолго до татаро-монгольского нашествия. Согласно летописи, еще в XII веке предприимчивые новгородцы в походах достигали Уральского хребта и переваливали через него. Почти инстинктивное влечение на восток не смогли преодолеть ни века, ни страдания, – ибо путешествия “в Сибирскую землю”, на “Обь, реку великую” совершали и русские XV столетия. В 1555 г. сибирский хан Етыгар (Едигер), поздравляя и одаривая Русского царя Ивана IV по случаю покорения им Казанского и Астраханского царств, сам просил о защите сибирских земель. Грозный изъявил согласие и принял на себя титул “повелителя всей Сибири”, хотя в обстоятельствах того времени последний и не мог еще иметь реального содержания.

И все-таки еще в XVI столетии Россия, впервые за длительный исторический период добившаяся крупных внешнеполитических и экономических успехов, но и пережившая, наряду с этим, новые тяжелейшие испытания, “проложила себе дорогу на Урал и в Сибирь”. 26 октября 1582 г., после нанесения решающего поражения войску сибирского хана (“салтана”) Кучума, “вольная дружина” под предводительством Ермака (Ермолая) Тимофеевича вступила в столицу Сибирского ханства – Искер. Началось стремительное продвижение русских в глубь Сибири. “И если не всегда, то очень часто правительственные отряды были вынуждены идти туда, куда уже пришел русский предприимчивый купец”.

В начале XVII века, закрепившись на среднем течении Оби, отряды русских служилых людей подошли к месту впадения в Обь р. Томи. На Томи, возле устья р. Ушайки, находилось стойбище небольшого (состоявшего всего из 300 душ) татарского племени еушта. В 1601 г. сводный отряд казаков из Сургута и Кетска поставил зимовье на Томи, во владениях князька этого племени Тояна. Прошло некоторое время, и Тоян добровольно отправился в Москву и бил там челом царю Борису Феодоровичу о приеме его самого и предводимого им племени под власть Государя Московского и возведении в его вотчине на

реке Томи русского города, – дабы мог он, князь Тоян, “всех государевых непослушников” “сказывать и приводить... под государеву царскую высокую руку”; так покорены будут все окрестные народы (Тоян перечислил их в челобитной) и “ясак с них имати можно будет”.

Царь Борис Годунов принял челобитье Тояна и 25 марта 1604 г. отдал наказ письменным головам – Гавриле Иванову Писемскому из Сургута и Василию Фомину Тыркову из Тобольска – о приведении в подданство князя Тояна и построении Томского города.

Царский наказ об основании Томска содержал подробное перечисление необходимых строительно-хозяйственных работ: “Под город место высмотрите, где попригоднее, и на чертеже начертить, и велеть место очистить, и, испрося у Бога милости, город поставити на крепком месте, и делать город, и лес велети возити почав собою и с головами и с сотники и всеми ратными людьми; а велеть на городовое дело лес ронить легкой, чтобы вскоре город сделать, и житницы на государевы запасы велеть поставить, и государевы запасы в житницах велеть устроить, и велети наперед устроить казенные погреба и житницы. А поставя город и по городу наряд и пушечные запасы в казну устроая, и караулы на город построая крепкие, *поставити в городе храм во имя Живоначальныя Троицы, да предел страстотерпец Христовых Бориса и Глеба, а другой предел Федора Стратилата* (выделено мною. – А. Т.)”.

Место для крепости было выбрано на правом берегу Томи, на возвышенности, позднее названной Воскресенской горою. Вытянутая к югу, ровная площадка с северной стороны граничила с обширной равниной. Крутизна откосов возвышенности, большое болото, примыкавшее к ее основанию с юго-востока, а также свободный обзор окружающей местности (долин рек Томи и Ушайки, пространства левого берега Томи) обеспечивали надежную естественную защиту города от нападения извне.

Укрепления, занявшие всю территорию Воскресенской горы, состояли из крепости (“города”) и посада (“острога”). Крепость, расположенная в юго-восточной части горы, на небольшом мысу (естественным путем исчезнувшем в конце XIX – начале XX века), была выполнена в технике “городней”, размещенных компактным четырехугольником общей площадью всего 0,2 га. Совокупная длина стен крепости составляла 98 сажень с аршином, высота – до 6,5 м. По углам “городовые” стены были закреплены четырьмя глухими башнями, с северной и южной сторон на них располагались проезжие башни высотой до 22 м. На территории крепости были сооружены: *церковь во имя Пресвятой Троицы*, воеводские хоромы, съезжая изба, погреба с военными припасами, хлебный и пушной амбары. Посад - “острог” “в трех стенах”, прирубленный к стене “города” с севера, на передней – северной – стороне имел в двух углах две глухих, а посередине между ними – проезжую башни. “Острожные” стены были поставлены недалеко от откосов “плато” Воскресенской горы, общая протяженность их достигала 604 сажень 2 аршинов, а совокупная площадь “города” и “острога” составляла примерно 4,1 га.

Освоение русскими Центральной Сибири, начавшееся в первой четверти XVII века, также явилось результатом как правительственной политики, так и не зависимо от государства продвижения на восток русского торгового, промышленного, “вольного” и беглого люда. “Ни огромные пустынные пространства, ни суровый климат не служили препятствием для неудержимого движения к новым неизведанным землям.”

Выход русских к Енисею произошел в районе среднего течения реки, где отправленным на Енисей из Кетска и вынужденно зазимовавшим в начале волюка на Енисей отрядом под командованием Петра Алабычева и Черкаса Руккина в зиму 1618 – 1619 гг. был поставлен Маковский острог (крепость). Маковский острог стал базой для формирования нового отряда служилых людей под командованием Максима Трубчанинова. В 1619 г. этим отрядом на Енисее, несколько выше того места, где в него впадает Верхняя Тунгуска, была сооружена крепость, названная Енисейской и ставшая “воротами” в Восточную Сибирь.

В 1623 г. енисейский воевода Яков Хрипунов, имея цель с юга защитить Енисейск от набегов враждебных и воинственных киргизских племен, решил построить острог в верхнем течении Енисея. Выбор места для новой крепости был поручен московскому дворянину Андрею Ануфриевичу Дубенскому, человеку “энергичному и опытному”. В 1624 г. трудные поиски окончились выбором места в устье р. Качи, на высоком, обрывистом мысу, из-за красноглинистой почвы названном Красным Яром.

Отряд А.А. Дубенского, в помощь которому были назначены атаманы И. Астраханцев, Е. Тюменцев, И. Кольцов (ставшие впоследствии его верными сподвижниками), формировался в Тобольске в течение полугода. В июне 1627 г. 303 казака, “прибранных” на “государеву службу” в разных городах Сибири, “с запасами” вышли на стругах из Тобольска, однако только к лету следующего, 1628 г. отряд достиг назначенного места на Енисее.

При постоянной угрозе набегов кочевников, в целях безопасности, на стрелке рек Енисея и Качи прибывшими казаками наскоро был сооружен из разобранных стругов “городок дощатый”, дополнительно укрепленный надолбами, соединенными с пристанью на Енисее, – а несколькими месяцами позднее, также в очень короткий срок – с 6 по 28 августа 1628 г., был срублен острог, который положил начало знаменитому сибирскому городу. Острог, тогда названный Новым, или Качинским, имел в плане форму неправильной трапеции со сторонами длиной около 100 и 120 м и периметром около 450 м; высота деревянных стен, обнесенных рвом и валом, достигала 6 м. В стены крепости были врублены две проезжих башни, на трех углах ее поднялись рубленые башни со смотровыми вышками на столбах. По периметру крепости на ее стенах были установлены пушки. Внутри острога разместились: *церковь во имя Преображения Господня*, воеводский двор, съезжая (приказная) изба, казенные амбары для хлебных запасов, военно-хозяйственного снаряжения и “соболиной казны” (пушнины), пороховой погреб, тюрьма и 30 изб для казаков.

Первое население Качинского (Красноярского) острога составили казаки из отряда А.А. Дубенского. Их основными обязанностями явились отражение набегов киргизских кочевников и сбор ясака. Ясачная функция Красноярского острога вызвала недовольство енисейских служилых людей, терявших с появлением новой крепости часть ясачных доходов, однако власти уездного (с 1629 г.) Томска “заступились” за Красноярск, необходимый, по их мнению, для оборонительных целей, – и Красноярский острог был сохранен.

Этапы единого процесса градостроительного освоения Сибири имели свои особенности. Так, если, осваивая территории Западной Сибири, русские первопроходцы действовали уверенно, основывая свои поселения в местах, заранее тщательно ими обследованных, и часто возводили сразу же капитальные постройки – рубленые “города”, то в Восточной Сибири “они везде действуют наугад... часто ощупью и не туда направленные, куда хотели”, предпочитая “сначала строить небольшие, с военной точки зрения, маломощные зимовья и острожки” и лишь затем сооружать долговременные укрепления.

По казачьему преданию, на главном пути продвижения русских на восток служилые люди еще в начале 1620-х гг. вышли на р. Иркут, и сын боярский П. Тальнин основал там первое русское зимовье, предназначенное для сбора ясака с “коренного” населения. Достоверно известно, однако, то, что укрепленное зимовье на острове Дьячем на Ангаре, при впадении в нее р. Иркуты, русскими служилыми людьми – енисейским сыном боярским Иваном Похабовым и возглавляемым им отрядом казаков – было построено в 1652 г. Предположительно, первое зимовье было укреплено острожной стеной без башен.

Спустя несколько лет возникла необходимость строительства на р. Ангаре постоянного русского укрепления, и 6 июля 1661 г., по государеву указу и распоряжению енисейского воеводы Ивана Ржевского, енисейский сын боярский Яков Похабов на правом высоком берегу Ангары, против устья р. Иркуты, заложил “государев” острог, который сначала получил название Яндашского.

Место на берегу Ангары, избранное для строительства острога, с востока ограничивала широкая пойма речного устья; с запада, где русло Ангары делало крутой поворот, “лежала сырая, поросшая лесом низменность. Южнее острога протекала речка, разлившаяся у стен крепости в озеро”. Показательно, что подобный выбор места под крепость был обусловлен не только военно-стратегическими, но и сугубо хозяйственными соображениями, о чем свидетельствует донесение, посланное сыном боярским Я. Похабовым в Енисейск, воеводе И.И. Ржевскому: “Государя царя Великого князя Алексея Михайловича и всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца воеводе Ивану Ивановичу Енисейский сын боярский Якунька Иванов Похабов челом бьет. В нынешнем 169 (1661) году июля в шестой день против Иркуты реки на Верхоленской стороне государев новый острог служилыми людьми ставлю... Изволил острог поставить и тут место самое лучшее, угоднее для пашень, и скотный выпуск, и сенные покосы, и рыбные ловли, все близко”.

План крепости представлял собою прямоугольник со сторонами 9 и 8 саженей; общая длина тыновых стен острога достигала 34 саженей. По углам крепости были выстроены четыре глухих башни, одна из которых стояла на “житном амбаре”, в другой, при отсутствии в остроге в первое время церкви, помещалась часовня.

Новая русская крепость на Ангаре имела выгодное географическое положение и стала “опорным пунктом для закрепления Забайкалья за Россией” и развития торговых отношений со странами Юго-Восточной Азии.

Сравнительно успешное продвижение русских первопроходцев Сибири в восточном направлении сочеталось с серьезными затруднениями при освоении южных сибирских территорий, в особенности территорий юга Западной Сибири, где этот процесс протекал гораздо болезненнее и медленнее и дольше всего в точности не была определена граница владений Московского государства. Затруднения эти были связаны с кочевьем в степях юга Сибири многочисленных и воинственных татарских, а позднее джунгарских (калмыцких) племен, неизменно враждебно настроенных по отношению к заселявшим Сибирь русским. Долгое время после разгрома отрядом Ермака, совершая по-прежнему разорительные набеги на русские поселения, в Барабинской степи кочевали хан сибирских татар Кучум и множество его родственников. На смену татарским племенам с востока пришли в прииртышские степи джунгары, вплоть до начала XVIII века разорявшие как русских, так и “коренное” население – татар и казахов. Несмотря на это, русские с самого вхождения своего в Сибирь настойчиво стремились проникнуть и в южные ее земли.

В 1594 г. на левом берегу р. Иртыша, при впадении в нее р. Архарки, на месте небольшого казачьего острога отрядом князя А.Ф. Елецкого ставится Тарский “город” с пристроенным к нему “острогом”. В царском указе о построении Тарской крепости так определялось ее назначение: “...пашню завести и Кучума царя истеснить, и соль устроить...”.

Добыча соли была организована на Ямышевском озере, расположенном на Иртыше, в районе нынешнего г. Павлодара. Ежегодно вверх по реке поднимались за солью караваны вооруженных судов.

В 1626 г. царским указом тобольскому воеводе было поручено выяснить возможность строительства на соленосном Ямыш-озере острога, однако отсутствие в окрестностях озера пахотных земель, лугов и лесов привело к решению постоянного укрепления там не строить, за солью и далее снаряжать вооруженные флотилии, а “для калмыцкого бережения” – продвигаться по Иртышу до р. Оми.

В 1628 г., в ответ на ходатайство тарского воеводы, из Москвы последовал указ о строительстве острога на Оми, и лишь перемена к тому времени местных условий, выразившаяся в резком усилении угрозы со стороны кочевников, которые, “осмелев”, стали подходить вооруженными отрядами к самой Таре, оставила этот план невыполненным – как оказалось, на долгие годы.

Следующий этап процесса русского освоения Южной Сибири относится уже к началу XVIII века. К этому времени “русская дипломатия более четко формулирует определение границы на юге Сибири, объявляя, что все течения рек, впадающих устьями в Студеное море, являются “издревле и более 100 лет” владениями России, “а хотя на тех землях прежде сего жили другие вольные народы, но оные кочевье свое тамо имели с позволения от Российской стороны”. Послам на вопрос о том, что многие земли юга Сибири “лежат впусте”, велено было отвечать – “а хотя оные места до ныне лежали и впусте, но сие было, однако же только, что тамошние поселения в оных еще нужды не имели, а как ныне те селения столько умножились, что жителей своих вмещать уже не могут, для того и нужда настала новые заводить жилища, однако же в местах издревле к Российской империи принадлежащих”.

Практическим следствием подобной политической линии России явились организация многочисленных русских “военно-экономических” экспедиций в неосвоенные районы юга Западной Сибири и строительство на этих территориях новых русских крепостей.

Так, в 1714 г., по приказу царя Петра I, в то время особенно остро нуждавшегося в пополнении государственной казны и получившего донесение от сибирского губернатора князя М.П. Гагарина о том, что “в Сибири, близ калмыцкого городка Эркети на реке Дарье, добывают песочное золото”, была снаряжена военная экспедиция под началом подполковника И.Д. Бухгольца, которому велено было “идти на Ямышь-озеро, где построить крепость на зимовье, а по весне идти к Эркети, овладеть ею и проводывать об устье Дарьи-реки”.

Отряд И.Д. Бухгольца вышел из Тобольска, по всей видимости, в следующем, 1715 г. и на судах поднялся по Иртышу до Ямышевского озера, где в преддверии холодов поставил временное укрепленное зимовье и остался в нем до весны. Сообщая об этом в донесении, переданном из зимовья в начале 1716 г., подполковник И.Д. Бухголец “дал знать, что... к Эркети идти за малолюдством небезопасно и что солдаты от него бегут, ибо в сибирских городах всяких гулящих людей принимают и вольно им там жить. По отправлении этого известия к крепости, где сидел Бухголец, пришло калмыков более 10000 человек; русские бились с ними 12 часов, отбили, но неприятель стал кругом, пресек сообщение...”; вскоре среди осажденных “начались голод и поварные болезни”...

28 апреля 1716 г., выдержав осаду, но потеряв при этом более трех четвертей своего состава (из 2862 человек зиму пережили лишь 700), отряд подполковника И.Д. Бухгольца “разорил” крепость и “ушел на дощениках вниз по Иртышу” – к устью р. Оми, где весной того же года, по приказу сибирского губернатора князя М.П. Гагарина, вместе с присланным из Тобольска вспомогательным отрядом заложил Омскую крепость.

Первые укрепления – два небольших редута: треугольный и четырехугольный – были сооружены на левом берегу Оми, соответственно, на стрелке и несколько выше по течению реки. Руководство строительством редутов при-

писывается артиллеристу из отряда подполковника И.Д. Бухгольца – шведу Каландеру.

В следующем, 1717 г., по чертежу, составленному в Тобольске, майор Аксаков выстроил на Оми, взамен “малой”, прошлого года, – “большую” крепость. Место для нее было выбрано на крутом и высоком (12 – 15 м) левом берегу реки, примерно в 500 м от русла Иртыша.

Первая Омская крепость занимала территорию площадью около 6 га и имела в плане форму неправильного пятиугольника, северной стороной примыкавшего к крутому берегу Оми, а с остальных сторон охваченного сухим рвом шириною 4 и глубиною 3 м. За рвом находился земляной вал высотой 1 м; с внутренней стороны вала из вертикально вкопанных в землю и плотно прижатых друг к другу бревен был поставлен палисад высотой 3,5 м. С внешней стороны на углах крепости были сооружены бастионы; в 25 м от крепостного рва вдоль него протянулись ряды рогаток и надолбов.

Укрепление имело въездные ворота: со стороны Иртыша и посада – Спасские, не имевшие башни; со стороны дороги “через Барабу в Томск”, в юго-восточной куртине – Знаменские, башенные (высотой 14,5 м), снабженные артиллерийской батареей; со стороны Оми – Никольские и в восточной куртине – Шестаковы. В центре крепости на площади была выстроена деревянная *церковь во имя Преподобного Сергия Радонежского*. Вокруг главного здания – здания храма – хаотически “расположились казенные постройки: управительская канцелярия, омская канцелярия, офицерские дома. Дальше шли цейхгаузы, казармы, соляные и другие склады, пороховые погреба” и прочие строения.

Хотя Омскую крепость никак нельзя отнести к “поколению” первых русских поселений в Сибири, – она возникла более столетия спустя после появления таковых и уже в совершенно иную историческую эпоху, – все-таки причины и обстоятельства сооружения ее оказались аналогичными тем, что существовали в период первоначального освоения русскими Сибири, ибо “Омск возник как крепость для защиты порубежных владений России на юге Западной Сибири от набегов кочевников и опорный пункт для дальнейшего освоения русскими людьми верхнего Прииртышья”.

II.2. Православно-церковное зодчество в градостроительном развитии городов Сибири в XVII – второй половине XVIII века

На протяжении всего XVII и до половины XVIII века Томск сохранял одну из главных своих функций – функцию военной крепости, призванной оборонять самое себя и причисленные к ней земли от нападений степных кочевников, обеспечивая тем самым полноценную жизнедеятельность местного русского населения.

В этот период Томская крепость активно укрепляется и перестраивается. За счет основанного в 1622 г. Успенского монастыря, получившего самостоя-

тельное ограждение, в 1617 – 1627 гг. сократилась протяженность северной стороны “ostroга”. Монастырь вскоре был закрыт, монастырская церковь Воскресения Христова перешла в разряд приходских и позднее дала название возвышенности, на которой был построен Томск.

Плотная заселенность “ostroга” на Воскресенской горе и дальнейший рост населения Томска привели к образованию посада под горой, по обоим берегам р. Ушайки. В 1630 г. новый посад по приказу воеводы князя Петра Приклонского был обнесен острожными стенами, имевшими 4 проезжих и 4 глухих башни. Размеры и местоположение “Нижнегоostroга”, выгоревшего в 1639 и 1643 гг., ныне могут быть определены лишь приблизительно – по расположению находившихся на его территории церквей: “Богоявленской, построенной в 1630 г. на Песках, неподалеку от южного взвоза, и Благовещенской, построенной в 1639 г. за Ушайкой”.

О численности населения Томска в этот период существуют весьма разноречивые сведения. Так, по одним данным, в 1646 г. присягу на верность новому государю – царю Алексею Михайловичу – приняло в совокупности 1045 жителей “дальной заочной украиной отчины” русского самодержца, а именно: “служилых людей – 606, их “неверстанных” детей, братьев, племянников – 161, жилецких и оброчных людей – 61, их родственников, не положенных в оклад, – 35, пашенных крестьян (вместе с родственниками, не положенными в оклад) – 89, “гулящих” людей – 93”; “к этому списку следует прибавить пятых священников и десятка полтора других клириков четырех томских церквей, а также неизвестное, но явно незначительное число русских холопов и других зависимых людей”. По данным другого автора, еще в 1635 г. общая численность населения Томска была около 2000 человек; к середине же XVII века эта цифра увеличилась почти в полтора раза, в связи с чем и стала насущно необходимой капитальная перестройка Томской крепости. Во всяком случае, в 1648 г. томский воевода князь Осип Иванович Щербатый приступил к возведению новых городских укреплений (сохранявшихся далее на протяжении почти 150 лет).

Строительство было закончено к 1652 г. Новый Томск сохранил деление на “город” и “ostroг”, после реконструкции примерно сравнявшиеся по площади. Стены “города”, выполненные в технике “городней”, имели на углах глухие башни, а с трех сторон – северной, южной и западной – башни проезжие.

К концу XVII столетия Томск был деревянной, обнесенной частоколом крепостью, имевшей 7 глухих и проезжих башен. Первоначальный “Верхнийostroг”, снабженный одной большой проезжей башней, примыкал к крепости с севера.

Военное противостояние русского и кочевого населения продолжалось и в начале XVIII века. Тем не менее, в этот период, ознаменовавший собою смену исторических эпох, развитие Томска заметно ускорилось. Этому еще более способствовала прокладка через Томск в 1730-е гг. “большой сибирской сухо-

путной дороги” (Московско-Сибирского тракта), сделавшей его перевалочной базой для товаров, отправляемых в северные города.

В 1723 г. в Томске насчитывалось 1050 дворов и 8,5 тысяч человек разносословного населения. Историк Г.Ф. Миллер, посетивший город в 1734 г., нашел его бревенчатой, построенной “по образцу деревянных домов” четырехугольной крепостью. Длина крепости составляла 50, ширина – 30 сажений. На углах крепости и над двумя ее воротами находились башни, снабженные военной артиллерией; *седьмой башней была колокольня Троицкой церкви, встроенная в крепостную стену.* Рядом с крепостью отдельно стоял небольшой острог из палисада. Застройка крепости оставалась хаотичной, “с неправильной сеткой коротких и криволинейных улиц”. Над плотно застроенной маломасштабным жильем низменностью возвышались стоящие на Воскресенской горе и соседнем с нею холме – рубленая крепость “с башнями и церквями” и мужской Алексеевский монастырь. “Силуэт города обогащали и церкви, возвышавшиеся среди застройки слобод.”

Сохранившиеся планы Томска: 1732 – 1742 гг., выполненный “студентами-художниками” – участниками Второй камчатской экспедиции И. Берканом и И. Люрсениусом, и 1748 г., выполненный “инженер-майором” С. Плаутиным и фактически обозначивший начало формирования целенаправленной градостроительной политики государства на территории Сибири, – свидетельствуют о все большем разрастании селитебной территории на обоих берегах р. Ушайки. Пересеченным рельефом и болотами город был разделен на несколько густонаселенных частей. Функциональным и архитектурно-планировочным центром города оставалась крепость на Воскресенской горе; *роль композиционно-смысловой доминанты как крепостной, так и общегородской застройки сохраняло за собой расположенное на территории острога здание Троицкой церкви.* В то же время, к 1748 г. под Воскресенской горой – на Песках – из жилой застройки выделилось “несколько торговых и общественных зданий (гостиный двор, таможня, ратуша и церковь), составлявших в плане геометрически правильную группу” и образовавших самостоятельный “посадский” центр с преобладающей торговой функцией.

Лишь к середине XVIII столетия военные столкновения русского населения Томска и окрестностей с мигрирующими в этих землях племенами кочевников почти прекращаются. “Русская колонизация Томского края сделала значительные успехи. Численность вольных и невольных насельников... заметно возрастает. Появляются все новые и новые русские поселения. Значение Томска как военного пункта бледнеет перед его значением как центра экономической жизни и административного центра обширного края”.

Усиление экономической функции русских городов во второй половине XVIII века способствовало активизации их развития в целом и привело к необходимости градостроительной реконструкции их на основании принципа регулярной планировки. Создание, по воле Императрицы Екатерины II, “Комиссии о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы” и Высочайший

указ 1763 г. “О сделании всем городам, их строениям и улицам специальных планов по каждой губернии особо” ознаменовали начало повсеместного составления фиксационных планов городов России.

На территории Сибири первыми опытом новой градостроительной практики приобрели инженеры-геодезисты: именно на них в этот период были возложены “функции регулирования городской застройки”.

Подробный “натурный” план г. Томска был составлен “геодезии прапорщиком” Петром Григорьевым в 1767 г. Согласно этому плану, за 20 лет (с 1748 г.) площадь селитебной территории города почти не изменилась. В целом сохранились в прежнем состоянии комплексы крепости и торгового центра под Воскресенской горой. Заметно же выросли комплексы монастырей: мужского – Богородицко-Алексеевского и женского – Николаевского.

Вслед за составлением планов, “фиксирующих сложившуюся планировку и застройку городов, началась работа по составлению новых – на “регулярной основе”. В первых проектных вариантах регулярного плана Томска предполагалось дальнейшее развитие торгового центра под Воскресенской горой, претендовавшего благодаря постройке там комплекса зданий административного и торгово-хозяйственного назначения на роль общегородского центра.

Пожар 1769 г., почти полностью уничтоживший городскую застройку на Песках, повлекший за собою многочисленные жертвы и ставший тяжелейшим испытанием для населения города, тем не менее, дополнительно способствовал началу (с 1773 г., на основе разработанного силами местных инженерных кадров проекта) планомерного градостроительного развития Томска. К 1790 г. реконструкция города привела к разделению его территории на 7 частей. Городская окружность достигла 8,5 верст, длина – 3, ширина – 1 версты 100 саженей. В Томске насчитывалось 7 церквей, 1 монастырь, 3 торговых ряда с 237 лавками, 1436 обывательских домов. Городские укрепления к этому времени были уже полностью разобраны, сохранившиеся старые крепостные постройки утратили прежнее функциональное и композиционное значение в структуре города. При этом, однако, не произошло намеченного в проектных разработках развития торгового центра на правобережье р. Ушайки: сохранившись функционально и структурно, он не приобрел значения общегородского центра.

Главенство военно-стратегической и ясачной функций Красноярской крепости сохранялось более века. На протяжении всего XVII столетия город периодически подвергался набегам и осадам со стороны кочевых киргизских племен, обитавших в южных районах Енисейского бассейна и соперничавших с русскими в праве собирать ясак с местных охотничьих и скотоводческих племен. Вместе с тем, в первые же годы существования Красноярского острога в нем возникает и достаточно интенсивная торгово-хозяйственная жизнь. Первые пашни в окрестностях острога завели еще казаки из отряда А.А. Дубенского, а в 1632 г. там появилась первая деревня – Есаулово. К концу XVII века Красноярский уезд в масштабах всей Сибири приобрел значение развитого хлебопашенного района. Активный рост пушного промысла послу-

жил основой для возникновения и развития в Красноярске промышленности и ремесел. Кроме того, Красноярск второй половины XVII столетия – это центр региональной межгосударственной дипломатии и активных торговых сношений с “порубежными волостями и немирными землицами”.

К середине XVII века численность населения города заметно возросла за счет укоренения служилого и притока “пашенного” и “посадского” люда. Многочисленные жилые постройки были вынесены за крепостные стены, образовав обширный посад.

В 1659 г. Красноярский острог был отремонтирован, а территория предстоящего ему посада – в оборонительных целях – обнесена острожными стенами с башнями, что придало Красноярску характер укрепления с двухступенчатой системой обороны.

В 1671 г. население Красноярска, на три четверти состоявшее из военных, насчитывало 568 человек.

Из плана Красноярской крепости, составленного в 1697 – 1700 гг. тобольским сыном боярским С.У. Ремезовым, видно, что к концу XVII века вновь перестроенная Красноярская крепость состояла из двух смежных частей – “малого” и “большого” “острогов”. Площадь “малого острога”, сохранившего значение собственно крепости, достигала 1,2 га, периметр стен был около 520 м, высота башен доходила до 15 м. Стены “малого острога” имели 4 башни, одна из которых – угловая – была глухой, три остальных – проезжими. Проезжие башни, помимо основного назначения, служили церковью, колокольней и жилой избой – “хоромами”. Внутри “малого острога” располагались: церковь, приказная изба и воеводский двор, имевший самостоятельное острожное ограждение, амбары, небольшая жилая постройка. На территории “большого острога” образовалось 5 улиц, лучами расходящихся от стен “малого острога” на запад. Центральное место на посаде занимали здание церкви и примыкающая к нему торговая площадь.

В начале XVIII века военно-оборонительная функция Красноярска уступает место функции экономического и политико-административного центра. Тем не менее, еще в 1713 г. Красноярск, насчитывавший 371 двор и 2512 человек населения, по-прежнему сохранял вид крепости и состоял из смежных “малого” и “большого” “острогов”. “Малый острог”, не претерпевший существенной перестройки, вмещал в себя, помимо *соборной церкви Преображения Господня и отдельно стоящей колокольни*, – воеводский дом и двор, канцелярию, амбары, кузницы. Деревянная частокольная ограда “большого острога”, площадь которого приблизилась к 23 га, имела 6 башен: 2 проезжих и 4 глухих, пятиугольных в плане. В “большом остроге” находились: церковь Покрова Пресвятой Богородицы, городская ратуша, купеческие лавки, многочисленные жилые постройки.

Ускоренному росту Красноярска, начавшемуся в 1710-е гг., способствовало строительство в 1721 г. и начало эксплуатации в 1735 – 1741 гг. прошедше-

го через город Московского тракта. Численность торгово-ремесленного населения Красноярска за короткое время возросла в несколько раз.

Первый достоверный и подробный план Красноярска в 1748 г. составил военный инженер Сергей Плаутин. Город этого времени все еще остается крепостью, разделенной на “малый” и “большой” “остроги”. Крепостные стены срублены из дерева и усилены башнями с четырех- и восьмискатными шатровыми крышами. Высота стен “малого острога” теперь несколько меньше высоты ограждения “большого острога”: около 3,4 м против почти 4 м. В центре “малого острога” – собственно крепости – возвышается здание перестроенной в 1728 г. соборной церкви Преображения. При этом первостепенное функциональное и композиционное значение крепостного центра в структуре города проявляется все меньше. Функционально самостоятельно развивается “большой острог”, его архитектурно-планировочная структура обогащается собственными доминирующими элементами, такими, как: Покровская церковь, в 1753 г. перестроенная в камне, ратуша, торговая площадь, гостиные ряды... К западу от стены “большого острога” распространяется новый посад – несколько улиц, застроенных одно- и двухэтажными, в “архангело-вологодском” “стиле”, деревянными домами.

Быстрый рост Красноярска продолжается, и к 1761 г. численность населения города возрастает до 3200 человек. Однако в 1773 г. мощнейший пожар уничтожает “почти весь деревянный Красноярск”, стирает с лица земли крепость со всеми деревянными строениями, а на территории посада оставляет лишь 30 домов.

Катастрофа 1773 г. совпала по времени с началом широкомасштабной деятельности государственных учреждений России, в первую очередь “Комиссии о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы”, по перепланировке русских городов на принципах регулярности и, таким образом, завершила полуторавековой период неупорядоченного архитектурно-планировочного развития Красноярска.

Возникнув как “ясачный острожек”, Иркутск, благодаря успешному продвижению русских далее на восток – в Забайкалье и к Тихому океану, вскоре приобретает значение торгово-транзитного и “пашенного” города. Развитие хлебопашества и торговли порождает различные промыслы и ремесла, создает предпосылки для возникновения промышленности.

В 1668 – 1669 гг. под руководством енисейского сына боярского Андрея Барнешлева артелью енисейских плотников в составе Федора Хлызова (артельного старосты), Трифона Никифорова, Григория Щукина, Ивана Родионова и Семена Яковлева был построен новый Иркутский острог. Размеры его, в сравнении с первоначальной крепостью, заметно увеличились: периметр острожных стен достиг 200 м, высота – 7,2 м. Острог имел на углах 4 глухих башни, на стенах – 3 степных проезжих (вместо четвертой башни на одной из стен был поставлен амбар). Высота угловых башен достигала 11 м, настенных – 18 м. На посад, вместе с острогом окруженный надолбами, вели ворота в севе-

ро-восточной стене крепости. В 1672 г. А.А. Барнешлевым и новой артелью плотников, на этот раз – из Поморья, в остроге была возведена *деревянная шатровая церковь во имя Нерукотворного Образа Спасителя (Спасская), приобретающая значение главного здания крепости.*

В 1682 г. Иркутский острог становится центром вновь учрежденного воеводства, а в 1686 г. получает статус города.

Частичной перестройке крепость подверглась вновь в 1684 г., когда в острожные стены, увеличив их общую протяженность до 512 м, были встроены приказная изба и – с северной стороны – воеводский двор. Капитальная реконструкция Иркутского острога относится к 1693 г. На месте прежнего укрепления возник деревянный, рубленный “городнями” “город” с шестью глухими и проезжими башнями на стенах и рядом встроженных в стены зданий. Глухие башни имели четырехугольный, главная – проезжая – восьмиугольный план и высоту свыше 20 м. При этом планировка и застройка острога 1684 г. в новой крепости во многом были повторены.

В 1698 г. на посаде Иркутской крепости была построена церковь во имя Богоявления Господня, а за рекой Ушаковкой основан Знаменский женский монастырь. Таким образом, к концу XVII века городской комплекс Иркутска состоял из крепости (кремля), посада, двух монастырей, а также начавшей складываться на левом берегу р. Ангары Глазовской слободы.

Рубеж XVII – XVIII веков отмечен для Иркутска, чье население к этому времени приблизилось к 20000 человек, “интенсивным острожным и церковным строительством”, появлением первых каменных зданий. В 1701 – 1704 гг. на берегу Ангары, возле северо-восточной угловой башни крепости возводится каменное здание Приказной палаты (иначе – воеводской канцелярии), а в 1706 – 1710 гг. в юго-восточную стену кремля встраивается каменная Спасская церковь, “положившая начало каменному культовому зодчеству Иркутска и всей Восточной Сибири”.

Пожар 3 августа 1716 г. разрушил участок стены Иркутской крепости между Спасской церковью и Приказной палатой, уничтожил ряд строений внутри кремля и на территории посада, где сгорел деревянный Богоявленский собор.

За пожаром последовала очередная перестройка крепостного комплекса: береговая стена его была отодвинута, крепость сместилась к северо-востоку примерно на 20 м, получив размеры 137 x 147 м и сохранив прежнее число башен. Посад, о котором в 1716 г. известно, что “онный... никакого стенного укрепления не имеет, но в таком находится состоянии, как простое село”, – после пожара остался в прежнем положении – без ограждений. В 1718 г. на его территории, на месте сгоревшего собора Богоявления, началось строительство нового – каменного – соборного здания.

Сохранявшаяся еще в начале XVIII века угроза вторжения в Восточную Сибирь монгольских племен привела к дополнительному укреплению Иркутска, который в 1726 г. был обнесен внешней крепостной стеной – палисадом –

длиною 2257 м и высотой 3,3 м, имевшей трое ворот и усиленной 14 равномерно рассредоточенными редутами. Строительство палисада оформило разделение Иркутска на две части: “малый город” (острог) и “большой город” (посад). По описанию историка Г.Ф. Миллера, в 1735 г. прибывшего в Иркутск в составе второй камчатской экспедиции, в “малом городе”, являвшемся административно-хозяйственным центром обширной Иркутской провинции, сосредотачивались наиболее важные постройки: Спасская соборная церковь, провинциальная канцелярия, судебная палата с амбаром для ясачной и другой казны, вице-губернаторский дом с амбарами и погребями, гауптвахта и др. “Большой город... являлся центром торгово-экономической жизни Иркутска.” На его территории находились : 939 обывательских дворов; 4 церкви: Прокопьевская (1703 г. постройки), Владимирская (1707 г.), Тихвинская (1708 г.), Троицкая (1718 г.), – расположенные в центрах образовавшихся в уличной сети небольших площадей; каменный Богоявленский собор со сложившейся за ним по берегу Ангары торговой площадью; городская ратуша, таможня, гостиный двор, мясные и молочные ряды, хлебные и винные амбары, а также полковая казачья изба, полицмейстерская канцелярия, тюрьма, пороховой амбар и пр.

К 30-м гг. XVIII века Иркутск считался одним из трех лучших городов Сибири, уступая лишь Tobольску и Томску. К середине века здесь было двенадцать крупных каменных церковных построек, значительное число зданий различных церковных и общественных учреждений, таких, как: духовная семинария, главное народное училище, публичная библиотека, госпиталь, театр, кабинет редкостей и др. При этом сохранившееся изображение Иркутска представляет город 1750 г., по-прежнему, “сплошной массой деревянных домиков под двухскатными крышами. В центре выделяется рубленый острог с высокими крепостными башнями и силуэты многочисленных шатровых храмов. Планировка Иркутска в этот период складывается совершенно бессистемно и представляет хаотичное сочетание кривых и узких улиц, кварталов и площадей произвольной конфигурации. Исключение в этом отношении составлял район острога, прямоугольный план которого определил сравнительно четкую планировку прилегающей территории с рыночной и соборной площадью”.

1764 г. стал годом первых попыток со стороны местной власти (сначала в лице иркутского генерал-губернатора К.Л фон Фрауэндорфа, а затем – иркутского губернатора Немцова) урегулировать планировку и застройку Иркутска, благоустроить его территорию. Для осуществления подобных мероприятий началось “обучение геодезистов военной и графической архитектуре”. В 1768 г., предположительно, в “архитектурной чертежной”, организованной генерал-губернатором, был составлен первый проект перепланировки города на “регулярной основе”, призванный существенно изменить сложившийся облик Иркутска. Проект намечал “выпрямление и расширение улиц, упорядочение размеров и конфигурации кварталов, устройство целого ряда площадей торгового, казенного и других назначений”; “композиционными центрами при пе-

репланировке являлись наиболее крупные крепостные, торговые и особенно церковные здания”. Реализация проекта потребовала серьезных материальных расходов со стороны государства, крупного сноса, а также – психологической готовности местного населения к коренному переустройству жизненной среды. Отсутствие перечисленных условий в конце 1760-х – начале 1770-х гг. задержало осуществление намеченных планов.

Активное распространение городской застройки за рамки “большого города” привело к разборке ограждавшего его палисада; таким образом, продолжавшийся процесс преимущественно стихийного градостроительного развития Иркутска, не приобретая новых, утрачивал и первоначальные – сохранявшиеся со времени становления города – элементы функционально-смысловой и композиционной организации городского пространства.

Катастрофический пожар, происшедший в 1775 г. и почти полностью уничтоживший центральную часть Иркутска, явился причиной радикальной перепланировки этого района города в последующие годы. В 1781 г. А.Я. Алексеев, прибывший из Петербурга в Иркутск на должность местного губернского архитектора, составил первый вариант плана урегулирования градостроительной среды. Вариант, в котором “абстрактная и невыразительная геометрическая сетка плана совершенно не соответствовала сложившейся планировке, особенностям рельефа и была поэтому мало приемлема для реальной перепланировки”, не был утвержден, и в 1784 г. тем же автором был разработан новый вариант. На этот раз налицо было “также довольно надуманное планировочное решение, предусматривающее создание системы круглых и треугольных площадей, перемещение городского центра”, в связи с чем “Комиссия о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы” расценила проект, равно как и предыдущий, весьма невысоко и “предложила составить новый план, более приспособленный к существующей опорной схеме, с минимальным сносом и с сохранением городского центра у Ангары”.

Последнее требование было важным принципиально, так как в условиях относительной территориальной стабильности общей градостроительной структуры Иркутска процесс развития городского центра осуществлялся “эволюционно”, то есть путем поэтапной модернизации первоначально заложенной основы – ядра крепостного комплекса. Сравнительно выраженная композиционная роль центрального ансамбля являлась отличительной характеристикой архитектурно-планировочной структуры Иркутска. Также в большей степени, нежели в рассмотренных ранее городах – Томске и Красноярске, в губернско-епархиальном Иркутске к концу XVIII века ощущалась смысловая и функциональная необходимость центра, к которому, однако, лишь условно применимо понятие “ансамбль”, ибо городской центр этого времени не был еще в достаточной степени развит внутренне и, тем самым, – архитектурно и планировочно выявлен в иррегулярной городской среде.

Третий вариант регулярного плана Иркутска, – автором которого был либо “исправлявший” некоторое время должность губернского архитектора по-

ручик К.Г. Тимошенко, либо ученик А.Я. Алексеева, также “прикомандировывавшийся” к должности местного губернского архитектора, А.И. Лосев, – был разработан в 1791 г. и подтвержден Императрицей Екатериной II 4 августа 1792 г. Именно этот Высочайше признанный проектный вариант послужил основой для ширококомасштабной перепланировки и благоустройства Иркутска, начавшихся в первой четверти XIX века.

Военно-стратегическая функция сдерживала территориальное развитие Омска и рост его населения. Однако с течением времени (во второй четверти XVIII века) около крепости начали складываться поселения посадского типа: Луговская слобода, расположенная “между крепостью и берегом Иртыша, вдоль берега Оми”; Губина, Омская, Курганная слободы, расположенные на правом берегу р. Оми, “куда из Луговской слободы вел наплавной мост”. Посадская территория общей площадью около 40 га была ограждена палисадами, что – в определенной мере – вело к функциональному обособлению слобод. При этом относительно полно заселена была лишь Луговская слобода; правобережные районы, заселенные слабо, “вскоре совсем запустились”.

Население Омской крепости поначалу было исключительно мужским (в 1725 г. оно состояло из 992 мужчин), число “женщин и детей при военном и ссыльном населении слобод было незначительно”. В 30-е гг. XVIII века военное население крепости – ее гарнизон – состояло из 150 казаков и 200 солдат. В 1742 г., в сравнении с 1725 г., общее число жителей Омска увеличилось всего на 100 человек.

К 40-м гг. XVIII столетия, в результате заключения ряда мирных договоров, было достигнуто примирение русского населения южно-сибирских крепостей и кочевых казахско-джунгарских племен. Спустя несколько лет Омская крепость уже “жила мирной жизнью. Часть казаков была переведена в “пахотные”. Вокруг крепости появились небольшие деревни”. Однако в 1750 г. “прошел слух о якобы готовящемся нападении джунгар на крепости Верхне-Иртышской линии”. Тревожное положение вновь создано и в казахских степях Прииртышья.

Столь серьезное осложнение обстановки на южно-сибирских рубежах России вынудило русские власти начать в 1752 г. строительство дополнительной системы укреплений – так называемой Ново-Ишимской линии, где предполагалось построить “2 больших шестиугольных и 10 четырехугольных крепостей, 33 редута и 42 маяка”, – а также реконструировать укрепления Верхне-Иртышской линии, в том числе “уже обветшавшую” Омскую крепость.

Проект реконструкции Омска в 1755 г. разработал “инженерный прапорщик” Иван Уксусников. Проектом было, в частности, намечено сократить протяженность оборонительной линии крепости “за счет уменьшения площади опустевших Курганной и Омской слобод”.

Дальнейшее ухудшение обстановки на юго-востоке сибирских границ в 1760-е гг. побудило Русское правительство сформировать “специальные каза-

чьи отряды, расселив их в пограничных районах”, и принять еще более “энергичные меры к усилению крепостей, в том числе и Омской”.

Прибывший в Омск в 1764 г. с группой военных инженеров командующий Сибирским отдельным корпусом генерал-поручик И.И. Шпрингер, осмотрев крепость, признал состояние и местоположение ее (за Омью, на низком берегу) неудовлетворительными, тем более, что в этой крепости “должно всегда находиться главному тем линиям командиру”.

Несмотря на подобное заключение командующего, проектированию Омской крепости на новом месте предшествовал ряд проектов реконструкции старого острога. К выработке принципиально иного градостроительного решения команда военных инженеров приступила лишь в конце 1764 г., однако уже к весне следующего, 1765 г. проект преобразования крепостного комплекса на Оми, автором которого явился, предположительно, военный инженер Малм, – инженер-прапорщиком Яковом Зеленым был препровожден в Петербург для официального утверждения.

Двойственность заключенной в проекте идеи (предполагалось как строительство новой крепости на правом берегу Иртыша, против устья р. Оми, так и усиление старой) была устранена только при Высочайшей конфирмации проекта, состоявшейся не ранее 31 мая 1767 г. – даты экспертной оценки его петербургским военным инженером Муравьевым.

Строительство новой крепости на Иртыше началось весной 1768 г., а в 1770 г. путешествовавший по Сибири академик И.П. Фальк уже мог увидеть в устье р. Оми “высокий земляной вал, выложенный дерном, широкий сухой ров. Четверо ворот... каменную церковь, магазины и острог для преступников”.

В относительно короткий срок новый оборонительный комплекс на правом берегу Оми был окончен постройкой. Он состоял из 4 бастионов (Подгорного, Степного, Тарского, Форштадтского) и 3 полубастионов (Омского, Ильинского, Иртышского), береговая линия на р. Оми была усилена тремя редантами. Земляной вал крепости не имел артиллерийского вооружения – батарея из 23 орудий размещалась внутри крепостных стен, перед цейхгаузом, однако “благодаря высокому обрывистому берегу вал со стороны Иртыша и Оми возвышался на 12 м над уровнем воды”.

Первым каменным зданием на территории крепости стала соборная церковь во имя Воскресения Христова, заложенная в 1769 г. и выстроенная тобольскими ямщиками братьями Иваном и Козьмой Черепановыми. Известно, что Иван Черепанов был прислан в Омск (после имевшего место в 1766 г. вызова “из сибирских городов в крепости на Иртышской линии художников и мастеров”) с рекомендацией сибирского генерал-губернатора – как мастер, “знающий в архитектуре каменного строения”, – и прежде всего проявил свои профессиональные навыки тем, что, обнаружив “неправильность в постановке собора на плане крепости, при которой его алтарь был обращен на юг, а не на восток, как этого требовали церковные правила”, изменил местоположение будущего церковного здания и только тогда заложил его фундамент. Храм был

окончен постройкой в 1773 г. и явился “главным сооружением ансамбля. Высокий, с двумя ярусами окон, центральный объем, завершенный обитыми белой жесью пятью главами, и трехъярусная колокольня с шатром доминировали над всей окружающей местностью”.

Крепостная площадь (плац) с расположенным в центре ее зданием Воскресенской церкви постепенно обстроилась “наиболее ответственными зданиями”: “в 1781 г. было заложено двухэтажное кирпичное здание гауптвахты”; центральное положение на южной стороне площади занял “большой деревянный генералитетский дом с садом”, по сторонам его расположились “дом для приезжих и каменный дом коменданта, построенный в 1799 г.”; с востока плац был ограничен сооруженной в 1791 г. в кирпиче лютеранской кирхой и одноэтажным, 1796 г. постройки, каменным домом, который вплоть до середины XIX века служил резиденцией омских губернаторов; наконец, западную границу площади формировало возведенное в 1791 г. кирпичное здание военной казармы. Участок территории между плацем и Тарскими воротами крепости заняли “кварталы офицерских домов и “обывательские” строения”.

“К концу XVIII века вокруг центрального крепостного плаца сформировался архитектурно цельный и интересный по силуэту ансамбль”, композиционно-смысловой доминантой которого служило здание Воскресенской соборной церкви. Столь отчетливая выявленность крепостного центра не была случайной: сохранение важной военно-административной роли Омска обеспечивало первостепенное функциональное значение крепости в постепенно усложнявшейся градостроительной среде. Территория города к этому времени начала распространяться на обоих берегах р. Оми, однако именно это обстоятельство обусловило снижение функционального и – тем более – композиционного статуса крепостного комплекса по мере еще мало организованного развития архитектурно-планировочной структуры города, прежде всего на левом берегу Оми, в районе старой крепости, где этот процесс протекал обособленно и в скором времени привел к практической необходимости формирования самостоятельного – левобережного – центра Омска.

Высочайшее дарование поселению при новой крепости в 1782 г. статуса города застало его в стадии активного планировочного развития. В этот период основой для территориального роста Омска служил регулярный, составленный, по всей вероятности, “одновременно с проектом крепости и теми же инженерами” план с “четко распланированными улицами и кварталами”. Западная часть территории старой левобережной крепости, разрушенной в 1780-х гг., а также Луговская слобода “были заново распланированы прямоугольной сеткой кварталов”. Данные мероприятия соответствовали “духу” времени, отмеченного “общей активизацией интереса к вопросам “регулярной” застройки городов”.

II.3. Православно-церковная архитектура в период становления регулярного градостроительства в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века

К началу XIX века за Томском, в качестве основных, закрепляются функции административного, торгово-промышленного, транспортного центра. Очередное мероприятие по реформированию системы управления сибирскими территориями привело к выделению из состава двух сибирских губерний – Тобольской и Иркутской – новой губернии с г. Томском во главе. “Открытие” Томской губернии, сопровождавшееся официальными торжествами, состоялось 6 августа 1804 г.; ее столица приобрела статус одного из трех крупнейших административных центров Сибири.

Будучи центральной станцией Великого Сибирского тракта, располагаясь на водных путях сообщения, Томск превращается в важный торгово-транспортный узел. Томское купечество ведет активную торговлю европейскими и азиатскими товарами. Развивается местная промышленность: в 1804 г. в городе функционирует 10 кожевенных и 9 мыловаренных заводов. Увеличивается городское население: к 1817 г. его численность превышает 10000 человек; продолжается достаточно активный территориальный рост Томска, к началу XIX века прошедшего первый этап планомерного градостроительного развития.

В период с 1773 по 1800-е гг., в соответствии с утвержденным регулярным планом, были проведены первоначальные работы по градостроительной реконструкции Томска: застроены периферийные районы города – Заисточье, Заозерье, Пески; ускорено формирование городского центра под Воскресенской горой, близ Торговой площади (в течение первого десятилетия XIX века здесь были возведены каменная церковь Благовещения, магистрат, каменный биржевой корпус, гостиный двор, ряд других зданий), – хотя дальнейшему долговременному развитию структуры центра на этой основе не благоприятствовали как архитектурно-градостроительные, так и природные условия.

Реформирование системы государственного управления в масштабах всей Российской Империи, продолжившееся в 1810-е гг., проявилось, в частности, в реорганизации “проектного дела, общая направленность которого заключалась в расширении и совершенствовании системы регламентаций и применения “образцовых” проектов как для застройки, так и для планировки городов”.

Повсеместное введение в практику жестких архитектурно-градостроительных правил в сочетании с существенными изменениями в экономическом и социально-политическом состоянии русских городов, происшедшими со времени утверждения их первоначальных регулярных планов, сделало насущно необходимой разработку новых проектов планировки и застройки городов России. “Решение проблем планировки, благоустройства и контроля за частной застройкой в 1810 г. было централизовано и передано в ведение вновь образованного Министерства полиции, а подготовка вопросов, непо-

средственно связанных с планировкой городов, была возложена персонально на архитектора Василия Ивановича Гесте” (иначе: Вильям Гесте (William Hastie); 1763 – 1832 гг.), который в качестве администратора и высокопрофессионального градостроителя-практика “возглавил огромную по масштабам работу по “рассмотрению и переделыванию городских планов по всему государству”.

За период с 1810 по 1830 г. столичными и местными специалистами было разработано несколько проектов планировки Томска. В настоящее время известны: два плана: 1810 и 1820 – 1824 гг., составленные томским землемером С. Зверевым, и два плана: 1818 и 1824 гг., принадлежащие местному губернскому архитектору А.П. Дееву.

В 1824 г. проект С. Зверева (1820 – 1824 гг.), в котором кварталы были “намечены в виде строгой прямоугольной сетки”, а также впервые использовано “веерное примыкание одной сетки кварталов к другой”, был направлен для экспертизы и доработки в Петербург, архитектору В.И. Гесте. Под руководством В.И. Гесте проект был исправлен и в 1825 г. возвращен в Томск “для проверки с “местным положением”. При рассмотрении варианта, предложенного петербургским градостроителем, были высказаны замечания по поводу недостаточного учета в нем местных природных условий, в первую очередь особенностей рельефа. Проект вновь был препровожден в Петербург, где вплоть до 1830 г. В.И. Гесте уточнял его “по замечаниям из Томска”. Окончательно согласованный на месте, новый регулярный план г. Томска был представлен на рассмотрение Комитету Министров, после чего 8 августа 1830 г. состоялось Высочайшее его утверждение.

Утвержденный проект, реализация которого заняла значительный период времени, предполагал существенное увеличение площади городской территории, при этом “в основу планировки была положена... веерная схема, отвечающая сложным условиям рельефа местности”. Сформировавшийся в устье р. Ушайки, на правом ее берегу, городской центр был сохранен, но в южной части Томска – на Юрточной горе – был запроектирован новый центр общегородского значения, где комплекс крупномасштабных административных зданий (присутственных мест, полиции, резиденций военного и гражданского губернаторов, казарм и др.) должен был образовать примыкающую к Почтамтской улице *главную городскую площадь, в центре которой “предполагалось построить монументальное здание собора”*.

К концу XVIII века военно-стратегическая функция Красноярска окончательно уступает место функции экономического центра. В городе, стоящем на транссибирской торговой магистрали – Московском тракте, развиваются торговля и ремесла, в связи с открытием местных залежей металлосодержащих руд один за другим возникают казенные и частные металлургические заводы.

Основой градостроительного развития Красноярска в этот период служит регулярный план, разработанный в 1773 г. тобольским геодезистом Петром Моисеевым. Заложенная в плане прямолинейная схема улиц и кварталов спо-

способствовала решению проблемы скорейшего восстановления города после пожара. Уже к 1789 г. число вновь построенных домов здесь достигло 475, а население выросло до 2813 человек. От особенностей предшествующего градостроительного развития Красноярска в проект П. Моисеева “вошло формирование общегородского центра в районе стрелки Енисея, а также основное направление роста города с востока на запад и значение широтных улиц как главных в системе города. Если широтные направления улиц... сохраняли в дальнейшем свое первоначальное значение, то главные меридиональные направления по мере роста... города перемещались к западу”. Проектом 1773 г. был определен своеобразный планировочный “модуль” центральной части города, а также прошедшая с востока на запад – от центра к Московскому тракту – главная городская магистраль. Классицистический архитектурный облик ядра центра Красноярска в последней трети XVIII века формируют такие наиболее значимые городские постройки, как *новое (1773 г.) здание соборной церкви во имя Воскресения Христова, воздвигнутое на территории бывшей крепости*, и группирующиеся вокруг него здания ратуши, духовного правления, торговых рядов и пр.

В 1782 г. Красноярск был причислен к разряду уездных городов Колыванской губернии, в 1797 – Тобольской. В 1804 г. уездный Красноярск вошел в состав вновь образованной Томской губернии. Административно-территориальная реформа, предпринятая в Сибири в 1822 г. по проекту М.М. Сперанского, разделила сибирскую территорию на Западную и Восточную части, составленные из Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и двух областей – Омской и Якутской. При этом Красноярск был возведен в ранг губернского города – центра Енисейской губернии.

В середине 1820-х гг. в Петербурге под руководством архитектора В.И. Гесте разрабатывается новый проект планировки Красноярска. 2 декабря 1828 г. новый регулярный план, прошедший государственную экспертизу, удостоивается окончательного – Высочайшего утверждения и на длительное время определяет “развитие планировочной структуры города и общегородского центра”.

Реализация проекта В.И. Гесте лишь в незначительной степени затронула исторически сложившуюся часть Красноярска, где было предпринято выравнивание “красных” линий и укрупнение кварталов (слияние каждого четырех смежных кварталов в один). Осваивая новые территории, которые застраивались разработанными В.И. Гесте “образцовыми” кварталами (100 x 50 и 70 x 50 саженей), город стал интенсивно расти в западном направлении. Вместе с городом к западу, по оси главной улицы переместился общегородской центр: в районе запроектированной в 1798 г., в процессе доработки первоначального регулярного плана, западной границы Красноярска образовалась главная городская площадь. Согласно проекту В.И. Гесте, по периметру площади должен был разместиться комплекс зданий административного и торгово-хозяйственного назначения. Так, вдоль северной границы площади проек-

тировались здания присутственных мест, полиции и почты; вдоль южной границы – здания городской думы, гостиного двора и биржи; дома генерал-губернатора и гражданского губернатора предполагалось разместить, соответственно, с западной и восточной сторон. *В центре площади проект намечал строительство доминирующего над городской застройкой объема главного городского собора.*

Разделение Сибири в 1796 г. на две губернии – Тобольскую и Иркутскую – превратило Иркутск в крупный административный центр. Это обстоятельство способствовало значительному увеличению населения, ускорению экономического и культурного роста города.

До начала XIX века градостроительная реконструкция Иркутска на основе регулярного плана 1792 г. практически не проводилась. Еще в 1810 г. иркутский губернатор Н.И. Трескин сообщал в официальном отчете, что “Губернский город, только известный по знатности торговли и промышленности своей, остается после 18 лет, протекших от утверждения плана оному, почти в первобытном состоянии”.

Значительный градостроительный рост, масштабная перепланировка и благоустройство Иркутска относятся к первой четверти XIX столетия, когда в России “большое значение приобретают градостроительные мероприятия... предусматривающие типизацию почти всех видов жилых и казенных зданий, выработку определенных регулярных планировочных решений, строительных правил и норм, которые во многом упорядочивали городское строительство и особенно застройку центральных кварталов, улиц и площадей”. В период с 1809 по 1820 г. иркутские губернские власти получили из Петербурга специально составленные Строительным комитетом при Министерстве внутренних дел “альбомы фасадов образцовых домов для застройки Иркутска и уездных городов Иркутской губернии”. В это же время в Иркутск поступили “различные серии типовых фасадов”, разработанные видными столичными архитекторами – В.П. Стасовым, Л. Руской и В.И. Гесте. Наконец, с 1812 г. все строительство в городе предписано было осуществлять только по типовым фасадам.

В последующие годы характер застройки Иркутска, в первую очередь центральной его части, существенно изменяется. Все крупное строительство сосредотачивается на главных улицах, центральных соборных, административных, торговых площадях. Застраиваются Большой проспект, Морская, Луговая и другие центральные улицы; “получают в известной степени целостное в стилевом отношении решение (как классицистические архитектурно-планировочные композиции. – А. Т.) центральные площади – Спасская, Тихвинская и Рыночная, застроенные целым рядом зданий торгового и казенного назначения”. Однако мероприятий по радикальной перепланировке общегородского центра по-прежнему не проводится. Сдерживающим фактором в этом отношении является генеральный план 1792 г., который, сохраняя значение основы градостроительного развития Иркутска, предполагает формирование центрального архитектурно-планировочного ансамбля “на базе сложив-

шейся системы площадей”, “композиционная основа которых... уже закреплена монументальным объемом гостиного двора, мещанскими рядами, Спасской и Тихвинской церквями”; при этом *значение смыслового фокуса в структуре центра сохраняется за главным городским храмом – собором Богоявления Господня.*

Быстрый промышленный рост Иркутска и связанный с ним рост городского населения, происходившие в первой четверти XIX века, вызвали значительное увеличение селитебной территории города и потребовали разработки ряда планировочных схем в дополнение к генеральному плану 1792 г. В результате планомерной застройки многочисленных предместий и слобод, к 1840-м гг. Иркутск, вплотную подступив к нагорным местам, занял почти всю наиболее удобную в градостроительном отношении равнинную территорию по берегам рек Ангары и Ушаковки. В этот период все капитальное строительство по-прежнему концентрируется в центральной части города. К середине XIX века комплекс главных площадей Иркутска, в состав которого вошли Спасская, Тихвинская, Соборная, а также Гостинодворская и Рыночная площади, был застроен каменными зданиями различного функционального назначения, с точки зрения стилевого и композиционного соответствия их друг другу в совокупности заложившими основу относительно целостного и выразительного архитектурного ансамбля городского центра.

В конце XVIII – начале XIX века Омск оставался городом с преобладающим военно-административным значением. В связи с этим экономическое развитие Омска по-прежнему было незначительным, медленно приращивалось городское население, большая часть которого все еще приходилась на личный состав крепостного гарнизона.

Сравнительно невысокой оставалась в этот период динамика градостроительного роста Омска. Тем не менее, планировочные основы, заложенные первым регулярным планом 1770-х гг., достаточно четко определили развитие городской структуры: расширение территории города продолжалось по заданным направлениям путем механического прибавления типовых кварталов.

Новый регулярный план Омска, составленный “Комиссией о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы” и в 1798 г. – после Высочайшего утверждения – включенный в атлас Тобольской губернии, имел лишь незначительные расхождения с первоначальным проектом.

Город продолжал расти. Сверх намеченного планом расширились Кадышевский и Бутырский форштадты, где образовался третий ряд жилых кварталов; на левом берегу р. Оми плотно застроился Ильинский форштадт (в его состав вошла территория первоначальной крепости), вместивший лучшие постройки города: каменную Ильинскую церковь, “большой деревянный полевой госпиталь, гостиный двор, провиантский магазин, ратушу, частные дома богатых и чиновных людей”. На берегу Иртыша, к югу от Ильинского форштадта, на значительном удалении от него образовался новый район - Казачья слобода,

состоявшая из девятнадцати крупных кварталов. В первые годы XIX века в долине р. Оми появился Мокринский форштадт.

В 1804 г. Омск был причислен к разряду уездных городов, а в 1822 г., при создании на территории Сибири двух самостоятельных районов государственного управления, город значительно повысил свой статус, войдя в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства в качестве административного центра Омской области (наравне с губернскими городами) и места расположения генерал-губернаторской ставки. В 1825 г. в Омск из Тобольска переводится Совет Главного управления Западной Сибирью, а спустя несколько лет – Главное управление в целом, а также Штаб Отдельного Сибирского корпуса. Примерно к этому же времени относится и перенос Великого Сибирского тракта – основной торговой магистрали Сибири – с севера на территорию Омска, что сделало город, наряду с Иркутском, опорным пунктом торговли Российской Империи со странами Средней Азии, Китаем, Монголией. Таким образом, к концу первой трети XIX века г. Омск приобрел значение важнейшего административного и торгового центра Сибири.

В 1820-е гг. в Петербурге, в соответствии с потребностями начавшего активно развиваться города, архитектором В.И. Гесте был разработан новый генеральный план Омска. В проекте получила дальнейшее развитие и усовершенствование присущая первоначальному городскому плану идея несколько схематической регулярной разбивки кварталов с широкими прямыми улицами. Мелкие кварталы Ильинского форштадта, выгоревшие во время пожаров 1819 и 1823 гг., в проекте В.И. Гесте были укрупнены. Вокруг Ильинской церкви, прежде стесненной застройкой, образовалась обширная площадь, вдоль западной границы которой было намечено сооружение ряда каменных зданий, а на северной стороне – определено место для генерал-губернаторского дворца. За дворцом предполагалось разбить большой сад, южнее его – просторную войсковую площадь. Вдоль берега р. Оми были запроектированы два крупных квартала каменных домов. Разработав оригинальный тип городского квартала (со средними размерами 220 x 120 м), архитектор В.И. Гесте использовал его для значительного увеличения территории Омска путем прибавления новых жилых районов. В квартальной жилой застройке архитектором были выделены площади для приходских церквей и торговли, *в центре южной части города “предполагалось создать большую площадь с собором и гостиным двором”*.

В январе 1826 г. план В.И. Гесте поступил в Омск “для сверки с натурой”. Омские власти, изучив проект, присовокупили к нему несколько частных замечаний, после чего план был возвращен в Петербург, подвергнут дополнительной корректировке и 28 января 1829 г. утвержден Высочайше.

С момента конфирмации новый генеральный план становится руководящей основой дальнейшего градостроительного развития Омска. Город начинает активно расширяться и застраиваться. По периметру площади (позднее получившей название Казачьей), намеченной проектом В.И. Гесте на месте образованного пожарами пустыря между Ильинским форштадтом и Казачьей сло-

бодой, в русле господствовавшей традиции русского классицизма началось формирование центрального архитектурно-планировочного ансамбля города. Большую часть восточной стороны площади заняли одноэтажный корпус и двухэтажные мастерские казенной суконной фабрики, построенной еще в 1822 г. для военных поставок обмундировочного сукна. В северо-восточном углу главной площади были возведены кирпичное здание мечети и “большой деревянный дом для приезжающих из степи знатных кочевников”. Западную границу площади закрепило “двухэтажное, на высоком цоколе, украшенное шестиколонным ионическим портиком здание воинской канцелярии”, построенное в 1826 г. и вскоре переданное Воинскому казачьему училищу. В период с мая 1833 г. по 1840 г. на территории центральной городской площади, против нового, репрезентативного здания военного (казачьего) училища, по проекту выдающегося столичного зодчего-классициста В.П. Стасова возводится “наиболее интересное в архитектурном отношении сооружение Омска середины XIX столетия” – казачья Свято-Никольская церковь (собор – с 1916 г.), которая на долгие годы приобретает значение важнейшей городской постройки.

II.4. Основные выводы

1. Сибирские города Томск, Красноярск, Иркутск, Омск были основаны в период с начала XVII по первую четверть XVIII века как компактные укрепленные поселения русских первопроходцев (преимущественно – служилых людей) с доминирующей военно-стратегической функцией. На начальном этапе архитектурно-градостроительного развития гг. Омска, Томска, Красноярска, Иркутска (со времени основания до 1760-х – 1770-х гг.) функциональными и композиционными центрами их планировочных структур и систем застройки являлись главные площади крепостей (“городов”, острогов), формировавшиеся вокруг зданий крепостных православных храмов, которые как наиболее значимые для русских поселенцев объекты возводились одновременно с фортификационной основой и группировали ее важнейшие административно-хозяйственные постройки. Ко времени составления первых регулярных планов градостроительного развития (вторая половина – конец XVIII века) гг. Томск, Красноярск, Иркутск: практически утратили первоначальное военно-стратегическое значение; приобрели функции региональных административных и экономических (торгово-промышленных) центров; значительно выросли по численности постоянного населения и расширились территориально; лишились искусственной границы в виде системы укреплений между крепостной (острожной) и общегородской (посадской) планировкой и застройкой. Функции городских центров в указанный период выполняли архитектурно-планировочные ансамбли бывших (гг. Красноярск, Иркутск, отчасти Томск) и существующих (г. Омск) крепостей с объемами православных соборных храмов в качестве их смысловых и композиционных доминант. При этом лишь

относительно стабильной градостроительной структуре функционально наиболее усложнившегося Иркутска была присуща определенная развитость архитектурно-планировочного ансамбля городского центра и его композиционной – градоформирующей – функции.

2. Становление гг. Омска, Томска, Красноярска, Иркутска в период с конца XVIII по 20-е гг. XIX века как крупнейших административных, экономических, транспортных центров Сибири, а также центров религиозно-культурной жизни и церковного управления (за исключением г. Омска) было сопряжено с началом их устойчивого градостроительного развития на регулярной планировочной основе. Формирование общегородских центров в данный период происходило: для г. Томска – на базе торгового центра на правом берегу р. Ушайки (комплекс сооружений на территории бывшей крепости к концу XVIII века окончательно утратил самостоятельное архитектурно-планировочное значение); для гг. Омска, Красноярска, Иркутска – на основе первоначальных крепостных ансамблей. Функции композиционно-смыслового ядра для центров перечисленных городов выполняли как прежние, расположенные в границах крепостей (гг. Омск, Красноярск, Иркутск), так и новые, сформировавшиеся за пределами этих территорий (г. Томск), многофункциональные площади с объемами главных городских православных соборов.

3. Процессы дальнейшего политико-экономического и социокультурного роста крупнейших городов Сибири в 30-е – 40-е гг. XIX века обусловили значительное архитектурно-градостроительное развитие их в данный период на основе принципиально новых (гг. Красноярск, Омск, Томск) или модернизированных первоначальных (г. Иркутск) регулярных планов. Общегородские центры гг. Омска, Томска, Красноярска радикально изменили свое местоположение в значительно разросшихся и усложнившихся городских архитектурно-планировочных структурах; центр г. Иркутска, не подвергаясь принципиальной пространственной реорганизации, в целом сохранил историческое размещение в районе бывшей крепости. При этом формирование композиционно-смыслового ядра общегородского центра для всех указанных городов было намечено в виде регулярной объемно-пространственной композиции, состоящей из многофункциональной площади (системы площадей), развернутой по ее периметру крупномасштабной классицистической застройки и архитектурно-смысловой доминанты – монументального объема главного в городе православного храма, формирующего как пространство центрального ансамбля, так и пространство общегородской архитектурно-планировочной композиции.

4. В условиях регулярного градостроительного развития городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века объекты православно-церковной архитектуры, исторически выступавшие в качестве главных композиционно-смысловых доминант городских объемно-планировочных систем, сохранили свои традиционные функции и значение и, более того, усилили их в формирующихся укрупненных, централизованных структурах городов. Создание в центрах гг. Омска, Томска, Красноярска, Иркутска в 40-х – 90-х гг. XIX века

крупномасштабной архитектуры православных кафедральных соборов было определено (гг. Томск, Красноярск) или предпослано (гг. Омск, Иркутск) осуществлявшимися в первой половине XIX века проектами планировки этих городов.

Глава третья

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССОВ СОЗДАНИЯ КРУПНОМАСШТАБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАФЕДРАЛЬНЫХ СОБОРОВ В ЦЕНТРАХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В главе документально воссоздается историко-культурная панорама предприятий по сооружению крупномасштабных православных кафедральных храмов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске.

III.1. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Пресвятой Троицы (Свято-Троицкого) в г. Томске

6 декабря 1842 г., в день тезоименитства Государя Императора Николая I, Преосвященный Афанасий, епископ Томский и Енисейский, управляющий Томской епархией, в Благовещенском кафедральном соборе произнес “слово о необходимости построить в г. Томске особый, более вместительный и просторный, собор и пригласил чиновников и всех граждан к добровольному пожертвованию на сооружение нового кафедрального соборного храма”. Призыв владыки Афанасия, одаренного способностью вещать “экспромтом и всегда с такою задушевностью и теплотою сердца, что невольно исторгались слезы у слушателей”, – произвел столь сильное впечатление на паству, что сразу же по окончании литургии “почетные граждане зашли к Преосвященному, и тут, в его покоях, открыта была подписка на богоугодное дело сооружения собора”. Первым среди 14 подписчиков этого дня стал сам епископ Афанасий, пожертвовавший 195 руб. 70 коп.; общая же сумма вкладов, сделанных 6 декабря 1842 г., составила 941 руб. 70 коп. Спустя два дня, 8 декабря, 600 руб. передал через Преосвященного в кассу нового собора томский губернатор – генерал-майор Степан Петрович Татаринов. Пожертвования делались 8, а также 10 и 12 декабря; 17-го дня того же месяца, на общем собрании Томского городского общества, в присутствии 33 человек, по предложению губернатора было подписано еще 9620 руб. 70 коп. На следующем собрании, состоявшемся 23 декабря 1842 г., было вынесено официальное решение (“постановлен приговор”) о сооружении в Томске нового кафедрального собора; “средства на сооружение храма предположено было изыскать путем сбора добровольных пожертвований”.

В соответствии с “приговором” Томского городского общества, в январе 1843 г. томский городской голова – почетный гражданин Николай Евтихеевич Филимонов “вошел к Преосвященному Афанасию с представлением о распро-

странении добровольной подписки по всей Томской епархии”, то есть на обширную многонаселенную территорию Томской, Енисейской губерний и Семипалатинской области, – “а в Томскую Губернскую Строительную Комиссию представил на рассмотрение план и фасад, скопированный с Высочайше утвержденных плана и фасада церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы, построенной в Санкт-Петербурге по проекту Императорской Академии художеств профессора архитектуры Тона, с наименованием Томского собора Троицким, с двумя приделами: во имя Святого Благоверного Князя Александра Невского и Святителя Николая Чудотворца”.

Избрание в качестве проектной основы для сооружения Томского собора разработки именно этого столичного мастера – архитектора Константина Андреевича Тона – не было случайным: К.А. Тон являлся одним из известнейших в России практиков храмостроения, авторские проекты которого успешно осуществлялись как в столичных городах, так и в глубокой провинции. То же, однако, что материалом для копирования послужил осуществленный оригинальный проект этого автора, было определенным нарушением Высочайшего повеления повсеместно использовать при сооружении городских церквей “нормальные” (“образцовые”) проекты, составленные архитектором К.А. Тоном в 1838 г. При этом предпочтение, отданное именно проекту полкового храма Лейб-Гвардии Семеновского полка в Петербурге, мотивировалось тем, что в архитектуре Введенской церкви “яснее всего выразился тоновский тип храмов”.

13 февраля 1843 г. Строительная комиссия вернула рассмотренные чертежи Н.Е. Филимонову, указав ему на обнаруженные в копии “некоторые отступления от подлинника”.

Оставив, однако, возвращенный проект без исправлений, городской голова посетил владыку Афанасия и ознакомил его с чертежами, – сообщив кстати, что за период с 6 декабря 1842 г. по 16 февраля 1843 г. в кассу нового собора поступило 16489 руб. 82 1/2 коп. “добровольных приношений”. По мнению Н.Е. Филимонова, в подобной ситуации своевременным стало обращение в Святейший Синод с ходатайством о его санкции на постройку в Томске нового кафедрального собора. Однако, как выяснилось далее в разговоре, Преосвященный Афанасий еще в январе 1843 г. самостоятельно предпринял данный шаг; это позволило уже к апрелю получить соответствующий указ духовного ведомства (датированный 14 марта 1843 г.), согласно которому в мае того же года был образован “особый комитет” по сооружению храма. 7 сентября 1843 г., по прибытии в Томск всех семи его членов, определенных выбором жертвователей и согласием начальника губернии, вновь созданный Комитет “открыл свои действия... поверкою собранных денег”.

Направленный епископом Афанасием весной 1843 г. в Святейший Синод проект Томского собора (переданный владыке Н.Е. Филимоновым) из духовного ведомства поступил на рассмотрение в Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Экспертиза проекта “в искусственном отношении”

нашла его “согласным с чертежом, составленным профессором Тоном на постройку церкви Введения в Санкт-Петербурге, и потому одобрительным; замеченные же местным Начальством и Департаментом незначительные неправильности в украшениях и фасаде начертанных малых куполов, происшедшие от неопытности копировавшего (исполняющего должность каинского землемера Скоробогатова. – А. Т.), *должны быть исправлены во всем согласно с отлитографированным чертежом г. Тона, которым следует при производстве постройки в точности руководствоваться* (выделено мною. – А. Т.)”. Не требуя Высочайшей санкции как дубликат ранее утвержденного Государем Императором Николаем I и осуществленного проекта, чертеж “плана и фасада” Томского собора был утвержден Ведомством путей сообщения и возвращен в Святейший Синод, откуда, в сопровождении указа № 12219 от 14 сентября 1843 г., поступил в Томск.

Официально дорога строительству нового кафедрального храма в г. Томске была открыта, однако неучтенным – и, как оказалось, весьма серьезным препятствием на этом пути явились обстоятельства местной жизни. Дело заключалось в том, что в городе в то время не доставало необходимых для осуществления столь ответственной постройки специалистов, как то: “свободных техников и инженеров”, “порядочных мастеров, надежных десятников”. Не в состоянии была обеспечить строительство подобного здания и местная промышленность, которая, несмотря на начавшийся заметный рост (в сфере золотодобычи), не имея “ни фабрик, ни заводов”, по-прежнему состояла, в основном, из мелких кустарных мастерских: кожевенных, шорных, свечномыловаренных, санно-тележных, кирпичных и др. “На местном торгово-промышленном рынке нельзя было найти в достаточном количестве материалов для построек крупных, солидных.”

В таких условиях Томская губернская строительная комиссия, первой ранее ревизовавшая проектные чертежи, “отказалась принять на себя руководство постройкой” храма, уклонившись при этом даже от составления требуемой к проекту сметы: члены Комиссии “смугились обширностию и важностью сооружаемого кафедрального собора”.

Несостоявшийся коллективный надзор потребовал подбора специалиста для единоличного руководства строительством. Была предложена кандидатура архитектора К.Г. Турского, ранее практиковавшего на Урале и считавшегося в Томске опытным профессионалом; но И.Д. Асташев – известнейший томский предприниматель-золотопромышленник и член Комитета по сооружению храма, отозвавшись о Турском “невыгодно”, рекомендовал вместо него гражданского инженера Александра Петровича Деева, на протяжении уже долгого времени жившего в Томске частной архитектурно-строительной практикой и построившего для И.Д. Асташева, как и для других состоятельных томичей, предпочитавших “хорошо и солидно строиться”, добротный особняк. Впрочем, при всем уважении к профессиональным качествам А.П. Деева, золотопро-

мышленник, предлагая кандидатуру инженера на руководство новым строительством, будто бы хотел “после постройки дома сбыть его с своих рук”.

Строительный комитет согласился с предложением своего члена и 24 мая 1844 г. заключил с архитектором А.П. Деевым “контракт”, в соответствии с которым тот принял на себя “заведывание технической частью” предприятия, обязавшись “посвящать свои труды на сооружение храма в искусственном отношении”, при условии, однако, “чтобы никакие уже другие занятия в обязанности его не входили и, так как он с утра до вечера без отлучки на строении быть не может”, Комитетом ему назначен был помощник, “который, действуя под его надзором и по его указанию, мог бы в не важных случаях заменить его иногда, или, по крайней мере, передать в точности его приказания мастерам; но как здесь такого человека, который бы в строительном искусстве имел хотя начальные сведения, найти трудно, то довольно и того, если комитет пригласит хоть одного чертежника посмышленнее из числа поступивших в гражданское ведомство военных кантонистов... чертежник этот приобретет на практике такие сведения, которым он, быть может, не имел бы возможности научиться никогда”. С другой стороны, договор лишил А.П. Деева права отказаться от должности либо ранее, чем минует 4 года с момента вступления в нее, либо “пока все главные части сооружения не будут выполнены”. Архитектор обязался, в случае непрерывной поставки на строительство необходимых материалов и найма нужного числа “мастеровых людей”, уложиться с постройкой собора в указанный четырехлетний срок, но предложение взять на себя финансовую ответственность встретил решительным отказом. Комитет определил А.П. Дееву жалованье в размере 1714 руб. 28 1/2 коп. серебром (или 6000 руб. ассигнациями) в год, присовокупив к этой сумме 100 руб. серебром годовых “на расходы по чертежной части”, и назначил ему в помощники (с 26 июня 1844 г.) Петра Еланцева (служившего в этой должности до 15 июня 1846 г. и замещенного в качестве чертежника Василием Бельковым). Томский губернатор С.П. Татаринов одобрил эти действия.

Одновременно с подбором руководителя строительства храма Комитет был занят вопросом отвода места под здание нового кафедрального собора на территории города. На Высочайше утвержденном 8 августа 1830 г. “перспективном” плане Томска этот участок был определен у самой границы существовавшей тогда городской застройки, “в березовой роще, против единственных тут построек – военных казарм”. Посетивший Томск в 1828 г. Высокопреосвященный Евгений, архиепископ Тобольский и Сибирский, видел это место, тогда еще совершенно необжитое, но “не одобрил” его. Приняв к сведению мнение владыки, Комитет не решился, однако, на корректировку существующего плана, – тем более, что к середине 1840-х гг. пустынная окраина стала постепенно застраиваться (так, к примеру, еще в 1841 г. там был возведен крупный каменный корпус Губернских присутственных мест), – и, желая возможно скорее “иметь точную определительность месту, назначаемому по Высочайше утвержденному плану г. Томска под постройку собора”, в соответствии с требо-

ванием указа Святейшего Синода от 14 сентября 1843 г., просил губернского землемера Шибанова “указать место, где должен быть воздвигнут собор по плану города, как от здания присутственных мест, так и от казарм, занимаемых нижними чинами, а равно и от дома коллежского советника И.Д. Асташева как капитального”; кроме того, “определить место для складки камня, извести, кирпича”. Шибанов исполнил просьбу Комитета, и 6 июня 1844 г. кузнецким землемером Берестовым под строительство кафедрального собора был отведен указанный участок, находившийся на расстоянии: 50 сажень – от здания присутственных мест; 75 сажень – от корпуса “воинских” казарм; 35 и 103 сажень, соответственно, – от “предположенных к постройке” домов военного губернатора (на западе) и гражданского губернатора (на севере). В тот же день архитектор А.П. Деев приступил к “расколке” участка “для обозначения линий” под постройку. 11 июня 1844 г. Преосвященным Афанасием, “при участии всего городского духовенства и в присутствии Губернатора”, было “совершено на месте предположенной постройки молебствие, и тут все линии, назначенные нарезкою архитектора для собора, окроплены им (владыкою) святою водою”.

Закладке храма должен был предшествовать цикл земляных работ, однако до начала его в Комитет поступил запрос руководителя строительства: планируется ли под зданием собора устройство подвалов? Проблема виделась А.П. Дееву в том, что “по системе профессора Тона, под храмами его проектов почти всегда предполагаются подвалы для помещения ризницы, пневматических печей, дров, разного церковного имущества, но на утвержденном плане подвалов не показано; должен ли он (архитектор А.П. Деев) под собором делать подвалы или нет, и под всем ли его пространством или в некоторых только местах, – это необходимо знать, потому что если будут подвалы, то землю надо вынимать сплошь, а если подвалов не будет, то надо будет рыть по направлению линий одни только рвы”. Обсудив этот вопрос, Комитет счел “достаточным допустить выемку земли для подвалов только под выступами” со всех четырех сторон, “где могут быть свободно помещены церковные принадлежности; собственно же квадрат земли, с которым соединяется основание столбов, оставить в натуральном виде”.

Производство земляных работ начали арестанты, и – крайне нерасторопно, так, что, по подсчетам А.П. Деева, выемка всей земли в подобном темпе продолжалась бы около 5 лет. Начальник строительства потребовал от Комитета принятия “решительных мер”. Отказавшись от использования заключенных, Комитет нашел вольнонаемных рабочих; но число их оказалось недостаточным, и, в конце концов, пришлось вновь употребить арестантский труд, – стимулируя его равной с вознаграждением труда наемных рабочих оплатой.

Далее возникли новые трудности. Строительным комитетом было сочтено, что “в Томске нет почти совершенно мастеров, знающих каменную кладку, а особенно умеющих выделывать и обжигать прочный кирпич, обжигать известь, знающих штукатурное и лепное дело”. Исходя из этого обстоятельства,

в целях “возможной поспешности в построении собора, сохранения бережливости в расходах и достижения возможной чистоты, правильности и прочности сооружения”, Комитет командировал архитектора А.П. Деева в Европейскую Россию, дабы он “нанял в трактовых российских губерниях, где признает это удобным и выгодным, каменщиков, штукатуров и вообще людей всех ремесел, какие только в настоящее время, по соображению его, при возведении столь значительного здания будут нужны, и заключил с ними условия”. “...если для точного выполнения всех частей храма сего, чего из рисунков видеть нельзя, и особенно для устройства пневматических печей, необходимых по здешнему климату, а также для обзора мест, где должны быть повешены колокола, Деев признает необходимым видеть настоящий храм в Санкт-Петербурге Введения (во храм) Пресвятыя Богородицы, то может исполнить это с употреблением собственно на этот предмет, в счет Комитета, до 500 рублей ассигнациями.” Кроме того, архитектору было поручено побывать в Москве и “приметиться, чего будут стоить для главного и 4 малых куполов железные кресты, обложенные вызолоченной бронзой, а также прислать несколько рисунков иконостаса для главного храма и в боковые; в особенности с тех, какие сделаны в таком же храме в Санкт-Петербурге”. Член Комитета И.Д. Асташев, которому, видимо, и принадлежала идея командирования А.П. Деева, обещал собственными средствами возместить перерасход архитектором командировочных, если таковой произойдет.

Для наблюдения за работами, приема и отпуска строительных материалов в отсутствие начальника строительства, Комитетом в качестве “смотрителя работ” был нанят “сотник 12 класса Томского городского казачьего полка” Степан Васильевич Стрижнев, который вместе с чертежником П. Еланцевым руководил выемкой земли под фундаменты, следуя оставленной А.П. Деевым точной инструкции.

Уехав в Европейскую Россию, А.П. Деев пробыл там почти полгода. 11 декабря 1844 г., вскоре после возвращения в Томск, архитектор “отчитался” перед командировавшим его Комитетом письменным заявлением, в котором, однако, не привел никаких конкретных сведений о маршруте, обстоятельствах своей поездки, сообщив лишь, что “при всем неусыпном старании поручение комитета относительно найма рабочих для построения Кафедрального собора он не мог вполне исполнить, потому что помещики и вотчинные их конторы ни на каких условиях и ни на какую цену людей в Сибирь не увольняют. Из свободного же состояния нашел очень немногих; артельных мастеров хотя и нашел, и много, но все они состоят под распоряжением так называемых подрядчиков и большая часть из них занята огромными работами на 3, 4 и 5 лет; которые поотработались и посвободнее, те выпросили такие цены и с такими, притом, условиями”, что на них никак нельзя было согласиться. “Самые умеренные из этих артелей нашел только две: одна, из 65 человек, проживает в Камышловском уезде и строит 2 огромные винокуренные заводы, Ертарский и Талицкий, а другая в Екатеринбурге окончила в женском монастыре храм та-

кой же точно величины, какой предполагается и здесь, и взяла новый подряд: выстроить театр.” Доложив это, архитектор вернул Комитету 5500 руб., в свое время выданные ему для “обзадачивания мастеровых людей в России при найме их”. Таким образом, главной цели путешествия А.П. Деева не достигло, но в дальнейшем выяснилось, что именно в этом отношении необходимости в нем не было: и на месте нашлись рабочие руки, требуемые для строительства храма.

Возглавив работы по сооружению собора, архитектор А.П. Деев сразу же обратил внимание на процесс заготовления и подвоза к месту строительства первоочередно необходимых материалов (бута, извести и пр.). Заготовительные мероприятия были начаты заблаговременно – еще в январе 1844 г., однако А.П. Деев полагал темпы и масштабы их недостаточными. Так, он вошел в Комитет с просьбою еще до закладки здания заготовить 63 кубических сажени крупнозернистого песка, извести, топорных плах, теса, до 5000 штук бревен, крупнозернистого плитного камня (нужного для обложения цоколя собора и облицовки стен в подвалах, где было запланировано устроить ризницу). В начале лета 1844 г., накануне командировки, архитектор просил Комитет заранее приобрести в собственность кирпичные сараи, сохранившиеся со времени постройки корпусов присутственных мест и “острога” (тюрьмы). В феврале следующего, 1845 г. начальник строительства уже не просил, но требовал – “между прочим” – заготовить достаточно точно определенное им количество специальных, – отсутствующих в продаже не только в Томске, но и во всей Сибири, – металлических изделий; по его расчетам, было необходимо: “для связей стен, столбов, парусов... железо квадратное длиною от 8 до 9 1/2 аршинов и от 11 до 12 аршинов, толщиной от 1 1/2 до 2 дюймов в квадрате, с одинаковыми на обоих концах обухами – до 90 штук; железо брусковое, тоже для связей, 76 штук – толщиной 2 дюйма в квадрате, длиною от 8 1/4 до 9 1/4 аршинов, с двойными обухами на каждом конце; затем болты, штыри и проч., всего на первый раз 1490 пудов”.

Заготовление строительных материалов проходило различными путями. Плитный камень добывался и обрабатывался в карьерах Мунгатской волости Кузнецкого округа, расположенных в 250 верстах вверх по р. Томи от г. Томска; производство извести было организовано на территории того же округа, в Пачинской и Верхотомской волостях; эти материалы доставлялись в Томск водою. Некоторыми необходимыми материалами располагал местный строительный рынок. Сложности, однако, возникли при заготовлении “железа и кирпича”. Проблема состояла в том, что заказ архитектора А.П. Деева на металлические изделия выполнить был лишь в заводских условиях, а металлургического производства в Томске не существовало; что же касается производства кирпича, то в Томске оно находилось “на весьма невысокой ступени развития”, так как из-за обилия и дешевизны леса спрос на кирпич был здесь незначительным.

Помощь в разрешении проблемы оказало все то же лицо – золотозаводчик и член Строительного комитета И.Д. Асташев. Заказ А.П. Деева на металлические изделия он переадресовал екатеринбургскому 1 гильдии купцу Степану Ивановичу Баландину, обязавшись за собственный счет приобрести и переправить товар с Урала в Томск. С.И. Баландин заказал “все железо... на Нижнетагильских заводах г. Демидова, ценою по 1 р. 50 к. с пуда, с принятием его на месте работ”, заверив И.Д. Асташева, что “качество железа этих заводов есть первое из всего горного Урала, такого материала мягкого и добротного другие заводы дать не могут”, и сообщил, что “заказ исполнен будет к 1 мая” (1845 г.), а с известием о приеме товара “на месте” и отправке его до Тюмени он, С.И. Баландин, намерен послать “своего приказчика”. Предприятие состоялось, качество изделий удовлетворило томских храмостроителей, и в дальнейшем подобные заказы оформлялись уже самим Комитетом, но на тех же Нижнетагильских металлургических заводах. До Тюмени грузы перевозились на лошадях, а оттуда, – при отсутствии в то время паровозного транспорта, – сплавлялись “по рекам Сибири на сильных парусных судах”.

С целью организации кирпичного производства И.Д. Асташев “выписал из внутренних российских губерний мастеров и устроил в потребных размерах завод”. Однако прежде всего промышленник пожертвовал на строительство кафедрального собора 3 млн. кирпичей из собственных “запасов”; количество материала было именно таким, потому что еще в 1843 г. в Комитет поступили сведения о необходимости для возведения храма по утвержденному проекту всего 2974000 кирпичей. Кроме того, сам Комитет “заподрядил некоего помещичьего крестьянина А. Лысанова” поставить на строительство к осени 1845 г. 250000 кирпичей “длиною 6 вершков, шириною 3 вершка, толщиной 1 1/2 вершка” каждый, причем “кирпич должен быть годен во всякое дело: в стены, колонны, своды, купола”. Собственно же постройка соборного здания 6 февраля 1845 г. была, также на контрактной основе, поручена Тарасу Лысанову – “крестьянину Нижегородской губернии сельца Большой Пицы, крепостному человеку помещицы Марии Александровны Григорьевой”. За Т. Лысанова поручились (“дали ручательное одобрение”) крестьяне Абалакской волости Тобольской губернии. Подобно архитектору А.П. Дееву, он обещал выстроить собор за 4 года и “принял на себя все работы, как каменные, плотничьи и другие: постройку лесов, устройство кружал, опалубки, растворку извести, заложение связей, болтов, скоб, пиранов, шпал, подноску кирпича, песку, воды”.

Устройство котлована под фундаменты соборного здания, с выемкой до 400 кубических саженьей грунта, заняло год. 26 мая 1845 г. начальник строительства заявил Комитету, что теперь, “по внимательном соображении и обзоре им всех материалов... и по совершенной готовности рвов под фундамент... признает он возможным приступить к закладке собора, да и мастеровые люди, приусловленные к сему делу посредством контрактного подрядчика, находятся уже в Томске”.

3 июня 1845 г., в день Пресвятой Троицы, произошло долгожданное событие: в обстановке торжественности инициатором создания нового кафедрального храма – Преосвященным Афанасием, епископом Томским и Енисейским, собор был заложен. Буквально на следующий день началось строительство, которое непрерывно продолжалось затем в течение всего лета. За этот период в подготовленные прежде рвы был заложен фундамент из бутового камня и начато возведение – из так называемого “точильного” камня – подвальных стен.

В сентябре 1845 г. строительную площадку посетил томский губернатор С.П. Татарinov. Осмотрев постройку, он “заметил, что камень, из которого устраивается основание, употребляется весьма мелкий и непрочный, и предложил принять меры к устранению замеченного им недостатка”. Строительный комитет потребовал объяснений от начальника строительства; архитектор А.П. Деев отвечал: “Замечание... справедливо, но камень этот употребляется в такие места, где он был нужен, а теперь я приказал разбивать его еще несравненно мельче того <...> Что же касается до предположения... о слабости фундамента и непрочности здания, то в этом отношении прошу Комитет успокоить Его Превосходительство вполне. Ежели я, хорошо зная, что честь архитектора зависит сколько от его искусства, столько же и от выполнения всех тех других условий, к тому необходимых, принял на себя сооружение храма, то оно выполнено будет во всех частях со всеми строжайшими правилами искусства, утвержденного многими опытами в течение тридцати лет службы моей инженером и губернским архитектором”.

Между тем, непредвиденные обстоятельства стали угрожать срывом едва начавшегося строительства. Осенью 1845 г. отказался от договоренности по обеспечению стройки кирпичем “помещичий крестьянин” Александр Лысанов, а в начале следующего, 1846 г., воспользовавшись сезонной приостановкой строительного процесса, “сбежал от работ” подрядчик Тарас Лысанов, его отец, прежде обязавшийся силами нанятых им “мастеровых людей” возвести все соборное здание. Объявившись несколько позднее в Тобольске, Т. Лысанов “взялся по подряду с губернским начальством строить тюремный замок и дом для Приказа общественного призрения” и в Томск так и не вернулся. Организация подрядных работ, за неимением тогда у Комитета более “надежной” кандидатуры, была поручена Александру Лысанову; однако – “сын оказался не лучше отца”, “за работами следил плохо” и “тоже, получив деньги”, позднее (в 1849 г.) “сбежал” со строительства.

В такой ситуации в сезон 1846 г. строительство было продолжено: возведены стены подвальных помещений и цокольный полуэтаж (из того же “точильного” камня; им же цоколь был облицован снаружи на высоту 2,5 аршина). Своды “над подвалами” были выложены из кирпича. В цоколе – “для свету в подвалах” – сделано 17 окон, “для выходов наружу” – 2 двери.

Руководя сооружением храма, архитектор А.П. Деев “на все обращал свое внимание”; в первую очередь, это касалось качества используемых материалов

и прочности возводимой постройки. За период 1847 – 1848 гг. кирпичная кладка двойных стен собора равномерно, со всех сторон, была поднята на высоту 6 сажень 2 аршинов и 2 четвертей, при этом “главные арки сведены с 4 колонн”, находящихся внутри объема и имеющих, от основания своего, высоту 3 сажени 5 четвертей 2 вершка каждая. В рапорте о ходе строительства, направленном в Святейший Синод, сообщалось, что выполненные “работы, по оценке самого архитектора, произведены вообще все со тщанием, хорошо и прочно, но они все... совершенно ничтожные в сравнении с теми, которые предстоят впереди”.

Сделав подобное “глухое” предостережение о серьезности и трудности будущих работ и пользуясь истечением (13 мая 1848 г.) срока своего договора со Строительным комитетом, А.П. Деев заявил об отказе от занимаемой им должности, однако затем согласился еще на некоторое время продлить действие контракта.

Между тем, необыкновенная для томичей своими масштабами постройка привлекала внимание множества любопытных, мешавших ведению работ, и архитектор А.П. Деев, в связи с этим, просил Комитет окружить строительную площадку – “хотя бы временно” – забором. Следом, предупреждая о начале “сложных” операций по сооружению сводов храма, он писал о необходимости “обязать подрядчика Лысанова, чтобы он на будущее лето старался поставить мастеров сведущих, в числе которых чтобы такой дряни, какая была между нынешними каменщиками, не было ни под каким видом. Ибо я замучился совершенно: у редкого мастера осталась работа непереломанною, а у других должен был переламывать 3 и 4 раза. Дальше, вразумить Лысанова, для собственной его же пользы, чтобы он оставил здесь на зиму, по крайней мере, до 8 человек плотников при одном знающем уставщике, которые бы в течение зимы к лету сделали, уставили и опалубили везде, где только нужно, кружала и леса, иначе, если этого в продолжение зимы сделано не будет, то по приходе каменщиков весною им решительно делать будет нечего. И, наконец, самое главное, чтобы у него десятник был совершенно знающий свое дело, а не такой несчастный дурак, как нынче, который только и умел, что держаться за сажень, и больше ровно ничего. Они все, начиная с Лысанова до последнего каменщика, обнадеялись на меня, что я каждую безделицу для них смеряю, назначу и установлю сам. Но я для Лысанова не десятник: мое дело смотреть и поверить, все ли точно так размерено и устанавливаемо, как следует, или нет, а если – нет, то приказать переломать и переделать, как должно”.

17 июня 1848 г. А.П. Деев заявил Строительному комитету, что, помимо уже использованного при кладке собора 1202781 кирпича, на достройку храма потребуется еще около 3264000 кирпичей; таким образом, общий расход материала возрастал до 4467000 штук, что в условиях развернувшегося в Томске каменного строительства создавало на сооружении кафедрального собора серьезную техническую проблему. Впрочем, в скором времени острота ее была снята благодаря инициативе мещанина Ивана Михайловича Михеева, который

в конце строительного сезона – 18 октября 1848 г. – пожертвовал на возведение храма 1 млн. кирпичей.

Оставшись к строительному сезону 1849 г. без производителя работ (“сбежавшего” крестьянина Александра Лысанова), Комитет “приусловил” другого подрядчика – тобольского мещанина Ф.В. Головню, который привлек на строительство – в дополнение к 43 рабочим, нанятым ранее А. Лысановым, – еще 30. В итоге общая численность рабочих, занятых в 1849 г. на строительстве Томского кафедрального собора, составила 73 человека.

Обновленная артель храмостроителей, возглавленная новым начальником, стала работать успешнее, чем прежде; это позволило за сезон 1849 г. полностью закончить кладку стен и сводов, а главный купол храма “поднять” на 37 аршинов “в высоту”.

На 1850 г. Строительный комитет счел необходимым самостоятельно сформировать артель рабочих, по указанию архитектора А.П. Деева “заподнарядив” в нее наиболее квалифицированных каменщиков и плотников из числа занятых на строительстве собора в минувшем году. Через неустанного и ревностного участника сооружения храма – И.Д. Асташева, в мае 1850 г. находившегося в Петербурге, Комитет заказал на заводах Яковлева отливку необходимого, “по 20-саженному квадрату собора”, количества чугунных плит для полов. Для оштукатуривания стен в Екатеринбурге был заказан алебастр; кроме того, было “припасено” кровельное железо.

В июле 1850 г. крестьянином помещицы Е. Костылевой из Владимирской губернии – С. Степановым производилась, по “рисункам” архитектора А.П. Деева, постройка 5 деревянных куполов (“стропил”) на главы собора; купола сооружались на земле, а затем поднимались на собор, закреплялись и обшивались тесом “под железную крышу”. В конце июля мастера “выводили” “самую верхнюю часть большого среднего купола”...

26 июля 1850 г., в 9-м часу вечера, “весь главный купол, 4 главных арки со сводами и парусами до самых пят обрушились в средину здания; тяжестию упавшего пробило с 3 сторон свода над подвальным этажом и ризницею. Четыре средние колонны, 4 боковых башни, или колокольни, хотя еще недоконченные, и наружные стены остались целы, на своих местах”.

К моменту разрушения соборного здания день работ на строительстве был уже закончен, рабочих на площадке “никого не было, но были любопытствующие, из которых некоторые успели спастись по подмосткам, а другие, быв увлечены обрушившеюся массой лесов и кирпичей, погибли под развалинами”. Сразу же после катастрофы живым “в груде упавшей массы” был найден и “взят в больницу” поселенец Дмитрий Моисеев; тогда же “совершенно раздавленным” обнаружен в завалах столоначальник Томской консистории Силин; при падении с лесов во время обрушения постройки опасные для жизни повреждения получил поселенец Петр Петровский; кроме этого, по данным местной полиции, “не оказалось налицо” после катастрофы “еще трех посе-

ленцев, которые, вышед в тот день из домов своих, назад не возвращались и, вероятно, погибли при означенном происшествии”.

На следующий же день – 27 июля 1850 г. – Томская губернская строительная комиссия, “при участии полиции” и в присутствии руководившего сооружением храма архитектора А.П. Деева, чье “имение” немедленно было описано, приступила к освидетельствованию здания “в отношении точного и строгого выполнения по чертежам правильности постройки”.

А.П. Деев был потрясен случившимся. Он не мог понять причины разрушения постройки, так как, по его словам, “все части храма, от великой до ничтожной, сооружались со всею математической точностью и строгостью, так что купол не упал... а сел со своими арками, не могшими вынести его тяжести”. Пытаясь, однако, как-то объяснить происшедшее, архитектор писал: “Слагать вину на негодность материалов или дурную работу каменщиков, или на что-нибудь другое, было бы, с моей стороны, недобросовестно и бесчестно. Я как истинный сын России сделать этого не могу и не умею. Теряясь в догадках об истинной причине такого несчастья, я могу предположить только то, что: большие арки, на которых основана была вся тяжесть парусов, трибуны и громадные купола с (их) сводами, были тонки и не выдержали страшного давления лежавших на них масс; но признаюсь откровенно, что и на этой мысли положительно остановиться я не могу, потому, во-первых, что не смею думать, чтобы такой архитектор, как Тон, по проекту которого сооружается храм, не расчислил всей нормальной и относительной тяжести, которую должны были держать на себе столбы и арки, и поэтому не определил точной их толщины и устойчивости; и, во-вторых, точно такой же конструкции и, может быть, на таких же точно арках построен храм в Петербурге в Семеновском полку. Остается одно, и это едва ли не главное, что материалы наши по свойству климата и по качеству глины и камня, из которых они добываются, в сравнении с Петербургскими, не могут быть годны на такое громадное сооружение в Сибири, в той же пропорции и соразмерности толстоты и устойчивости частей здания, как в других местах. Может быть, и самое влияние постоянных и жестоких морозов в наших краях, от которых все части огромного здания скорее промерзают и потом оттаивают, нежели просыхают, сильно действует и производит слишком большую разность, никем еще не испытанную и не определенную”.

Не находя своей вины в происшедшем разрушении соборной постройки, архитектор А.П. Деев, минуя местное гражданское начальство, обратился к центральной власти, в лице министра внутренних дел графа Льва Александровича Перовского, с ходатайством об освобождении его, А.П. Деева, от ответственности по данному делу. Граф Л.А. Перовский, своевременно узнавший о катастрофе из донесения томского гражданского губернатора, письмом № 4552 от 5 октября 1850 г. известил о происшествии в Томске исправляющего должность обер-прокурора Святейшего Синода тайного советника Александра Ива-

новича Карасевского и переадресовал ему вышеупомянутое прошение А.П. Деева.

По поводу разрушения храма, духовным ведомством на заседаниях 29 сентября и 8 октября 1850 г. были заслушаны “два донесения и рапорт” Преосвященного Афанасия, епископа Томского и Енисейского, в которых владыка, помимо прочего, сообщал о начале следствия “о падении купола строящегося в Томске Собора”, производство которого, по разрешению генерал-губернатора Западной Сибири, томский гражданский губернатор поручил советнику Томского губернского суда Балакшею и губернскому архитектору Болотову. Приняв к сведению как эту информацию, так и данные, поступившие от министра внутренних дел, Святейший Синод, по понятным причинам, самоустранился от непосредственного участия в деле. Прежде всего это коснулось определения дальнейшей судьбы архитектора А.П. Деева. В связи с поступлением в Святейший Синод из Министерства внутренних дел вышеупомянутого прошения А.П. Деева, духовным ведомством на заседании 30 – 31 октября 1850 г. было рассмотрено предложение тайного советника А.И. Карасевского (письмо № 6411 от 11 октября 1850 г.), в результате чего обер-прокурору Святейшего Синода графу Николаю Александровичу Протасову было “предоставлено” “уведомить Г. Министра Внутренних Дел, что Святейший Синод не может постановить никакого заключения по прошению Архитектора Коллежского Советника Деева об освобождении его от ответственности по случаю падения купола во вновь строящемся в г. Томске, под надзором его, Деева, Кафедральном Соборе, так как исследование и рассмотрение дел о подобных происшествиях... принадлежит Гражданскому Начальству”.

Таким образом описываемым событиям суждено было отразиться в деятельности центральных учреждений государственной власти. На месте следствие по делу о разрушении Томского собора, начатое летом 1850 г., к удовлетворительным итогам, то есть к сколько-нибудь полному выяснению обстоятельств и причин катастрофы, также не привело, и 21 апреля 1852 г. в Томск, с целью дополнительного освидетельствования соборной постройки, прибыл из Омска инженер-полковник Игнатъев. По заключению, которое смог дать этот “независимый” квалифицированный эксперт, главными “техническими” причинами катастрофы явились:

- “1. Разновременное устройство больших арок, сведенных в холодное время и оставленных на всю зиму замкнутыми;
2. Неположение сверх сих арок и над столбами железных связей;
3. Неправильное устройство парусных сводов;
4. Разновременное устройство 4 основных внутренних столбов и наружных стен, давших трещину оттого, что под фундаментами нет лежней;
5. Неудовлетворительное качество кирпича”.

Подобные выводы, отрицавшие всякую возможность возобновления строительства храма на уцелевшей основе, вызвали возражения со стороны Строительного комитета; Комитет был убежден в том, что: грунт под построй-

кой был сухим; использованный кирпич – “наилучшего качества”; “все 4 арки сложены в одно время” и т.д.

Вслед за тем, как мнение очередного эксперта было подобным образом оспорено, – в 1856 г., предположительно весной, состоялось еще одно освидетельствование соборной постройки, на этот раз – специалистами столичного ведомства, а именно – Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Комиссия признала “невозможным” возведение постройки “на оставшихся стенах”, но допустимым – использование прежнего фундамента при строительстве храма “по измененному проекту, с уменьшением высоты здания до 6 саженьей”.

И вновь выводы высокопоставленных экспертов не удовлетворили томичей. К обследованию соборного здания был привлечен местный специалист – Константин Николаевич Еремеев, занимавший должности томского городского и епархиального архитектора. “Изучив тщательно и подробно во всех отношениях означенное здание, а равно и следя в продолжение более 3 лет за всеми изменениями, происходившими как от влияния атмосферных действий, так и от самой конструкции”, – К.Н. Еремеев “совершенно убедился, что главная и единственная причина падения трибуны и купола была – неправильная кладка парусов. Прочие же части здания... находятся в том прочном виде, в каком требуется по проекту г. Тона”. Придя к такому заключению, архитектор изъявил согласие, – в том случае, если будет решено восстанавливать собор, – “принять производство работ на себя”.

Оценка, данная поврежденной постройке К.Н. Еремеевым, оказалась созвучной желанию Томского городского общества, 6 ноября 1856 г. составившего “приговор” о восстановлении храма по прежнему проекту. Однако работа местного специалиста все-таки нуждалась в подтверждении со стороны “незаинтересованного” мнения. По этой причине в Томск был приглашен находившийся в Красноярске и руководивший там “достройкой кафедрального собора, также павшего в верхних частях своих”, архитектор Яков М. Набалов. 14 ноября 1856 г. он подверг “уцелевшие части здания... самому тщательному и всестороннему осмотру”. В составленном по итогам обследования акте архитектор сообщал: “...в упавшем церковном здании я нахожу все наружные стены храма во всех частях своих прочными и годными, а потому все эти стены можно оставить так, как оне существуют в натуре, без всякой переделки”; в тех же местах, где стены дали “незначительные” трещины, достаточно было бы, по мнению эксперта, обновить кладку, а “облицовку цоколя понаружи здания камнем, при мягкости, заменить кирпичем”; кроме того, было отмечено, что “все 4 главные устоя потерпели большие повреждения от падения бывших на них частей здания, а потому оные устои с башнями необходимо разобрать до основания, а также и бут под оными, и сделать как устои с башнями, так, равно, и бут вновь”. Подтверждая, в целом, справедливость выводов архитектора К.Н. Еремеева, Я.М. Набалов также выразил готовность “принять на себя, под личное наблюдение, все работы до достройки здания... по проекту Тона”.

В 1857 г. ходатайство Томского городского общества о разрешении достроить кафедральный собор “по плану архитектора Тона, без всяких от него отступлений”, обоснованное официальными заключениями экспертов – архитекторов К.Н. Еремеева и Я.М. Набалова – и направленное в Петербург, наконец, было удовлетворено. Комитет по сооружению храма заключил с Я.М. Набаловым контракт, по которому архитектор, возглавив строительство, обязывался окончить все работы “вчерне” в течение трех лет – 1858, 1859, 1860 гг. В отличие от прежнего строителя храма – архитектора А.П. Деева, Я.М. Набалов охотно взялся за решение финансовых вопросов и составил смету расходов на достройку собора; по его расчетам, завершение предприятия требовало выделения 48000 руб. Подкупленный столь “лестными” условиями, Комитет согласился назначить архитектору “необыкновенно громадное”, по скудости средств своих, жалованье: по 5000 руб. в год, то есть всего за 4,5 месяца ежегодного строительного сезона; при этом Я.М. Набалов должен был получать деньги за каждый месяц вперед.

Под новым руководством работы на строительстве Томского кафедрального собора были возобновлены весной 1858 г. Существует свидетельство, что на протяжении всего сезона они “нисколько не касались достройки храма, а относились” лишь “до очистки мусора и проч.». В действительности, однако, за этот непродолжительный период были проведены весьма крупные подготовительные, а также собственно строительные мероприятия: разобраны башни, устои, подвальный этаж соборного здания; “вынут... бут из-под устоев и рвов внутри храма”; во рвы внутри собора и в основание устоев “положен... новый бут на гидравлическом растворе”. При этом совокупная стоимость работ первого года составила 18835 руб. 58 1/2 коп. Видимо, в связи с подобными непредвиденными расходами начальник строительства пересоставил исходную смету на 48000 руб. (уже без учета затрат на работы, произведенные в 1858 г.) и получил общую потребность еще в 68000 руб.; в целом это дало почти двойное увеличение первоначально рассчитанной Я.М. Набаловым суммы расходов на достройку собора.

Столь существенное изменение финансовых условий предприятия, при заключении контракта заявленных архитектором Я.М. Набаловым, вызвало “ропот в городском обществе”, однако не остановило начатых работ; в 1859 г. они производились уже при действии вновь организованного Строительного комитета, возглавленного Преосвященным Парфением, в то время епископом Томским и Енисейским, – со званием президента, и томским губернатором – генерал-майором А. Озерским – со званием вице-президента. За 1859 – 1860 гг. на сооружение храма было израсходовано еще около 52000 руб.; при этом “кладка не дошла даже до основания трибуны”. Соборная казна была пуста, а начальник строительства в очередной раз изменил строительную смету и, согласно новым расчетам, потребовал от Комитета ассигновать на сооружение храма в 1861 г. вновь – 68000 руб... Позднее выяснилось, что причиной столь безответственного поведения архитектора Я.М. Набалова являлось серьезное

психическое заболевание его, в результате развития которого он “лишен был всякой возможности производить какие бы то ни было работы”.

Болезнь Я.М. Набалова и полное “истощение” материальных средств привели к тому, что с началом сезона 1861 г. работы на строительстве храма не возобновились, и соборное здание, произведенные затраты на сооружение которого в совокупности составили уже 173890 руб. 92 коп., имея “жалкий вид развалин”, оставалось недостроенным на протяжении 24 лет. Со временем “руины его поросли даже лесом”, а храм “продолжал стоять во всей своей неприглядности и жалкой заброшенности”. Почти никто более не помышлял о завершении строительства; даже среди архиереев, которые в течение четверти века сменяли друг друга в качестве местных епархиальных начальников, лишь двое – Преосвященный Алексей и Преосвященный Петр – делали попытки спасти собор; при этом деятельность епископа Алексея ограничилась сбором пожертвований, епископ же Петр “стал приглашать состоятельных лиц к принятию на себя и свои средства” дела достройки храма.

Призывы владыки Петра нашли отклик: некоторые томичи высказывали желание самостоятельно завершить предприятие. Наиболее серьезными оказались намерения купца Евграфа Ивановича Королева, уже имевшего опыт подобной деятельности. Решившись собственными силами достраивать собор, Е.И. Королев прежде всего сформулировал жесткие условия своего участия в деле; он хотел, чтобы: “1. Дозволено было ему производить постройку по собственному усмотрению; 2. Консистория и (губернская) строительная комиссия не имели никакого права и ни под каким предлогом вмешиваться в производство работ; 3. Если по выведении арок окажется, что основание не может выдержать тяжести каменного купола, то дозволить ему сделать деревянный купол; 4. ...он сохранял за собой право во всякое время отказаться от постройки, если почему-либо не пожелает продолжать ее”.

Материальные возможности и организационно-технический опыт купца Е.И. Королева делали его планы вполне осуществимыми. Однако, узнав о них, горожане заговорили: “Он надел на Ярлыкскую церковь деревянный колпак; то же хочет сделать и с таким вековечным зданием, как собор строящийся; только едва ли это ему удастся”.

Вероятно, именно такое недоброжелательное отношение местного общества и явилось причиной того, что 23 мая 1880 г., сославшись на мнение приглашенного из Петербурга архитектора Максимилиана Георгиевича Арнольда, осмотревшего соборную постройку и нашедшего невозможным “возведение каменного купола на существующих стенах”, – Е.И. Королев заявил об отказе завершать сооружение храма.

Идею достройки соборного здания, – как казалось, с течением времени окончательно утратившую поддержку и городской общественности, и местной государственной администрации, – сменили иные взгляды; к примеру, “высказывалась и даже доказывалась мысль о невозможности достройки собора, о необходимости разобрать его до основания, строительный материал продать,

вырученную сумму положить в банк для приращения процентами и затем, когда составится достаточный капитал, приступить к постройке нового собора”.

Между тем 26 августа 1880 г. в Томске состоялась торжественная закладка здания первого в Сибири университета. Намечалось новое, по местным масштабам – грандиозное строительство, однако практически отсутствовал необходимый для этого материал – качественный промышленный кирпич: “его едва хватило на нужды города, и цена его была высока”. При таких обстоятельствах 14 октября 1880 г. на заседании Городской думы был поставлен вопрос о “слодке” недостроенного здания кафедрального собора с целью использования его материала при сооружении университета. Началось обсуждение, но судьба храма была предрешена уже самым намерением устранить всякое препятствие новому городскому строительству. Дума подтвердила, что завершение соборной постройки по проекту архитектора К.А. Тона “представляет так много затруднений и неудобств, не устраняя при этом опасности вторичного падения купола, что этот способ следует во всяком случае отвергнуть”. Отвергнута была также возможность замены на деревянные каменного купола и каменных “колоколен” (звонниц) храма. В итоге представительное собрание одобрило – как “самый целесообразный” – замысел архитектора М.Г. Арнольда, вновь утвержденного руководителя строительства университета, который рекомендовал “разобрать всю старую кладку” собора “до верхнего обруча фундамента” и затем “возвести на старом фундаменте весь собор вновь, по плану, переделанному согласно современным требованиям архитектуры”; впрочем, это предложение было принято в еще более жесткой форме: к сносу “до обреза фундамента” Дума назначила – “как слишком толстые и затемняющие внутренность собора” – все опорные пилоны.

После подобного решения Городской думы из известных в Томске лиц только двое – Е.И. Королев и Д.И. Тецков – сделали попытку отстоять собор; но их доводы признания не получили. Лишь томский городской голова З.М. Цибульский в такой ситуации не считал возможным показать совершенное свое безразличие к судьбе храма: он заявил о переадресовании кафедральному собору ранее пожертвованных им на постройку городского театра (так и не осуществленную) 25000 руб.; передавая эти деньги, З.М. Цибульский добавил к ним еще 25000 руб., с тем, однако, чтобы старое (незавершенное) соборное здание было разобрано, кирпич-таки продан на строительство университета, а храм сооружался в будущем по новому проекту.

И вот тогда, убедившись, что “просвещенное” общество окончательно отвернулось от храма, на защиту его выступила Церковь. Властный голос Церкви подействовал отрезвляюще: утвержденные были планы разрушения со столькими трудами возведенной соборной постройки в пользу новых строительных предприятий – были пересмотрены. Купец Е.И. Королев вновь дал согласие попечительствовать завершению соборного строительства, руководить же технической стороной дела охотно взялся недавний его противник – архитектор М.Г. Арнольд. Несмотря на это, все прочие – и весьма многочисленные

– критики идеи сохранения первоначальной основы соборного здания искали и, как ни странно, нашли поддержку со стороны местной гражданской власти: томский губернатор Мерцалов, в явном стремлении всячески воспрепятствовать возобновлению строительства храма, стал требовать нового его освидетельствования. Едва дело затруднилось, Е.И. Королев вновь пошел напопьятную и отказался от принятых – в очередной раз – обязательств...

Решительным образом положение переменялось лишь в 1883 г., когда: на должность томского губернатора прибыл Иван Иванович Красовский – москвич по рождению, “любитель церковности”; Томскую кафедру занял Преосвященный Владимир, прежде, в должности начальника Алтайской духовной миссии, построивший “более 20-ти храмов Божиих в горах Алтайских и черни Кузнецкой”, – а во главе городского общественного управления встал томский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Петр Васильевич Михайлов, “также преданный всею душою делу построения храмов Божиих и не одну прекрасную церковь соорудивший на свои средства”, а в начале 1880-х гг. построивший каменный трехпрестольный собор в Усть-Каменогорске, стоимость которого исчислялась суммой в 100000 руб.

По прибытии в Томск, уже осенью 1883 г. владыка Владимир, “при полном единомыслии” с городским головою, с энергией приступил к делу достройки кафедрального собора. 28 сентября того же года П.В. Михайлов передал в Городскую думу “заявление о необходимости и возможности реставрации собора”, а также о пожертвовании им для этой цели, “на первый раз”, 1 млн. кирпичей – “с доставкой на место”. Рассмотрев заявление городского головы на заседаниях 29 сентября – 7 октября 1883 г., Дума выразила П.В. Михайлову “за такое крупное пожертвование на великое и богоугодное дело свою благодарность” и, по предложению жертвователя, обратилась с ходатайствами к местной администрации: к губернатору И.И. Красовскому – о разрешении открыть при Городских управе и думе добровольную подписку для сбора недостающих средств и к епископу Владимиру – о благословении и “архипастырском содействии” делу достройки храма. Отклик губернатора, санкционировавшего подписку, последовал немедленно, а Преосвященный Владимир, “призвав Божие благословение на успешное довершение” соборного строительства, 8 декабря того же, 1883 г. уведомил Городскую управу об учреждении им, под личным его председательством, Строительного комитета, который, как и прежде, осуществлял бы общее руководство предприятием. Членами Комитета нового состава Преосвященным были назначены: кафедральный протоиерей Дмитрий Емельянов – как представитель епархиального начальства; городской голова П.В. Михайлов – как представитель городского общества; священники Илья Изосимов и Иоанн Васильков. 12 декабря 1883 г. Городской думой в состав Комитета были делегированы – как “члены от города” – Ф.Х. Пушников и А.П. Карнаков, а 29-го дня того же месяца вновь сформированный орган приступил к работе.

Извещая губернатора И.И. Красовского о своем начинании, владыка Владимир, в сознании необходимости дополнительной технической экспертизы соборной постройки, просил о создании специальной комиссии, которая могла бы решить вопрос о возможности завершения существующего здания храма. Губернатор исполнил просьбу архипастыря, и 12 апреля 1885 г. “полным составом техников Томской Губернской Строительной Комиссии произведен был тщательный и подробный осмотр здания собора”. В протоколе этого обследования о состоянии постройки было сказано, в частности, следующее: “а) 4 средние пилона, составляющие основание всей средней части здания, как по качеству их кладки, так, равно, и по их размерам и способу устройства их фундамента – вполне удовлетворяют своему проектному назначению; б) Кладка наружных стен, за исключением верхних частей, находится вообще в удовлетворительном состоянии; хотя в стенах и обнаружены, местами, трещины, но трещины эти, по характеру своему, не имеют значения в смысле повреждения и не могут влиять на прочность здания при дальнейшей постройке”. Базируясь на таких данных, эксперты пришли к заключению о возможности строительства собора на существующей основе, в соответствии с первоначально утвержденным проектом архитектора К.А. Тона, – при том лишь условии, что “некоторые верхние части” здания будут разобраны и выведены заново.

Окончательно устранив неопределенность, Строительный комитет 25 апреля 1885 г. официально утвердил томского городского архитектора (“классного художника-архитектора”) В.В. Хабарова в качестве “ответственного производителя работ с вознаграждением по 150 руб. в рабочий месяц”, а 2 мая того же года – объявил о возобновлении строительства кафедрального храма.

С середины мая 1885 г., когда разобраны были “своды на хорах и арки”, – “поднятием 4 пилонов... и одновременным возведением арок и парусов, и стен боковых частей, опирающихся на указанные пилоны, а также и боковых частей колоколен” – началась каменная кладка здания собора. Оптимально использовать краткое время строительного сезона на этот раз позволяла энергия, с которой было начато дело, сочетавшаяся с профессионализмом участников строительства. В июне – июле 1885 г. были возведены: 4 главных арки, 4 паруса (люнета), 8 полупарусов, а также 8 малых арок, поддерживающих основания 4 угловых колоколен (по 2 арки в каждой колокольне), – в боковых частях здания. В течение августа прошла кладка оснований трибуны и боковых частей колоколен, и, хотя уже 16 сентября – “за осенним временем” – строительство храма пришлось остановить, за сезон 1885 г. была проведена весьма значительная работа: начавшись на высоте 5 1/2 сажень, каменная кладка поднялась в среднем до высоты 12 сажень (при этом доставку кирпича на рабочие места облегчило устройство двух подъемных машин); возведено было до 87 арок, 4 паруса, 8 полупарусов, 48 перемычек; работа в переходах от вертикальной кладки к сферической требовала от мастеров “чрезвычайной точности, строгого расчета и старательного исполнения”, и все же общее количество “в притеску и в притирку” уложенных кирпичей за сезон составило более 600000

штук. Тогда же было отесано 64 гранитных плиты (7/4) и 180 точильных камней (6/4).

В 1886 г. строительные работы поднялись до высоты 19 сажени и, “при крайне сложном сочетании каменного, кузнечного и плотничного искусства... превзошли своею трудностью и строгостью исполнения работы 1885 года”.

За сезон 1887 г. был полностью выведен в *камне* главный купол храма, имевший в диаметре 19 аршинов, – а уже в следующем, 1888 г. все каменные работы на строительстве были завершены и “здание собора, оконченное вчерне, покрыто... железною кровлею”.

2 июня 1889 г. “всем наличным составом техников Строительного Отделения Общего Губернского Управления” был произведен осмотр и дана оценка “общему состоянию” новопостроенного храма; в акте экспертизы было зафиксировано следующее: “1889 года июня 2 дня, мы, нижеподписавшиеся, прибыв на постройку нового Троицкого кафедрального собора в г. Томске, для ее общего осмотра, и ознакомясь с бывшим ее состоянием в 1885 году по протоколу от 12 апреля того же года... нашли, что все работы были ведены согласно выраженному в том протоколе мнению техников, причем здание оказалось вчерне окончено, за исключением сводов подвального этажа, и покрыто железными кровлями. При тщательном же осмотре отдельных частей его оказалось, что основные пилоны с арками и полупарусами, кольцевое основание трибуны с перемычками, главный купол с полусферическим сводом, боковые своды с арками и полупарусами, алтарный полупарусный свод, своды хор со столбами и арками, своды пола папертей, своды колоколен, все наружные стены с пилястрами, колоннами, карнизами и кокошниками, внутренние стены, а равно все двери, окна и прослухи с их откосами и арками – устроены совершенно правильно и прочно, из материалов надлежащего качества, согласно составленным производителем работ чертежам, причем во всех частях здания неравномерной осадки и трещин не замечено”. Подписи под документом поставили: томский губернский инженер фон Шульман, гражданский инженер Шраер, гражданский инженер Наранович; при составлении акта присутствовал производитель работ – томский городской архитектор В.В. Хабаров.

Немедленно по освидетельствовании здания возобновления активного строительного процесса не последовало: кроме описанного выше события, сезон 1889 г. был отмечен лишь установкой на соборе “вызолоченных гальваническим способом” крестов (стоимостью 13460 руб.), пожертвованных елабужским 1-й гильдии купцом Сергеем Петровичем Петровым. На “западной” стороне главного соборного креста было помещено рельефное изображение распятия Господня, на “восточной” – надпись: “Во славу Святыя Живоначальныя Троицы, Св. Благовернаго Князя Александра Невскаго и Святителя Николая Чудотворца Мирликийскаго. 1889 г.”. Общая высота креста (с пятником) составляла 3 сажени 14 вершков, вес – 62 пуда.

Между тем средства, первоначально собранные на завершение храмо-строительства, были полностью израсходованы, и работы остановились вплоть до 1892 г., когда в распоряжение Строительного комитета, – после разрешения длительного конфликта его с органами местного общественного управления (Городской управой и Городской думой), вызванного как поводом различным толкованием денежного завещания вдовы коммерции советника, бывшего томского городского головы – Феодосии Емельяновны Цибульской, – поступило 30000 руб. из капитала завещательницы. Строительство немедленно возобновилось, и за неполных три сезона (1892, 1893, 1894 гг.) были проведены все наружные и внутренние штукатурные работы.

В 1895 г. здание собора было оснащено новейшими системами водяного отопления и паровой вентиляции; стоимость этого оборудования составила 22456 руб. 98 коп. Тогда же на собор, на две западные угловые башни (“колокольни” – звонницы) было поднято 12 колоколов общим весом 578 пудов 4 1/2 фунта (вес языков – 33 пуда 30 1/2 фунта) и стоимостью 11075 руб. 13 коп. Самый крупный из колоколов – весом 339 пудов 30 фунтов и стоимостью 6115 руб. 50 коп. – был помещен в северо-западной башне храма.

Строительные сезоны 1896, 1897 и 1898 гг. главным образом были заняты работами внутри соборного здания: “производились... орнаментные украшения на стенах и расписывание их священными изображениями”; всего неизвестными мастерами написано было “147 священных изображений, 9 священных картин из новозаветной истории, 5 икон Богоматери, икона Нерукотворенного Спаса и 8 Херувимов”; стоимость отделки, без побочных работ, составила 18600 руб. 40 коп. Кроме того, в 1898 г. в храме были настланы полы из мраморных плит. Снаружи соборной постройки тогда же были сооружены 3 гранитных крыльца и круговые гранитные тротуары.

Установка соборных иконостасов и киотов произошла в следующем, 1899 г.; всего икон и священных изображений алтарные киоты вместили 46, иконостасы – 199, киоты “у западных пилонов” – 32 и на аналоях – 6; при этом “12 месячных святцев, иконы двенадцатых праздников: Воскресения Христова, Сошествия Св. Духа, Покрова Пресвятыя Богородицы и 10 разных образов” были написаны на кипарисных досках; общая стоимость иконостасов и киотов с образами приблизилась к 50000 руб. В том же году соборная постройка была окрашена снаружи “самыми лучшими свинцовыми препаратами, крыши куполов – эмалированной глазурью, крыша здания и водосточные трубы – светло-серым эмалированным графитом”. Оборудование постройки громоотводом “канатной системы” и установка вокруг нее, на заложенном еще в 1893 г. фундаменте, каменной ограды “с железною ажурной работы решеткою” – в 1899 г. заключили все капитальные работы по достройке храма.

“Строго византийский” по архитектурной стилистике, в плане новый собор располагался “квадратом, с четырьмя выступами по сторонам, образующими правильный крест; в одном из выступов – восточном” – был устроен просторный алтарь, в прочих выступах – “крытые притворы” и ведущие на хо-

ры лестницы. Четыре опорных столба внутри храма служили базисом трибуны. Длина постройки, равно как и ширина, исчислялась 20 саженьми, высота (от основания, с главным крестом) – 27 саженьми 2 аршинами 7 вершками. Храм был рассчитан на одновременное присутствие в нем 2400 человек.

В процессе достройки собора возникли планы дополнительно оборудовать здание системой электрического освещения, что позволило бы предохранить “от порчи или потемнения” иконы, иконостасы, утварь, стенную иконопись, – а также “разбить в полукружиях ограды садики, окаймить их железными цепями на каменных тумбах и устроить вокруг ограды тротуары”. Однако все “существенное... по собору” было уже сделано, и “приток доброхотных даяний” в опустевшую казну Строительного комитета прекратился. Эти обстоятельства побудили Комитет обратиться к местному епархиальному начальству с ходатайством об освящении храма.

25 мая 1900 г. Преосвященнейшим Макарием, епископом Томским и Барнаульским, новосозданный главный (кафедральный) собор г. Томска, *“более полувека ожидаемый всеми гражданами”*, был торжественно освящен во имя Пресвятой Троицы и наименован Троицким. По данному поводу член Строительного комитета К. Евтропов размышлял на страницах *“Томских епархиальных ведомостей”*: “Событие это необычайной важности в исторических судьбах г. Томска! Освящена не какая-нибудь приходская церковь или общественное здание, хотя бы и полезное и богоугодное; последнее если и желательно и интересно, то не для многих, кафедральный же собор – дорог всем и каждому; с ним связаны самые высшие, самые жизненные интересы всех православных обитателей города, к какому бы приходскому храму они ни принадлежали. Собор – центр нашей духовной жизни; в нем святительская кафедра архипастыря; из него изливается вседвелеющая благодать Божия не только на граждан, но и на всю местную церковь, управляемую святителем. Вот почему в праздничные дни, в дни двенадесятих праздников и, особенно, в дни важных, торжественных событий православные граждане и по желанию, и по обязанности из всех приходов устремляются в кафедральный собор, чтобы там, во главе с своим архипастырем, едиными устами и единым сердцем принести общую, за всех и вся, соборную молитву”.

III.2. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы (Богородице-Рождественского) в г. Красноярске

Сооружение на территории “старого” (крепостного) центра Красноярска, практически выгоревшего во время разрушительного общегородского пожара, каменной соборной церкви Воскресения Христова относится к 1773 г.

Уездный Красноярск активно развивался, и уже к началу XIX века, в условиях постоянного роста местного “народонаселения”, здание главного го-

родского (Воскресенского) собора оказалось “тесным, особенно при служении зимою, в теплом храме, в великие праздники, когда число богомольцев бывает весьма значительно”. Возникла насущная общественная “потребность в новом, более просторном храме”.

В 30-е гг. XIX столетия в Сибири, на территории Томской и Енисейской губерний началась промышленная разработка месторождений золота, “привлекшая... много капиталов и доставившая многим лицам значительное обогащение”. Красноярск стал центром всех “золотопромышленных дел” в административно подчиненной ему Енисейской губернии, местом регулярных съездов предпринимателей-золотозаводчиков.

“В октябре месяце 1843 года получено было в Красноярске официальное известие о рождении 8 сентября того 1843 года Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича. Бывшие в то время в городе Красноярске золотопромышленники в день отправления по сему случаю молебствия, 10 октября составили приговор, в коем изобразили, что в память счастливейшего события сего и в благодарность Всевышнему за особенное к ним милосердие в здешнем крае, по делам золотопромышленности, дарованной Высочайшею волею Государя Императора, положили они принести дар по влечению сердца каждого, по усердию к делу и от избытков своих, чрез добровольную подписку построить в губернском городе Красноярске, на новой площади, соборный храм, для чего тогда же подписали 96400 рублей, кои вручены одному из главных золотопромышленников, купцу Исидору Григорьевичу Щеголеву, для построения на них соборного храма”.

Красноярский 1-й гильдии купец Сидор Григорьевич Щеголев был избран “строителем” собора, получив в распоряжение единовременно подписанную денежную сумму в размере 96400 руб. серебром и приняв на себя “все обязанности по заготовлению материалов и вещей, на построение [храма] нужных”, а также по найму “рабочих людей и художников”. Сообщая об этом в прошении, поданном 16 октября 1843 г. на имя управляющего Томской епархией епископа Афанасия, С.Г. Щеголев подтверждал свои слова копией “с подписки и постановления золотопромышленников” и ходатайствовал перед владыкою о разрешении “приступить к сочинению плана и фасада” будущего храма, который должен быть наречен “во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, с приделами во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня и Святителя и Чудотворца Николая”.

Прошение С.Г. Щеголева было рассмотрено Томской консисторией и повлекло за собою следующее ее решение: “1. О составлении плана и фасада на Соборную церковь в г. Красноярске сообщить, для объявления купцу Щеголеву, в Красноярскую Градскую Думу с тем, чтобы оный (план и фасад) был составлен, по силе Указа Святейшего Синода от 25 Апреля 1842 года, согласно чертежам Архитектора Тона, Высочайше утвержденным, причем просить его, Щеголева, согласны ли будут жертвователи на предположение его устроить Соборную церковь в г. Красноярске о трех престолах и главный [престол] во

имя Рождества Пресвятыя Богородицы, так как в подписке своей изъявили желание устроить Собор во имя Святителя и Чудотворца Николая без означения приделов; 2. Как на настоящий Воскресенский Собор в г. Красноярске штатного содержания не получается, а из прошения купца Щеголева, равно как и из приложенного при оном в копии акта, составленного и подписанного золотопромышленниками, не видно, какой именно должен быть вновь предполагаемый ими Собор в г. Красноярске, с приходскими ли душами или бесприходный... то предоставить Красноярскому Духовному Правлению по всем таким обстоятельствам истребовать сведения и удостоверения на законном основании и в возможной скорости представить оные в Консисторию...; 3. Сообщить в Енисейское Губернское Правление и просить беззамедлительного уведомления о том, назначено ли по Высочайше утвержденному плану г. Красноярска место для построения на нем вновь Соборной церкви, где именно и нет ли со стороны оного каких препятствий к построению... церкви; и 4. Как о предприятии сем, так и о значительных на совершение оного пожертвованиях, сделанных Коммерции Советником Никитою Мясниковым, Красноярским 1-й гильдии купцом Иваном Кузнецовым, Отставным Поручиком Николаем Малевинским, Губернским Секретарем Виктором Базилевским, Почетным Гражданином и 1-й гильдии купцом Николаем Мясниковым, Казанским купцом Игнатием Рязановым, Коллежским Регистратором Владимиром Драневичем, Губернским Секретарем Лопатиным, Красноярским 2-й гильдии купцом Савелием Беловым, Красноярским купеческим сыном Павлом Шитиловым, Красноярским 1-й гильдии купцом Сидором Щеголевым и Шлиссельбургским 2-й гильдии купцом Титом Зотовым... с приложением в копии акта, составленного означенными лицами, и с приписанием сделанного по оному распоряжения, донести Святейшему Синоду с тем, что по получении плана и фасада и всех требуемых сведений с надлежащим, вследствие того, заключением имеет быть донесено особо”.

“Рапорт” епископа Томского и Енисейского с подробным изложением всех обстоятельств дела по сооружению нового православного собора в Красноярске, поступивший в Святейший Синод 29 ноября 1843 г., был рассмотрен на заседании 3 декабря и “принят к сведению”. Следующим шагом со стороны владыки Афанасия и красноярских предпринимателей должен был стать выбор проекта намеченной постройки.

Еще в 1838 г. “архитектор Его Императорского Величества профессор архитектуры Императорской Академии художеств” Константин Андреевич Тон разработал ряд “нормальных” проектов городских каменных церквей. Проекты, получившие Высочайшее утверждение, были собраны в альбом, а затем в виде копий, по приказанию Государя Императора Николая I, приложены к “циркуляру Главного Управления Путей сообщения” от 24 апреля 1841 г. и разосланы губернским и городским властям по всей Империи. Вслед за этим распоряжение в адрес епархиальных начальников об использовании для возве-

дения городских церквей “образцовых” проектов К.А. Тона было сделано Святейшим Синодом.

К сожалению, опираясь на выявленные в процессе настоящего исследования документальные материалы, нельзя сказать определенно, что же именно послужило причиной отступления от данного установленного порядка в деле сооружения кафедрального собора в г. Красноярске; тем не менее, можно предположить, что какая-то из участвовавших в храмостроительном предприятии сторон, – скорее всего, сообщество жертвователей, – не согласилась строить столь значительный по статусу храм по “типовому” проекту, возможно, не удовлетворившему ее и своим качеством. Так или иначе, для Красноярского собора был разработан индивидуальный проект; автором его стал тот же мастер – петербургский архитектор К.А. Тон, который в 1840-е гг., используя “ряд “авторских” приемов”, активно проектировал конкретные церковные здания – по поступающим в его мастерскую заказам.

8 июня 1844 г. проект соборного храма в г. Красноярске, переданный в Главное управление путей сообщения и публичных зданий “Вильманстрандским купцом Макаровым”, по всеподданнейшему докладу главноуправляющего был представлен на рассмотрение Императору Николаю Павловичу; Государь “соизволил его утвердить”. Спустя два дня извещение об этом (№ 7275 от 10 июня 1844 г.) вместе с материалами Высочайше санкционированного проекта было направлено руководству Святейшего Синода в лице исправляющего должность обер-прокурора действительного статского советника Александра Ивановича Карасевского.

По получении документов А.И. Карасевский внес на рассмотрение возглавляемого им ведомства “предложение” (№ 4802 от 16 июня 1844 г.), касающееся дальнейших мероприятий по сооружению кафедрального собора в Красноярске. В итоге заседаний 21 – 23 июня 1844 г. Святейшим Синодом было постановлено: “Высочайше утвержденные... – проект на построение в г. Красноярске, иждивением тамошних золотопромышленников, новой соборной каменной церкви и план г. Красноярска, показывающий место, предназначенное для такового построения, – препроводить к Преосвященному Епископу Томскому Афанасию с тем, чтобы, по предварительном соглашении с Генерал-Губернатором Восточной Сибири, сделал он, Преосвященный, с своей стороны, все зависящие от него распоряжения к неотложному исполнению означенного предприятия, без малейшего отступления от Высочайше утвержденного проекта, и о последствиях тех распоряжений донес Святейшему Синоду в возможной скорости”. Соответствующий данному решению указ (№ 6588), присовокупленный к материалам проекта, 23 июня 1844 г. был “послан по назначению”.

Предположительно, до конца лета Высочайше утвержденный проект кафедрального собора, вышедший из мастерской архитектора К.А. Тона, поступил в Красноярск, потому как уже в ноябре (29-го дня) 1844 г. в духовном ве-

домстве был заслушан “ответный рапорт” Преосвященного Томского о первых предпринятых им мерах по организации строительства храма.

Следующим, по хронологии, выявленным архивным документом, освещающим историю крупнейшего храмостроительства в г. Красноярске, является “Выписка из журнала Святейшего Синода”, датированная 31 августа 1845 г. В этот день на синодальном заседании было зачитано очередное донесение епископа Афанасия, который 25 мая 1845 г., в результате предварительных сношений своих по делу сооружения храма с генерал-губернатором Восточной Сибири, получил уведомление от управляющего Енисейской губернией; губернатор сообщал владыке, что, во-первых, “об указании избранному от золотопромышленников Енисейской губернии строителю купцу Сидору Щеголеву места, назначенного по Высочайше утвержденному плану г. Красноярска под постройку соборной церкви”, распоряжение было сделано им еще в октябре минувшего, 1844 г.; во-вторых, “для заведывания работами по построению церкви, вследствие ходатайства строителя Щеголева, чрез Генерал-Губернатора Восточной Сибири, Г. Главнуправляющим Путями Сообщения и Публичными Зданиями командирован в г. Красноярск член Иркутской Строительной Комиссии Поручик Ле-Дантю, с тем, чтобы до окончания сих работ освободить его от всех других занятий”; в-третьих, в начале мая текущего, 1845 г. было “освящено место, назначенное под постройку Собора, и производятся приуготовительные для начатия кладки земляные работы”. Донося об этом Святейшему Синоду, владыка Афанасий сообщал также, что минувшим летом, в рамках обзорной поездки по управляемой им епархии, он посетил г. Красноярск и 15 июля “соборне по чиноположению” заложил там новый соборный храм.

Осуществление проекта К.А. Тона, начавшееся летом 1845 г. под руководством военного инженера поручика Ле-Дантю, в последующем продолжалось достаточно успешно и высокими темпами, так как уже несколько лет спустя – к осени 1849 г. – Красноярский собор “был почти окончательно выстроен вместе с колокольнею”. На очереди стояли отделочные работы, но... в 11 часов утра 29 сентября 1849 г. произошла катастрофа: в главном объеме храма от разрушения трех внутренних столбов, поддерживавших купол, “как самый купол, так и находившиеся по сторонам оного три малых башни и часть сводов также обрушились, а четвертая (малая) башня, равно как и одна из стен, наклонившаяся наружу”, угрожали падением. Кроме того, кирпичные стены собора от сотрясения опасно растрескались.

Сообщая обер-прокурору Святейшего Синода, на основании доклада енисейского гражданского губернатора, данные подробности катастрофы, министр внутренних дел граф Лев Александрович Перовский писал также (в “отношении” “О Соборном храме в Красноярске”, № 2982 от 12 ноября 1849 г.), что извещен “Начальником Енисейской Губернии” о сделанном им распоряжении “о производстве исследования для дознания причины сего разрушения”, о чем еще прежде был поставлен в известность Государь Император.

На основании сведений, поступивших от министра внутренних дел, духовное ведомство указом от 16 декабря 1849 г. предписало управляющему Томской епархией (а таковым по-прежнему являлся епископ Афанасий) бдительный контроль за начатым местными гражданскими властями следствием и регулярную отчетность о происходящем перед Святейшим Синодом.

Донесение владыки Томского, датированное 24 февраля 1850 г. и 30 марта того же года заслушанное на синодальном заседании, стало, вероятно, первым откликом на требование духовного ведомства. Епископ Афанасий сообщал в нем, что “состоящий в должности Енисейского Гражданского Губернатора на требование его, Преосвященного, уведомил, что производство следствия по предмету происшедшего разрушения в строящемся в г. Красноярске Соборном храме возложено было им на Енисейского Губернского Казенных дел Стряпчего Надворного Советника Эрна и Губернского Архитектора Титулярного Советника Алфеева, – но оное остается еще неоконченным, а между тем ныне Г. Военный Генерал-Губернатор Восточной Сибири поставил его, Преосвященного, в известность, что для исследования на месте причин разрушения упоминаемого Соборного храма Г-ном Главнoуправляющим Путиами Сообщения и Публичными Зданиями командирован Помощник Начальника 17-го Округа Путей Сообщения – Инженер-Полковник Мальте, – вследствие чего им, Преосвященным, 24-го минувшего Февраля сообщено... Инженер-Полковнику Мальте, чтобы он уведомил его, Преосвященного, о последствиях распоряжений, какие сделаны будут им к расследованию причин падения куполов Красноярской Рождество-Богородицкой церкви”.

Первоначальные действия, предпринятые местными и столичными властями в связи с разрушением строящегося соборного здания в Красноярске, о которых Преосвященным Томским было сообщено Святейшему Синоду, позволяли надеяться на скорое выяснение и устранение причин катастрофы. Однако, судя по отсутствию какого-либо сообщения по этому поводу между томским епархиальным начальством и духовным ведомством в Петербурге, на протяжении всего следующего года намеченное расследование ни по линии губернской гражданской власти, ни по линии Главного управления путей сообщения и публичных зданий практически не велось, потому как лишь весной 1851 г., после получения “предписания Канцелярии Обер-Прокурора Святейшего Синода от 5 числа... месяца Марта за № 1511”, секретарем Томской духовной консистории в Петербург было отправлено донесение (№ 160 от 28 апреля 1851 г.): “...вместо Г. Мальте, как по происходившей по сему переписке открылось, для исследования его (дела о разрушении Красноярского собора) назначен член Общего Присутствия Правления VI Округа Путей Сообщения и Публичных Зданий Полковник Корпуса Инженеров Фок 1-й...”.

Обрушение практически возведенного соборного здания, в которое была вложена вся пожертвованная группой золотопромышленников денежная сумма, несомненно, явилось драмой для всех участников дела построения Красноярского храма, в первую очередь для его инициаторов – предпринимателей во

главе с организатором строительства купцом С.Г. Щеголевым. Серьезность повреждения постройки, а также весьма малая продуктивность расследования его причин, ставившие под сомнение самую возможность возобновления строительства храма на прежней основе, привели к отказу первоначальных жертвователей дополнительно финансировать предприятие.

Исключение составил С.Г. Щеголев. 28 июня 1851 г. он подал прошение на имя енисейского гражданского губернатора “о разрешении начать работу... (Красноярской) церкви, не дожидаясь окончания следствия, проводимого Членом Общего Присутствия VI Округа Путей Сообщения и Публичных Зданий Полковником Фок 1-м”. Намерение С.Г. Щеголева состояло в том, чтобы самостоятельно “сделать то, что предпринималось общими силами золотопромышленников”, а именно: “по прежнему плану и на старом месте” достроить (или же воздвигнуть заново) собор на собственные средства. 3 июля 1851 г. енисейский гражданский губернатор известил об инициативе купца С.Г. Щеголева епископа Афанасия, который, в свою очередь, донес об этом (отношением № 2225 от 16 августа того же года) Святейшему Синоду. В духовном ведомстве сообщение Преосвященного Томского официально было рассмотрено двумя месяцами позднее – на заседаниях 12/20 октября 1851 г.

В связи с тем, что расследование причин обрушения соборной постройки в Красноярске в конце концов полностью перешло в ведение Главного управления путей сообщения и публичных зданий, полномочий на испрошенную купцом С.Г. Щеголевым санкцию местные власти уже не имели. Было ли в такой ситуации содержание ходатайства С.Г. Щеголева доведено до сведения столичного ведомства, остается неизвестным. Во всяком случае, до окончания следствия – на протяжении всего 1852 и в первой половине 1853 г. – строительство Красноярского собора не возобновилось.

20 июля 1853 г., по итогам длительной работы экспертов, из Департамента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий – от имени вице-директора Департамента – в Канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода было направлено сообщение (№ 8454), в котором говорилось, что “главные причины разрушения храма, после повреждения одного бывшим в городе Красноярске землетрясением, могли произойти от дурного качества кирпича”, в связи с чем “признано необходимым, чтобы все уцелевшие части храма вместе с фундаментом были разобраны и чтобы храм был построен по вновь составленному Департаментом Проектов и Смет проекту, во всем согласованному с Высочайше утвержденным в 1844 году проектом... с тою только разницею, что по новому проекту стенам церкви даны размеры сообразно с свойством и сопротивлением местных материалов”.

В документе сообщалось также, что новый, заменительный, проект Красноярского собора, разработанный в Департаменте проектов и смет, был выдан “купцу Щеголеву, изъявившему желание возобновить на свой счет этот храм, но он (Щеголев) впоследствии обратился к Его Сиятельству Г. Главноуправляющему... с прошением, в котором ходатайствовал о разреше-

нии ему строить храм по Высочайше утвержденному в 1844 году проекту, на прежнем фундаменте, если таковой, по тщательному освидетельствованию Архитектором, который им избран будет для производства работ, вместе с членами местной Строительной Комиссии, окажется прочным”... Удовлетворя ходатайство С.Г. Щеголева, главноуправляющий (как далее значилось в документе) поставил в известность о содержании его генерал-губернатора Восточной Сибири и препроводил к нему просимый купцом С.Г. Щеголевым Высочайше утвержденный в 1844 г. проект Красноярского собора (ранее частично реализованный в поврежденной постройке), – высказываясь при этом о необходимости “приказать местной Строительной Комиссии вместе с Архитектором, который будет избран купцом Щеголевым для возобновления храма, освидетельствовать со всею подробностью и во всех отношениях как уцелевший фундамент помянутого храма, так и те материалы, которые будут заготовлены Щеголевым для продолжения работ, и если при этом окажется, что фундамент во всех частях совершенно благонадежен и может выдержать тяжесть здания, а заготовленные материалы имеют качества, которые могут выдержать требуемое в подобных сооружениях сопротивление, то дозволить Щеголеву построить церковь на уцелевшем фундаменте, по означенному Высочайше утвержденному проекту. Если же ни фундамент, ни материалы не будут иметь... необходимых... качеств, в таком случае приказать обязать купца Щеголева уцелевший фундамент разобрать непременно до основания и церковь возвести по составленному в Главном Управлении проекту, который выдан уже Щеголеву”.

В поисках специалиста-архитектора для возобновления строительства собора С.Г. Щеголев обратился за советом к самому автору первоначального проекта храма – профессору К.А. Тону. К.А. Тон рекомендовал в качестве подобного рода профессионала архитектора Я.М. Набалова, который в то время (начиная с 1844 г.) находился в г. Гатчине, участвуя в реконструкции “некоторых зданий в тамошнем Императорском дворце, перестройке каменной террасы с плацом перед дворцом... сооружении каменного собора и монумента Императору Павлу I”. Архитектор Я.М. Набалов принял предложение С.Г. Щеголева и перевелся в Красноярск на должность руководителя строительства соборного храма.

Освидетельствование сохранившейся части прежде возведенного здания Красноярского собора, в скором времени по вступлении в новую должность предпринятое Я.М. Набаловым совместно с членами Енисейской губернской строительной комиссии, выявило техническую пригодность существующей архитектурной основы для достройки храма.

Несмотря на отсутствие в выявленных документальных материалах сведений о конкретной дате возобновления работ по строительству собора в Красноярске, с большой долей определенности можно сказать, что начало таковых относится к весне – лету 1854 г. В сентябре 1856 г. основной объем храма и колокольня были уже полностью возведены. К сезону 1857 г. относит-

ся производство наружных и внутренних отделочных работ; при крайнем недостатке документальных сведений о завершающем этапе храмостроительства косвенно, но достаточно подтверждает этот факт то обстоятельство, что осенью 1857 г. единоличный попечитель предприятия купец С.Г. Щеголев подал в Святейший Синод, на имя обер-прокурора графа Александра Петровича Толстого, “прошение о дозволении ему (купцу С.Г. Щеголеву) устроить иконостас, по представленному проекту, в нововыстроенном им Соборном храме в городе Красноярске”.

Прошение С.Г. Щеголева и приложенный к нему проект соборного иконостаса по докладу графа А.П. Толстого были рассмотрены на заседаниях духовного ведомства 20/23 января 1858 г.; вынесенное в итоге постановление говорило: “Одобрив представленный Потомственным Почетным Гражданином, 1-й гильдии купцом Сидором Щеголевым проект иконостаса для вновь выстроенного им Красноярского собора, на двух отдельных листах, возвратить оный ему, Щеголеву, или доверенному от него Царскосельскому купцу Петру Щурову, с распискою, для представления этого проекта Томскому Епархиальному Начальству, которому вместе с сим предписать сделать зависящие распоряжения к... исполнению того проекта, с донесением о последующем Святейшему Синоду”.

В данном случае закономерно возникает вопрос об авторе вышеупомянутого проекта. К сожалению, ни самого проекта соборного иконостаса, ни каких-либо дополнительных сведений о нем в процессе исследовательской работы выявить не удалось. Анализ очевидного сходства фактов участия в передаче в центральные правительственные учреждения двух проектов – собственно Красноярского собора (разработанного в Петербурге; в 1844 г.) и соборного иконостаса (в 1858 г.) – посредников (доверенных лиц купца С.Г. Щеголева) из числа предпринимателей, приписанных к столичной области и, вероятно, там же проживавших (в первом случае – вильманstrandского купца Макарова, во втором – царскосельского купца Щурова), – позволяет предположить, что составителем проекта иконостаса для Красноярского собора был сам архитектор К.А. Тон. Сомнение в этом, однако, может вызвать уже то обстоятельство, что столь громкое имя отсутствует в цитированном выше документе. Таким образом, появляются основания отдать авторство по данной (сопутствующей основному проекту) разработке последнему руководителю строительства храма – архитектору Я.М. Набалову.

Во исполнение постановления Святейшего Синода, в соответствии с намерением С.Г. Щеголева, иконостас для Красноярского собора был изготовлен (“устроен”), и еще до освящения храма – в конце 1858 г. – его украсила главная соборная икона – икона Рождества Пресвятой Богородицы, переданная купцу С.Г. Щеголеву от имени Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича, с известием о рождении Которого 8 сентября 1843 г. было связано решение об организации сбора средств на постройку нового соборного храма в г. Красноярске. Икона была размещена на правой стороне иконо-

стаса, “подле южных диаконских врат”. Помимо этого, накануне освящения собора – 4 сентября 1861 г. – С.Г. Щеголев получил письмо с сообщением о том, что супруга Императора Александра II – Императрица Мария Александровна, “вполне оценивая усердие и пожертвования” предпринимателя на “богоугодное дело” церковного строительства, соизволила объявить ему личную признательность и пожаловала Красноярскому собору “полную” ризницу. Этот дар Августейшей Особы 15 октября 1861 г. был внесен в уже действующий храм и торжественно освящен.

Строительство столь масштабного сооружения, как Красноярский собор, потребовало участия в нем большого числа различного рода профессионалов. При этом исключительная ответственность попечителя и организатора строительства храма – купца С.Г. Щеголева, несомненно, определила привлечение к делу лучших строительных кадров. Подобные обстоятельства, а также высокое качество самой постройки дают возможность предположить, что в длительном процессе создания Красноярского собора, – подобно тому, как это было при сооружении других крупнейших православных храмов Сибири, – принимали участие большие по численности артели высококлассных специалистов (каменщиков, плотников, штукатуров-маляров, кровельщиков, резчиков, художников и пр.), приглашенных в Красноярск из различных местностей Российской Империи. Остается сожалеть, что те документальные материалы, которые были выявлены в результате целенаправленных архивных изысканий, не содержат подробных сведений о составе участников храмостроительства, их имен и фамилий...

Оконченный постройкой Красноярский собор был пятиглавым и состоял из двух соединенных друг с другом объемов: храма и колокольни. Общая (с колокольней) длина собора составляла 26 сажений, в интерьере – “от западных дверей до горнего места” – 22 сажени; ширина – 11 сажений 2 аршина с четвертью; высота в интерьере основного объема – “от полу до верхнего главного купола” – около 19 сажений. Храм был “светел, просторен”, а в зимнее время, – благодаря совершенной отопительной системе, состоявшей из четырех пневматических печей, – “тепел и сух”. “Верхи” (главки) шатровых крыш и кресты собора и колокольни были покрыты позолотой (“вызолочены чрез огонь червонным золотом”). Совокупный вес соборных колоколов исчислялся 958 пудами. Помимо дарованной Государыней Императрицею ризницы, храм был снабжен богатой утварью: 4 (по числу престолов) серебряными дарохранительницами, из которых большая, приобретенная за 1480 руб., весила 25 фунтов 15 золотников; 4 переменами сосудов; 5 большими Евангелиями, обложенными серебром; 6 напрестольными крестами, а также “сребропозлащенными” ризами на 7 больших иконах. Сама же “царская” ризница состояла из 18 перемен облачений архиерейских, 91 ризы священнической (из парчи, глазета, бархата и шелка), 46 диаконских стихарей. Много позднее, в конце 1883 г., от неизвестного жертвователя была получена “металлическая,

отлично посеребренная, с позолоченными литыми изображениями, одежда на главный престол храма”.

Хлопоты по подготовке к торжеству освящения новопостроенного собора вновь взял на себя С.Г. Щеголев. По его просьбе, в первых числах сентября 1861 г. в Красноярск прибыл Преосвященнейший Порфирий, бывший епископ Томский и Енисейский. 7 сентября 1861 г. “при многочисленном стечении народа” владыкою Порфирием был освящен во имя Рождества Пресвятой Богородицы “главный храм” (придел); 10 сентября – во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – придел “на правой, южной, стороне” собора; 21 сентября – во имя Святителя и Чудотворца Николая – придел “на левой, северной, стороне” и 22 сентября – во имя Святых Мучеников Исидора и Татианы – придел, “устроенный внизу, на юго-западной стороне” собора. Сам собор, который поначалу предполагалось назвать Свято-Николаевским (Никольским), при освящении был наречен Богородице-Рождественским (Рождество-Богородицким) – по наименованию главного его придела; как известно, *русская православная традиция предписывала крупные – соборные – храмы посвящать главнейшим фигурам или событиям Христианской истории.*

За несколько месяцев до освящения – 25 мая 1861 г. – “по докладу Святейшего Синода” новый соборный храм г. Красноярска был назначен кафедральным собором Енисейской епархии (бесприходным, с причислением к нему кладбищенской Свято-Троицкой церкви) со следующим штатом священно- и церковнослужителей: 1 протоиерей, 1 ключарь, 2 священника, 1 протодиакон, 2 диакона, 2 иподиакона, 2 псаломщика. На содержание причта в 1861 г., при учреждении Енисейской епархии, было выделено 1572 руб. 45 коп.; в 1868 г. эта сумма возросла более, чем вдвое, – до 3200 руб. и распределилась в следующем порядке: 350 руб. ежегодно расходовалось на ремонт соборного здания и ризницы (облачений), остальная часть – на жалованье причту: кафедральному протоиерею в год выплачивалось 400 руб., ключарю – 300 руб., священникам и протодиакону – по 250 руб., диаконам и иподиаконам – по 180 руб., псаломщикам – по 140 руб. Кроме того, соборный причт пользовался процентами с капитала, внесенного в казну храма купцом С.Г. Щеголевым и супругою его Татьяной Ивановной, за ежевоскресное, после вечерни, чтение в соборе акафиста Иисусу Сладчайшему или Божией Матери, а также за поминовение умерших их, супругов Щеголевых, родственников. На проценты с дополнительно пожертвованных Щеголевыми 4000 руб. должен был производиться наем певчих.

Делая, таким образом, все новые и новые взносы в соборную казну, С.Г. Щеголев объявил “духовному начальству”, что сооружение храма, устройство в нем иконостаса, обеспечение его необходимой утварью (в том числе ризницей, которая была пожалована им собору помимо дарованной Императрицею), а также изготовление и установка колоколов – обошлись ему, купцу С.Г. Щеголеву, в сумму 560000 руб. Столь крупное денежное пожертвование и многолетний упорный и тяжелый труд строителя Красноярского кафедрально-

го собора не могли не быть вознаграждены верховной государственной властью: С.Г. Щеголев удостоился пожалования Императорским орденом Святой Анны II степени (шейный знак) “с Императорскою короною” и правами потомственного дворянства.

Спустя несколько лет – 3 декабря 1866 г. – Сидор Григорьевич Щеголев скончался. Местом упокоения праха его стал нижний храм Богородице-Рождественского кафедрального собора; впоследствии там были похоронены его супруга Татьяна Ивановна (умершая 15 марта 1879 г.) и двое сыновей – Иван и Дмитрий. Другие сыновья Щеголевых: Александр, Григорий и Иннокентий, позднее “оставив Красноярск, не оставили своим вниманием соборного храма”. Перед отъездом из Сибири они передали “капитал в 4500 рублей на окраску или облицовку под мрамор внутренних стен собора”, а “младший из них” (Иннокентий) “вызвался доставить... полную парчовую глазетовую ризницу для Преосвященного и всех прочих сослужащих членов соборного причта”.

III.3. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Казанской Иконы Божией Матери (Казанского) в г. Иркутске

Строительство на посаде Иркутской крепости деревянного соборного храма во имя Богоявления Господня, второго в городе по времени основания (после Спасской церкви), – впоследствии, с образованием Иркутской епархии, приобретшего статус кафедрального, – датируется 1693 г. Деревянное здание Богоявленского собора сгорело в общегородском пожаре Иркутска 3 августа 1716 г., после чего на прежнем месте за период с 1718 по 1724 г. храм был воссоздан в камне.

История сооружения спустя почти полтора столетия в центре г. Иркутска здания нового кафедрального собора открывается в материалах архивных фондов письмом иркутского почетного гражданина, впоследствии статского советника, Ефима (Евфимия) Андреевича Кузнецова к Высокопреосвященному Нилу, архиепископу Иркутскому и Нерчинскому, датированным 11 августа 1849 г.:

“Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Отец и Архипастырь!

Известно Вашему Высокопреосвященству, как мало Иркутский Кафедральный Собор соответствует вместимостью своею населению города и сколь многие испытываются неудобства при Богослужениях во дни великих праздников. Посему иметь Соборную Церковь обширнейшую и благолепнейшую – есть общее здешних горожан желание.

Всеблагий Бог благословил меня в житии моем, ущедрил дарами благодати Своей, удивил на мне милости Свои. Это одно уже заставляет меня споспешествовать осуществлению желанного всеми сооружения...

Преисполненный сими чувствами, обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству с покорнейшею просьбою. Примите в распоряжение свое для издержек на построение Собора представляемый при сем капитал в трех билетах Государственного Коммерческого Банка от 16 Февраля и 22 Марта текущего 1849 года за №№ 2515 и 4626 и 4627. Всего на сумму: двести пятьдесят тысяч рублей серебром...

...в том лишь заключается все желание мое:

1. Чтоб Собор построен был с возможным великолепием на приличнейшем... месте, во имя Святителя Николая, с приделами Евфимия Новгородского и Мученицы Евфимии.

2. Чтоб дело построения ведено было Комитетом, составленным... из лиц духовных и светских. В нем в качестве члена и я не отрицаюсь участвовать и разделять наравне с другими труд и тяготу забот.

3. Чтоб Комитет сей вел дела свои... не стесняясь никакими положениями и формами, для сумм казенных существующими, или могущими впредь быть...

4. Наконец, приступая к великому и коштвному сооружению, нельзя не иметь в виду средств, потребных на его поддержание и упрочение вековечного существования: то желательно, чтоб годовые расходы на постройку, за исключением разве первого года... не превышали собою количества процентов на жертвуемый капитал, составляющих десять тысяч рублей серебром...”

Как видно из содержания данного письма, выступив с идеей сооружения в г. Иркутске нового кафедрального собора, предприниматель Е.А. Кузнецов стремился исключительно собственными средствами обеспечить финансирование предприятия. Это становится тем более очевидным, что окончательный вклад жертвователя в дело храмостроительства оказался еще крупнее, составив сумму в 285000 руб. серебром.

Ознакомившись с намерением Е.А. Кузнецова, архиепископ Нил донесением № 270 от 25 января 1850 г. сообщил о нем Святейшему Синоду, подробно изложив при этом все поставленные жертвователем условия. Подтверждая, со своей стороны, необходимость осуществления подобного строительства, владыка напомнил о давности сооружения действующего в Иркутске кафедрального собора, которое “производилось [не] единовременно и без внимания к единству стиля и к правильности расположения. Недостатки сии – не говоря уже о тесноте – делают его (храм) одною из наименее благовидных в городе церквей. А посему устройство нового Собора будет истинным благодеянием”.

Ко времени обращения своего в Святейший Синод архиепископ Нил уже имел возможность рассмотреть ряд предложений (вероятно, на уровне эскизных проектов или набросков) по планировке и архитектурно-художественному облику предполагаемого храма, в связи с чем он писал: “Выбор для будущего Собора плана и фасада составляет важнейшую задачу. Из всех чертежей, какие получены были от разных лиц, лучшим кажется и строителю (Е.А. Кузнецову. – А. Т.), и мне составленный архитектором Видбергом для Вятки и уже осуществленный там в здании Александро-Невского Собора по Высочайшему на то

соизволению. Впрочем, для окончательного решения вопроса потребны обстоятельные сведения о достоинствах этого здания. Сим озабочиваюсь я и впоследствии буду иметь счастье представить избранный план и фасад на благоусмотрение Святейшего Синода...”.

Вслед за духовным ведомством “о пожертвовании и преднамерении” Е.А. Кузнецова была поставлена в известность местная верховная администрация в лице генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (впоследствии – графа Н.Н. Муравьева-Амурского); в письме к нему, датированном 11 марта 1852 г., владыка Иркутский просил также об уступке под здание нового кафедрального собора “неогороженного и приходящего с года на год в большее запустение места, составляющего часть городского сада, близ Спасской церкви, и ныне потерявшего, как кажется, свое значение”. В качестве обоснования подобного выбора архиепископ Нил привел следующие доводы: 1) Указанное место как центральное в общегородском масштабе должно быть занято таким “первым и важным зданием города”, как кафедральный собор; 2) Близость места к существующему кафедральному храму и дому архиерея “позволяет удержать единство в соборной хозяйственности и в присмотре за зданиями”; 3) Размещение нового собора вблизи реки Ангары приведет “к сокращению издержек, сопряженных с крестным хождением на воду”.

Генерал-губернатор, рассмотрев ходатайство, согласился во мнении с архипастырем и в ответном послании (№ 730 от 18 апреля 1852 г.) уведомил его о своем “предложении” иркутскому “военному” губернатору распорядиться насчет отвода под постройку храма просимого Владыкой участка городской территории.

Исполняя данное поручение, губернатор К.К. Венцель вошел в сношение с Иркутской городской думой, после чего в мае 1852 г. специально созданной комиссией в составе военного инженера штабс-капитана Шаца и думского депутата кафедрального протоиерея Фортуната Петухова для нового собора было отведено место “за оградой Спасской церкви, до берега, смежное с соборной площадью”. Копия плана, снятого с избранного участка иркутским губернским землемером, при “отношении” № 2234 от 30 мая 1852 г. была представлена губернатором К.К. Венцелем архиепископу Нилу.

Между тем, обстоятельства, складывавшиеся вокруг намеченного дела, перестали ему благоприятствовать. В 1851 г. скончался инициатор и попечитель храмостроительства Е.А. Кузнецов, а в 1854 г. с Иркутской на Ярославскую кафедру был переведен владыка Нил. В итоге столь успешно начавшее осуществляться предприятие остановилось, – как выяснилось, более, чем на 4 года.

В конце 1860 г., после двоих последовательно возглавлявших епархиальное управление архипастырей, на Иркутскую кафедру прибыл архиепископ Парфений, воспринявший насущность проблемы строительства в центре епархии нового кафедрального храма.

Вновь был поднят вопрос о месте строительства собора. Появившиеся варианты стали обсуждаться в местной печати; храм предлагалось расположить: на месте Спасской церкви; на месте существующего кафедрального (Богоявленского) собора. Кроме того, рассматривалась возможность, “не касаясь ни Спасской, ни Богоявленской церквей и не рассчитывая на Арсенальскую площадь, занятую... базаром, построить новый собор на углу улиц Большой и Амурской, на месте дома, принадлежавшего Ширяеву и теперь занимаемого женскою гимназию”. Предлагалось, “скупив дома по соседству... поставить храм в некотором углублении и выровнять с улицами чугунной решеткой”. Преимуществами данного участка назывались отдаленность его от окружающих церквей и, вместе с тем, расположение в границах городского центра. Итогом дискуссии в апреле 1866 г. явилось “общее мнение почетнейших граждан, техников, Г. Начальника Губернии Н.К. Эрн[а] и Г. Генерал-Губернатора Восточной Сибири Михаила Семеновича Корсакова”, а также самого Высокопреосвященного Парфения; было решено строить новый собор на территории Таможенной площади, освобожденной от всех зданий, кроме здания Спасской церкви, – то есть на прежде утвержденном месте. Несколько позднее высокая комиссия назначила постройку храма не в центре Таможенной площади, между корпусом гостиного двора и “лицом” Спасской церкви, а в середине перпендикуляра, проходящего от гостиного двора к берегу р. Ангары, – так, чтобы “к Гостиному двору осталось свободного пространства 65 погонных сажений, а к берегу Ангары 75 погонных сажений”, тогда как в ширину площади (118 погонных сажений), по сторонам соборного объема, свободного пространства сохранилось бы 45 и 48 погонных сажений.

Для расчистки строительной территории требовалось выкупить каменное здание таможи и Приказа общественного призрения и деревянный дом Благородного собрания. Первоначально стоимость перечисленных строений определялась в размере 80000 руб., однако в 1872 г. выкупная сумма оказалась почти вдвое меньшей, составив 46000 руб.

Постепенное освобождение Таможенной площади, завершившееся сносом “по ветхости” корпуса гостиного двора, образовало вокруг места предполагаемого здания кафедрального собора две площади: на юг – от него до Тихвинской церкви и на север – от него до берега р. Ангары. “На соборной площади или вблизи ее находились: Императорская классическая гимназия, Техническое училище, Горное училище, мужское Духовное училище, женская гимназия, женская прогимназия”.

Весной 1866 г. архиепископ Парфений, проведя консультации со специалистами, утвердился во мнении, что сооружение Иркутского собора по проекту архитектора А.Л. Витберга, осуществленному в Свято-Александро-Невском кафедральном храме г. Вятки (1864 г.), против прежнего решения, нежелательно. Главная причина состояла в том, что опасение, возникшее в процессе строительства Вятского собора, относительно возможности обрушения колоссального (18 м в диаметре) главного купола храма (тем не менее сооруженного

в соответствии с первоначальным авторским замыслом), – в сейсмически неблагоприятном Иркутске имело бы много большие основания.

Вследствие подобного вывода, а также имея в виду значительное увеличение капитала, в свое время пожертвованного на храмостроительство предпринимателем Е.А. Кузнецовым, – а к 1866 г. эти средства превысили сумму в *466000 руб. серебром*, – Высокопреосвященный Парфений тогда же распорядился составить новый, “сообразный с местными условиями” проект “на построение Собора и отдельной колокольни”. Исполнение профессиональной задачи было возложено на Владислава Андреевича Кудельского – архитектора Ведомства путей сообщения при иркутском генерал-губернаторе и Главном управлении Восточной Сибири.

В крайне сжатые сроки – к октябрю 1866 г. – В.А. Кудельский составил требуемый проект, а также смету к нему – без учета расходов на внутреннюю отделку собора и колокольни и на сооружение соборного иконостаса. Проект был изучен лично генерал-губернатором Восточной Сибири М.С. Корсаковым, а также другими лицами, “известными в Иркутске специальным знанием строительного дела, и заслужил общее одобрение”.

19 октября 1866 г., направляя труд архитектора В.А. Кудельского в Святейший Синод, владыка Парфений сопроводил его просьбою благословить сооружение в Иркутске нового кафедрального собора с колокольней по представляемому проекту – во имя Богоявления Господня, при посвящении одного из двух приделов храма Святителю и Чудотворцу Николаю, а другого – Святителю Новгородскому Евфимию и Мученице Евфимии. Подобное изменение наименования, соответствовавшего желанию покойного попечителя (Е.А. Кузнецова), было, по мнению архиепископа, допустимо “по тому уважению, что *Кафедральному Собору считается приличнее быть во имя одного из важнейших событий в жизни Спасителя* (выделено мною. – А. Т.)”, а, “между тем, желание жертвователя выполнится в устройении приделов”. В дополнение к сказанному Высокопреосвященный Иркутский изложил собственные “соображения” по финансовой и архитектурно-планировочной сторонам предприятия; суть их заключалась в следующем: “1. Так как постройка будет вестись по местным обстоятельствам не менее 10 лет, то [процент] капитала еще возрастет и собор будет поддерживаться деньгами; 2. Обмер места, отведенного под собор, показал, что он (новый храм) будет стеснен или Спасскою церковью, или старым собором. Поэтому нужно новое место. Но места не нашли в городе. Предложили построить на месте Спасского Собора, потому что он “по виду не красив” и в бывшее землетрясение потерпел значительные повреждения. Но Городская дума пожелала сохранить Спасскую церковь как первую по времени в Иркутске.

При таких обстоятельствах найдено необходимым, для устранения стеснительности... разобрать старый Собор с 2 колокольнями и отделить от архиерейского дома часть двора и сада, не менее 10 сажен. Разобрание старого Собора даже необходимо, как по неблаговидности его, обезображенного разно-

временными пристройками, и по неблагонадежной прочности вследствие землетрясений, так и потому, что, кроме Спасской церкви, вблизи Собора находятся другие церкви; вследствие такого сосредоточения церквей, старый Собор, по построению нового, должен оставаться совершенно пустым”.

Материалы, представленные владыкой Парфением, находились в Святейшем Синоде до 7 января следующего, 1867 г., когда из этого ведомства за подписью исправляющего дела товарища обер-прокурора Святейшего Синода Ю. Толстого на имя министра путей сообщения ушло официальное письмо: “Согласно определению Святейшего Синода, имею честь препроводить к Вашему Превосходительству, для рассмотрения в Министерстве Путей Сообщения, два проекта и две сметы на постройку нового Кафедрального Собора в г. Иркутске и при нем колокольни”.

В Департаменте водяных сообщений Министерства путей сообщения проект архитектора В.А. Кудельского был исследован и, “по неблаговидности чертежа”, без предварительного согласования с духовным ведомством, иркутскими властями и самим автором – “пересоставлен” – “с улучшением декоративных частей”. По решению государственной экспертизы, изменению подлежала и приложенная к проекту смета, предполагавшая следующие расходы: 219039 руб. 25 коп. – на сооружение собственно собора; 59237 руб. 88 коп. – на сооружение колокольни; всего – 278277 руб. 13 коп.

Обновленный проект “каменной трехпрядельной с колокольнею Церкви в городе Иркутске” получил санкцию министра путей сообщения в феврале 1867 г., а 22-го дня того же месяца по всеподданнейшему докладу был представлен министром на Высочайшее рассмотрение. Днем позднее Государь Император Александр II утвердил проект, сделав по нему лишь незначительные замечания, а именно – пожелав изменения “капителей в главном куполе и колокольне в одном характере с малыми куполами”.

10 марта 1867 г. утвержденный проект был направлен товарищем министра путей сообщения генерал-лейтенантом Герстфельдтом в Святейший Синод, откуда 28 апреля того же года было решено препроводить документы в Иркутск, к архиепископу Парфению, дабы тот сделал “зависящее распоряжение” о корректировке первоначальных проектных смет согласно “Урочному Положению и заменительному проекту”. По получении материалов Высокопреосвященный Иркутский наложил на них следующую резолюцию: “Высочайше утвержденный проект для построения в г. Иркутске нового Кафедрального Собора препроводить для хранения и руководства при постройке Настоятелю Собора с братиею, с тем, чтобы они отнесли к Г. Архитектору Кудельскому о пересоставлении сметы согласно указанию Святейшего Синода и представили мне для дальнейшего распоряжения. 16 июня 1867 года”.

Руководство к сооружению нового кафедрального храма Иркутска в виде официально утвержденного проекта было получено, однако затянувшийся процесс освобождения от застройки намеченного места расположения собора задержал начало строительства на 8 лет. За этот период капитальному ремонту

и “исправлению” подверглось здание действующего кафедрального (Богоявленского) собора, в котором экспертиза иркутского губернского архитектора А.Е. Разгильдеева и Ведомства путей сообщения архитектора Э.Я. Гофмана, проведенная 8 мая 1867 г., выявила серьезные повреждения от землетрясения 31 декабря 1861 г. Архитектор В.А. Кудельский выполнил проект реконструкции храма, который 27 июля 1870 г., по окончании строительных работ, был торжественно освящен.

О начале строительства здания нового кафедрального собора общественность г. Иркутска была извещена заблаговременно. Церемония закладки храма состоялась 17 апреля 1875 г.

Открывшись, строительные работы продолжались без перерыва до поздней осени 1875 г., однако к этому времени темп их замедлился. Причиной задержки явилась неудовлетворенность нового главы Иркутской епархии – епископа Вениамина – имеющимся проектом храма. Изучив утвержденный вариант, Преосвященный нашел, что: “1. Главный алтарь, при ширине около 6 сажен, имеет всего длину около 3 сажен. Длина его нужна была не менее 5 сажен. 2. При одинаковой ширине и длине Собора, с постройкой алтаря и предалтарных солей пространство храма будет более широким, нежели глубоким, и большинство будет молиться не в виду алтаря. 3. Наконец, площадь, отведенная городом для построения Собора, имеет всего в ширину и длину около 100 сажен, тогда, когда для надлежащего перспективного вида Собора площадь эта, соответственно высоте Собора, должна быть около 200 сажен в поперечнике. От этого главный купол Собора будет снизу заслонен для зрителя выступающими частями [здания] и не будет производить того впечатления, какое он производит на рисунке”.

Все эти замечания требовали общей переработки существующего проекта, однако владыка Вениамин, не желая изменять “Высочайше утвержденного плана”, предложил: с восточной стороны к главному алтарю храма сделать пристройку, “соответствующую папертям с трех остальных сторон, открытую внутрь алтаря и закрытую снаружи”; не возводить хоров над западными дверями (пристройка и хоры сооружены в 1886 г. под руководством инженера-архитектора барона Г.В. Розена); “не видный” цоколь здания собора поднять “сажени на полторы”.

Исправление проекта 1867 г. было поручено инженеру Строительного отделения Главного управления Восточной Сибири капитану М.Н. Огонь-Догановскому. Уже 10 ноября 1876 г. новый проектный вариант, получивший одобрение по месту службы автора, был направлен в Святейший Синод, откуда 4 августа 1877 г., при “отношении” товарища обер-прокурора Синода Ю. Толстого, препровожден в Министерство путей сообщения – “для рассмотрения и испрошения на оный Высочайшего утверждения”.

Техническо-инспекторский комитет шоссейных и водяных сообщений Министерства путей сообщения, рассмотрев представленный проект, в июне 1878 г. (при сопроводительном письме № 583) возвратил его чертежи епископу

Иркутскому “с тем, чтобы составлен был полный заменительный [проект], необходимый для представления на Высочайшее утверждение... с планами, разрезами и фасадом как самого собора, так и колокольни, с генеральным планом местности, а также с приложением сведений о числе прихожан, для которых предназначается собор, и о стоимости предполагаемого сооружения”.

Епископ Вениамин, во исполнение требования представляя в 1881 г. в Святейший Синод вновь переработанный и дополненный (очевидно, также инженером М.Н. Огонь-Догановским) проект Иркутского кафедрального собора, ссылаясь на оценку анонимного местного “техника-строителя”, сообщал об увеличении – вместе с общим (“на все предметы”) ростом цен – совокупной стоимости храмостроительства до *550000 руб.*, а также о том, что “число молящихся в этом соборе в праздники может доходить до *5 тысяч душ* (выделено мною. – *А. Т.*)”.

Обер-прокурор Святейшего Синода (с 24 апреля 1880 г. по 19 октября 1905 г.) Константин Петрович Победоносцев, вновь направляя “пересоставленный”, “на 11 листах” проект Иркутского кафедрального собора в Министерство путей сообщения, в письме № 13066 от 6 ноября 1881 г. привел данные, полученные от Преосвященного Вениамина, и просил министра “сделать распоряжение о рассмотрении одного (проекта)... и о последующем” его, К.П. Победоносцева, “почтить уведомлением”.

18 января 1882 г. министр путей сообщения генерал-адъютант (адмирал) К.Н. Посьет писал обер-прокурору Святейшего Синода: “Вследствие отзыва от 6 ноября 1881 года... имею честь просить Ваше Превосходительство приказать препроводить в Техническо-Инспекторский Комитет шоссейных и водяных сообщений вверенного мне Министерства проект на постройку Кафедрального собора в г. Иркутске, составленный в бывшем Департаменте водяных сообщений и уже Высочайше утвержденный в 23 день Февраля 1867-го года, – необходимый при представлении на Высочайшее воззрение вновь составленного на возведение того же собора проекта...”.

Извещенный об этой необходимости, архиепископ (с 1882 г.) Вениамин 3 февраля 1882 г. телеграфировал в Петербург о том, что, к несчастью, “требуемый план сгорел в большой пожар Иркутска” в 1879 г.

Отсутствие у экспертов Министерства путей сообщения материалов прежней (Высочайше утвержденной) редакции проекта, – запрошенной, вероятно, с целью сопоставления различных его вариантов, – несколько замедлило, но не остановило прохождение проекта инженера М.Н. Огонь-Догановского через высшие государственные инстанции; в итоге, 10 июня 1882 г. состоялось рассмотрение чертежей Государем Императором. Александр III, – заметив, что “желательно было бы для такого монументального сооружения солидности более благолепия в наружном его виде и стиле, чем предположено в проекте”, – не счел возможным одобрить последний.

Итак, необходимо было в очередной раз перерабатывать существующий проектный вариант, по крайней мере – в части архитектурно-художественного

решения экстерьера храма. Стремясь в данном положении оказать возможное содействие владыке Иркутскому, обер-прокурор Святейшего Синода нашел полезным прибегнуть к помощи известного и авторитетного столичного архитектора-практика Антония Осиповича Томишко – лауреата официального архитектурного конкурса “на составление проекта православного храма, сооружаемого у подножия Балкан”, который был объявлен еще при жизни Императора Александра II – в самом начале 1881 г. Официальным письмом (№ 8130 от 2 июня 1882 г.) архитектор был приглашен “пожаловать в Хозяйственное Управление при Святейшем Синоде... для предварительного соглашения по делу составления плана на постройку Кафедрального в городе Иркутске соборного храма”. Соглашения, однако, не последовало: А.О. Томишко не взялся за доработку проекта, ограничившись передачей на него подробного отзыва. Проект был признан принципиально неверным. Мнение эксперта сводилось к необходимости при проектировании крупномасштабных церковных зданий брать за основу идею “центрального храма без колокольни, главный купол коего бесспорно господствует над окружающим”. Композиционный прием собора с колокольней, использованный архитектором В.А. Кудельским и сохраненный при корректировке его проекта в Министерстве путей сообщения, а позднее – инженером М.Н. Огонь-Догановским, А.О. Томишко считал более соответствующим “церквам меньшего размера”, так как, по его мнению, “при соборных... храмах колокольня, высота которой должна оставаться в известной пропорции к храму, убивает выразительные свойства собора, то есть величие, так что какой бы величины собор ни был, он возле колокольни кажется мал”. Архитектор предлагал вместо колокольни устроить для соборных колоколов либо звонницу, расположенную над папертью (в этом варианте позднее и был реализован проект храма, творчески переработанный архитектором бароном Г.В. Розеном), – либо разместить колокола в угловых – малых – башнях, как это сделано, к примеру, в Исаакиевском кафедральном соборе Петербурга. В существующем же проекте “колокольня не только умаляет величие храма в смысле художественном, но и влечет за собою излишнюю затрату капитала”.

Сообщая Высокопреосвященному Вениамину содержание отзыва архитектора А.О. Томишко, обер-прокурор Святейшего Синода предлагал архиепископу распорядиться о составлении на основе имеющихся замечаний и рекомендаций нового проекта кафедрального собора; если же силы местных, иркутских, специалистов, чьи разработки уже дважды до сих пор не бывали утверждены, более не вызывают у владыки доверия, – составление заменительного проекта, по мнению К.П. Победоносцева, все-таки возможно было бы поручить кому-либо из столичных архитекторов, для чего в Хозяйственное управление при Святейшем Синоде требуется только доставить смету к прежнему проекту и сведения о существующих в настоящее время в г. Иркутске справочных ценах на строительные материалы и рабочих.

Таким образом, спустя без малого восемь лет после инициированного владыкой Вениамином пересмотра проекта 1867 г., единственным официально

признанным оставался именно этот, разработанный в департаменте Министерства путей сообщения на базе проекта В.А. Кудельского вариант: по нему строительство храма продолжалось, хотя и медленными темпами, несколько лет – вплоть до общегородского пожара Иркутска в 1879 г. В результате, ко времени ответа архиепископа Вениамина на последнее, – очевидно, вынужденное, – предложение обер-прокурора Святейшего Синода здание собора было возведено “уже до высоты второго ряда окон”, а “Высочайше утвержденной колокольни выведено уже до шести сажен вышины”. Ссылаясь на это обстоятельство, Высокопреосвященный Иркутский в письме № 670 от 3 марта 1883 г. просил К.П. Победоносцева о возможности “оставить без исполнения требование новой сметы”. Что же касается проекта инженера М.Н. Огонь-Догановского, составленного с учетом пожеланий самого владыки, но не утвержденного Государем Императором, – то в нем, по словам архипастыря, “составляющем копию с прежнего, по наружности прибавлены были к Высочайше утвержденному проекту только коридор, соединяющий собор с колокольнею, и по обе стороны колокольни пристройки для придания ей вида устойчивости, которого она не имела. Так как ни коридор, ни пристройки к колокольне не входили в прежде утвержденный план, то за постройку их доселе не принимались”.

Процитированное письмо определенно свидетельствует о желании владыки Вениамина настоять-таки на своем в вопросе о судьбе возводимого в Иркутске соборного здания: представив ненужными хлопоты по составлению нового проекта храма (так как сооружение собора начато было и в течение нескольких сезонов проводилось по чертежам 1867 г.), – добиться официальной санкции на проект М.Н. Огонь-Догановского, в основе своей дублирующий утвержденный вариант, но, вместе с тем, учитывающий и некоторые частные замечания, сделанные в свое время архипастырем.

Отсутствие в архивных фондах полного собрания документов, освещающих историю создания Иркутского кафедрального собора, оставляет неизвестным, было ли, вслед за мартовским (1883 г.), какое-либо более конкретное по содержанию послание Высокопреосвященного Вениамина к К.П. Победоносцеву; но, так или иначе, – очевидно, что обер-прокурор Святейшего Синода понял и поддержал данное желание владыки Иркутского, потому как 22 июля 1883 г., обращаясь к министру путей сообщения, он писал (письмо № 7892): “Принимая... во внимание, что проект на постройку Кафедрального собора в г. Иркутске уже утвержден Высочайшею властью, в 23 день Февраля 1867 года, что по этому проекту постройка собора производится уже с 1875 года... и что составление новых проекта и сметы на эту постройку потребует немало времени и новых значительных издержек... имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным вновь повергнуть на Высочайшее воззрение возвращаемый при сем проект”.

28 октября 1883 г., после незначительной доработки проекта Иркутского кафедрального собора в Министерстве путей сообщения, по докладу министра К.Н. Посьета состоялось повторное рассмотрение варианта инженера М.Н. Огонь-Догановского Государем Императором Александром III. Процедура завершилась начертанием на тексте всеподданнейшего доклада министра рукою Государя следующей резолюции: “Согласен.” “Немного лучше, но вообще безвкусие порядочное, но нечего делать”.

Практически остановленное после разрушительного общегородского пожара 22 – 25 июня 1879 г., – когда “вместо лучшей и благоустроенной части города” образовались “догорающие руины”, – строительство Иркутского кафедрального собора (его частично возведенные стены также пострадали – обгорели – в огне) было возобновлено весной 1885 г.

До пожара всеми работами по сооружению храма, начиная с его закладки, руководил автор Высочайше утвержденного в 1883 г. проектного варианта – военный инженер капитан М.Н. Огонь-Догановский. Подбирая специалиста на эту должность, на кандидатуре М.Н. Огонь-Догановского остановился Преосвященный Вениамин. Против подобного назначения решительно возражал “заведующий строительною частию в Восточной Сибири Действительный статский советник Щац”, опиравшийся на содержание циркуляра Министерства внутренних дел от 25 января 1867 г. (согласованного с обер-прокурором Святейшего Синода), который предписывал следующее: “Постройка каменных церквей, по возможности, должна быть поручаема лишь тем техникам, которые уже производили работы подобного рода или, по крайней мере, находились при них в качестве помощников производителей работ, под руководством опытных архитекторов”. Несмотря на это, владыка Вениамин не переменял решения, мотивировав свой выбор тем, что: 1. М.Н. Огонь-Догановского “рекомендовал начальник инженеров Генерал-Майор Иванов”; 2. Никто из известных владыке опытных российских архитекторов, находящих себе “достаточно работы в России”, “ни за какую плату” не согласился “ехать в Сибирь для наблюдения за постройкой Собора”; 3. В самом г. Иркутске не нашлось профессионалов-архитекторов, прежде руководивших строительством церквей.

Одновременно с назначением инженера М.Н. Огонь-Догановского – 28 ноября 1873 г. – председателем “Комитета по построению в Иркутске нового кафедрального собора”, также по инициативе епископа Вениамина, был “определен” “Кафедральный протоиерей города Иркутска” Прокопий Васильевич Громов, состоявший в этой должности вплоть до своей кончины в августе 1880 г.

Для возведения крупного каменного объема храма потребовалось массовое производство кирпича в местных условиях. Было решено построить кирпичный завод. Избранная местом строительства заимка Яковлева, расположенная возле “архиерейской дачи”, на территории площадью 27 десятин, – где уже давно – из более качественной, чем в самом Иркутске, глины – “выделывали

вался” кирпич, – была выкуплена у владельца, а затем застроена “обжигальными печами и сараями” расширенного кирпичного производства. “Наблюдал” за сооружением завода инженер М.Н. Огонь-Догановский, первыми заводскими рабочими стали “арестанты Иркутского тюремного замка”.

В качестве материала для фундамента храма был использован (очевидно, по решению того же М.Н. Огонь-Догановского) местный серовичный камень (“серовик”, песчаник), добывавшийся “по утесам Ангары в 20 километрах вниз по реке (от Иркутска), по правому берегу”. Поставлял “камень и плиты” на строительство собора иркутский купец Н.В. Яковлев. Производство оригинального известкового цемента было организовано в Ольхинском селении, в 25 верстах от Иркутска, под надзором инженера М.Н. Огонь-Догановского из найденного им самим камня-известняка. “Камень дробился, просеивался сквозь решето, обжигался и затем смешивался с песком и водой в известной пропорции.” Фундамент собора был заложен на глубине 5 сажений под пилонами и 3 сажений – под стенами. Подрядчиком “по каменным работам” на строительстве храма выступал Н.А. Иванов; “кузнец мещанин М. Кондрашов изготовлял” различные “поделки из железа”.

Как уже упоминалось, первый руководитель строительства к середине 1879 г. успел возвести главный объем храма “до высоты второго ряда окон”, а колокольню – “до шести сажень вышины”. Когда спустя без малого шесть лет – весной 1885 г. – постройка собора была возобновлена, инженер М.Н. Огонь-Догановский работал в Грузии, в г. Кутаисе, и на предложение вернуться в Иркутск, на прежнюю должность, ответил отказом.

При данных обстоятельствах на место начальника строительства кафедрального собора был приглашен известный в Сибири специалист, чей практический опыт в точности соответствовал требованиям цитированного выше циркуляра Министерства внутренних дел от 25 января 1867 г. Гражданский инженер (инженер-архитектор) барон Генрих Владимирович Розен в то время уже занимал две ответственных казенных должности: заведующего управлением строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе и главного инспектора “по взиманию повозного сбора и по ремонту, на суммы этого сбора и натуральной повинностью, главного сибирского тракта”. Приняв новое предложение, барон Г.В. Розен совместил должность руководителя соборного строительства с прежними обязанностями службы. Помощниками мастера, в дальнейшем курировавшими храмостроительство во время его отлучек, были определены инженеры-архитекторы: статский советник Евгений Эдуардович Штерн-Гвяздовский (в 1887 г. назначенный на должность иркутского губернского архитектора); коллежский советник Иван Фомич Тамулевич (в 1892 г., после отъезда барона Г.В. Розена из Иркутска, возглавивший управление строительной и дорожной частями при иркутском генерал-губернаторе); коллежский асессор Максимилиан Георгиевич (Юрьевич) Арнольд.

Приступив к работе с проектом кафедрального собора, барон Г.В. Розен поначалу счел необходимым внести в него лишь незначительные изменения:

“в главах и куполах” им были “сделаны некоторые украшения, состоящие из разного рода башенок, колонок и проч., тогда как прежде главы были совершенно гладкие, без всяких украшений”; таким образом, первая корректировка рабочих чертежей постройки, преследовавшая цель “уравновесить” общую декоративно-художественную композицию экстерьера храма, в масштабе всего проекта оказалась сугубо поверхностной. Вероятно, именно об этом обстоятельстве, – несколько расширяя поле творческой деятельности барона Г.В. Розена по корректировке проекта, – в период первого (после возобновления предприятия по сооружению собора) рабочего сезона, то есть весной – в начале лета 1885 г., обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву сообщал архиепископ Иркутский Вениамин, писавший: “...честь имею препроводить Вашему Высокопревосходительству... фотографический снимок плана (здесь и далее: проекта. – *А. Т.*) вновь строящегося в Иркутске собора. Мне Преосвященный Дионисий писал, что Вы говорили с ним о плане нашего собора. В сущности новый план остался тот же, что и прежний забракованный, только в исполнение Высочайшей воли он украшен деталями и, согласно указанию архитектора Томишки, *уничтожена колокольня*, вместо которой будет [сооружена] *звонница* над святыми воротами. *По величине Иркутский собор будет третий в России (после Исаакиевского и Христа Спасителя), а о достоинствах его в художественном отношении можете судить сами.* В настоящее лето надеемся связать арки под купола. Теперь работа идет успешнее и сравнительно с прежним временем недорого (выделено мною. – *А. Т.*)”.

За период 1885 – 1886 гг. соборная постройка была “доведена до высоты окон в малых куполах, а в середине – несколько ниже наружной колоннады”. Однако уже в сентябре 1886 г. барон Г.В. Розен, обследуя здание, заметил неравномерную осадку опорных пилонов и вынужден был на год остановить строительство. Инженер-архитектор М.Г. Арнольд, в отличие от своего начальника, расценил происшедшую деформацию как катастрофу; минуя барона Г.В. Розена, он обратился в Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел с заявлением о необходимости *полностью разобрать существующую постройку и начать строительство заново.* По данным М.Г. Арнольда, в сооружаемом соборном здании была “неправильна кладка пят в арках”, “неправильно употребление в основании фундамента роствергов из лиственничных бревен”; кроме того, сомнение у специалиста вызывало использование в качестве материала для фундамента постройки серовичного камня (песчаника); все это в совокупности и явилось, полагал М.Г. Арнольд, причиной неравномерной осадки пилонов и растяжения “железных” связей между ними.

По поводу донесения архитектора М.Г. Арнольда между председателем Техническо-строительного комитета МВД Э. Жибером и бароном Г.В. Розеном завязалась переписка, в ходе которой последний горячо отстаивал существующую постройку. В опровержение мнения М.Г. Арнольда им были проведены практические опыты, со всею очевидностью показавшие проч-

ность серовичного камня. Будучи в Петербурге, барон Г.В. Розен лично представил эскизный чертеж-вариант заложения прочных пят в здании собора на экспертизу директору Императорского Института гражданских инженеров – авторитетному архитектору-практику Д.Д. Соколову, и тот, вполне согласившись в итоге с мнением автора, “говорил о заблуждении Арнольда”.

Конфликт, тормозивший процесс сооружения Иркутского храма, окончательно разрешился в 1888 г., когда специально созданной комиссией, – в состав которой, наряду с членами Строительного комитета, вошли опытейшие иркутские “техники-архитекторы”, – было проведено тщательное обследование возводимого здания. Полученные результаты подтвердили совершенную правоту руководителя строительства барона Г.В. Розена.

Несмотря на это, руководитель строительства, желая максимально снизить риск разрушения храма, внес дополнительные изменения в существующий проект (в части конструктивного устройства главного купола собора), позволившие значительно облегчить давление купола на пилоны, а именно: снял до 10 рядов (то есть до 50 тонн) кирпича в подкупольном барабане; над парусами сделал 4 ниши, а между нишами и окнами барабана – “уступ на один аршин с внутренней стороны” стены и продолжил стену “на один аршин уже”; свод главного купола выполнил не из камня, а из дерева. Не остановившись на этом, барон Г.В. Розен разработал “новый фасад Собора, в котором, не касаясь нижней части храма, существенно изменил форму глав, – вместо готической формы, какую они имели прежде, он придал им византийскую форму”. Предложения барона Г.В. Розена были рассмотрены в Техническо-строительном комитете МВД, одобрены и утверждены.

В 1889 г., после очередного – почти трехлетнего – перерыва, строительные работы возобновились, и к началу 1891 г. здание кафедрального собора в Иркутске “вчерне”, “с установкой крестов на куполах”, было закончено. Вскоре, однако, – в 1892 г. – руководитель строительства храма барон Г.В. Розен, остававшийся государственным чиновником, получил новое назначение (с повышением по службе) – на должность инспектора подъездных путей Юго-Западного края – и должен был уехать в Киев.

Помимо готового объема Иркутского собора, барон Г.В. Розен оставил после себя в законченном виде основной элемент интерьера храма – его главный иконостас, который, по рисунку самого начальника строительства, вырезал из дерева и покрыл позолотой мастер Н.П. Попов; иконостас имел 3 яруса и высоту 8 саженьей. Иконный ряд для главного иконостаса создал профессор Императорской Петербургской Академии художеств, академик живописи А.Т. Марков, в свое время возглавлявший работы по росписи главного купола Храма Христа Спасителя в Москве. Иконы для малых иконостасов написал иркутский живописец Кронберг.

В состав декоративно-художественной композиции Иркутского кафедрального собора были включены оконные витражи. Цветное (витражное) стек-

ло на строительство храма поступило со стекольного завода г. Екатеринбурга, “простое” – с завода Голдобина из г. Верхнеудинска.

В начале 1893 г. мастерами Дороховым и Лухневым вокруг соборной постройки была установлена каменная, с четырьмя воротами, ограда, решетку для которой выпустил “железоделательный” завод Бутина в г. Николаеве. Весной того же года внутри ограды в два ряда были насажены ели, пихты, сосны.

К середине 1893 г. продолжавшееся более 18 лет многотрудное дело сооружения Иркутского кафедрального собора, обошедшееся почти в *1 миллион рублей* (904025 руб. 42 1/2 коп.), было полностью завершено. 25 января 1894 г. главный (кафедральный) храм губернского г. Иркутска был освящен во имя Казанской Иконы Божией Матери, в обиходе получив наименование Казанского.

III.4. История создания архитектуры кафедрального собора во имя Успения Божией Матери (Свято-Успенского) в г. Омске

В 1773 г. на территории второй (правобережной) Омской крепости по инициативе командующего Сибирским отдельным корпусом генерал-поручика И.И. Шпрингера и с благословения митрополита Тобольского и Сибирского Павла был построен соборный храм Воскресения Христова. “Храм являлся оригинальным строением, и, поскольку его основной корпус (основной объем. – *А. Т.*) составлял единое целое с трапезной, он более напоминал здание гражданской архитектуры. Трехъярусная соборная колокольня с восьмигранным шатром и куполом доминировала над окружающей местностью. Толщина стен собора достигала 1,65 м. Средства на его сооружение были выделены Военно-инженерным ведомством”. На момент постройки Воскресенская соборная церковь официально предназначалась для нужд военнослужащих местного армейского гарнизона, вместе с семьями составлявших основную часть всего населения г. Омска.

Впервые мнение о недостаточной вместительности и необходимости расширения Воскресенского собора возникло в приходской среде в 1868 г. В то время, однако, недостаток практических возможностей оставил это мнение без каких-либо последствий, – дело не дошло даже до организации сбора пожертвований, – и лишь спустя 10 лет, в 1879 г., к этой проблеме обратились местные власти – как духовные, представленные епархиальным епископом, так и светские, представленные начальством размещенных в Омске военных и гражданских учреждений. На этот раз здание Воскресенского собора было официально признано “не соответствующим более назначению Соборного храма г. Омска по своей малопоместительности, особенно ощутительной в табельные дни и в праздники Св. Пасхи и Рождества Христова, когда в этот храм собираются, кроме прихожан, начальствующие лица всех ведомств и управлений,

расположенных в г. Омске”. На основании подобной оценки было решено расширить здание собора путем пристройки к нему алтарного объема.

По предварительной финансовой смете, составленной Инженерным ведомством, денежные затраты на намеченную реконструкцию превысили 86000 руб. Кроме того, заметно обветшавшее к этому времени (1880 г.) здание Воскресенского собора нуждалось, в первую очередь, в капитальном ремонте. Относительно тех средств, что имелись в казне Воскресенского храма, ориентировочная сумма расходов оказалась более, чем значительной: стало очевидным, что попечением одной Церкви произвести перестройку собора не удастся; в результате “выполнение этой меры было отложено вплоть до накопления необходимой суммы посредством доброхотных приношений”.

С целью организации сбора пожертвований, в 1885 г. был, наконец, учрежден соответствующий “комитет”. Тем же годом датировано составление проекта и сметы реконструкции храма. Инженер-поручик Васильев, автор этих работ, значительно удешевил предприятие, определив стоимость реализации своего проекта в размере 30000 руб.

Объявление подписки среди прихожан Воскресенского собора и иных частных лиц, распространение подписных листов во все уезды и волости Акмолинской области, центром которой являлся г. Омск, а также за ее пределы, – открыли деятельность вновь созданного Строительного комитета. Вскоре стали поступать пожертвования. Принять участие в деле реконструкции главного областного храма сочли своим долгом представители различных сословий и социальных групп, поэтому размер вносимых в соборную кассу денежных сумм определялся, главным образом, материальным положением жертвователей. Взносы малоимущих (крестьян, нижних чинов) не превышали нескольких рублей, состоятельные лица выделяли из своих средств значительные денежные суммы, исчислявшиеся сотнями и тысячами рублей. Основным объемом собираемого капитала составили приношения купечества, – не только местного, омского, но и иногороднего – из Сибири и всей России. Омский купец Семен Моисеевич Колпаков пожертвовал на реконструкцию Воскресенского собора 100000 штук кирпичей. Родион Семенович Волков, каинский 2-й гильдии купец, и его брат Степан (Стефан) Семенович передали в Строительный комитет по 500 руб. деньгами и 2691 руб. товаром – “в знак уважения к родному городу”. Денежные взносы поступили из Москвы – от купцов В.Е. Морозова и С.М. Шibaева – и из Петербурга – от знаменитого предпринимателя купца А.Г. Елисеева.

Сбор средств на перестройку Воскресенского собора продолжался около 4 лет. К концу этого срока, при наличии проектной основы, стало, наконец, реально возможным приступить к осуществлению намеченного плана. Однако уже новая идея привлекала внимание местного общества. Ее опорой послужило то обстоятельство, что в Омске – быстрорастущем областном центре, численность населения которого к 1890 г. возросла до 40000 человек, – действовало всего 4 православных приходских храма. При всей пестроте конфессиональ-

ной принадлежности жителей полиэтнического Омска (здесь сказывалась специфика историко-этногеографического положения южно-сибирского города), такого количества церквей для православной части городского населения было явно недостаточно. Становилось очевидным, что расширение существующего здания крепостного собора малоэффективно при решении столь острой социальной проблемы: Омск нуждается в строительстве новых православных храмов.

8 февраля 1889 г. на заседании Военного совета при генерал-губернаторе Западной Сибири, при согласии епархиального архиерея, было утверждено “предположение” Западно-Сибирского генерал-губернатора генерал-адъютанта Мещеринова, признавшего “более целесообразным, взамен расширения старого Собора, возвести новый на другом месте”. Вследствие этого, все накопления, имевшиеся в казне действовавшего храма после сбора пожертвований на его реконструкцию, а именно 43461 руб. 69 коп., были переданы во вновь учрежденный местным епархиальным начальством Комитет по постройке нового городского собора Омска. Председателем Комитета был избран незадолго перед тем назначенный на должность генерал-губернатора Степного края (в состав которого входила Акмолинская область) генерал-лейтенант Николай Иванович Санников, казначеем – протоиерей Воскресенского собора Константин Недосеков, заведующим хозяйством – Степан Семенович Волков, в недавнем прошлом один из щедрых жертвователей на перестройку старого соборного храма.

Несмотря на то, что долговременный сбор средств обеспечил строительное предприятие немалыми накоплениями, при начале деятельности его руководящего органа выяснилось, что изменение первоначальной задачи реконструкции Воскресенского собора восстановило серьезный финансовый недостаток. Для увеличения капитала дополнительно был создан так называемый “особый комитет”, возобновивший сбор пожертвований и сумевший за короткий срок собрать около 30000 руб. (28229 руб. 57 коп.); вместе с деньгами, переданными из кассы старого собора, это составило сумму в 71691 руб. 26 коп. Незначительным дополнением к местным – общественным – накоплениям явились также денежные средства, выделенные на сооружение главного храма г. Омска по соответствующей статье бюджета Святейшего Синода Русской Православной Церкви.

Лишь с обеспечением реальной финансовой основы предприятия Строительный комитет счел своевременным приступить к его осуществлению. В Инженерном управлении Омского военного округа был составлен проект нового городского собора. После рассмотрения проекта на заседании Военно-окружного совета и положительной оценки его тобольским епархиальным епископом – с первых дней 1891 г. было развернуто заготовление необходимых строительных материалов, а на месте, отведенном Городской думой под постройку храма (в районе бывшей (правобережной) Омской крепости), ран-

ней весной того же года – начаты предварительные работы, связанные с выемкой земли и последующей закладкой фундамента нового собора.

Официальные торжества, связанные с закладкой соборного храма, намечалось приурочить к визиту в г. Омск в июле 1891 г. Наследника Цесаревича Великого Князя Николая Александровича, Который должен был к этому времени возвратиться в Россию из продолжительного кругосветного путешествия и проследовать в Петербург по Транссибирской железнодорожной магистрали. Для Наследника, Его Свиты и начальствующих лиц на месте предполагаемого строительства был сооружен временный деревянный павильон.

К назначенному сроку были окончены земляные работы и выложен нижний слой фундамента, – хотя уже при кладке первых рядов его выяснилось, что принятый к реализации проект собора составлен “слишком поспешно”, так как определенные им масштабы сооружения далеко не соответствуют существующим в рамках предприятия материальным возможностям, даже при условии дополнительного сбора средств: “при пропорциональном возведении стен на заложенном фундаменте на постройку собора потребовалось бы, по приблизительному расчету, около 100 тысяч рублей”.

16 июля 1891 г., в присутствии Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, членов Свиты, представителей местной власти, при большом стечении народа состоялись освящение места строительства и торжественная закладка здания “нового трехпрестольного Соборного храма с главным престолом во имя Вознесения Господня и с двумя боковыми [престолами]: во имя Николая Чудотворца и Св. Равноапостольной Марии Магдалины”.

Вскоре после этого события – по уже упоминавшейся причине – Строительный комитет вынужден был приостановить начатые работы. Новым генерал-губернатором Степного края генералом от кавалерии бароном Максимом Антоновичем Таубе было поручено акмолинскому областному инженеру коллежскому асессору К.А. Лешевичу, руководствуясь соображениями сугубой рациональности, разработать “новый проект Соборного Храма и смету на постройку его, – с тем, однако же, чтобы здание Собора было возведено на заложенном уже фундаменте”.

К началу 1893 г. поручение степного генерал-губернатора было исполнено. Ознакомившись с готовым вариантом, епископ Тобольский и Сибирский нашел его “более благолепным и менее ценным сравнительно с прежним проектом”. Вслед за тем все материалы: четыре проектных листа со сметой в размере 57591 руб. 58 коп., пояснительной запиской и “ведомостью о справочных ценах”, а также пять листов первоначального проекта, – сопровождаемые официальным письмом барона М.А. Таубе к министру внутренних дел, – были направлены в Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел на утверждение, – “дабы возможно было приступить не позже половины апреля месяца (1893 г.) к производству работ и тем избежать значительных убытков от порчи заготовленных почти два года тому назад строительных материалов”.

Прохождение проекта инженера К.А. Лешевича через департамент Министерства внутренних дел затянулось. В первой половине марта 1894 г. степной генерал-губернатор, беспокоясь о судьбе намеченного в Омске предприятия, направил председателю Техническо-строительного комитета МВД Э. Жиберу телеграмму, в которой просил его “ускорить присылку проекта”. Телеграммой от 16 марта 1894 г. Э. Жибер ответил, что представленный в его подразделение проект соборного храма для г. Омска решено изменить – при сохранении всех основных содержащихся в нем размеров и потребного для осуществления его объема строительных материалов, в связи с чем “чертежи придут не ранее конца июня”. (Позднее, однако, выяснилось, что за корректной формулировкой заключения Техническо-строительного комитета, использованной Э. Жибером, скрывалось намерение не изменить, то есть переработать, но – заменить проект инженера К.А. Лешевича принципиально иным.)

Как и планировалось, к началу лета 1894 г. новый – заменительный – проект Омского собора был выполнен. Автором его явился молодой петербургский архитектор, выпускник Императорской Академии художеств (“художник архитектуры”) – Эрнест Францевич Виррих. По готовому проекту было дано следующее заключение: “Рассмотрев... проект на постройку нового Соборного храма в г. Омске Акмолинской области, составленный для исполнения на заложенном фундаменте, взамен присланного Степным генерал-губернатором за № 1166 проекта, оказавшегося неудовлетворительным, – Комитет не встречает препятствий к утверждению этого проекта.

Смета, составленная к проекту местного начальства в сумме 57591 руб. 58 коп., подлежит пересоставлению на месте по новому проекту, составленному в Комитете. При этом Комитет считает нужным пояснить, что на сумму 57591 руб. 58 коп., по мнению Комитета, не представлялось бы возможным исполнить постройку по проекту местного начальства”.

27 июня 1894 г. проект архитектора Э.Ф. Вирриха был выслан из Петербурга в Омск для реализации, – с тем, однако, условием, что подлинники проектных чертежей будут скопированы и возвращены в Техническо-строительный комитет.

Проект Э.Ф. Вирриха в Омске понравился. По нему была составлена новая смета, в соответствии с которой планируемые расходы на сооружение собора были определены весьма значительной суммой – 172751 руб. 86 коп. При этом из денег, изначально имевшихся в распоряжении Комитета по строительству храма, еще в 1891 г. на предварительные работы, закладку и устройство фундамента было израсходовано 14669 руб. 24 коп.; в 1892 и 1893 гг. на заготовление строительных материалов ушло еще 8219 руб. 55 коп. И только благодаря сохранению в последующие годы, в том числе и в 1894 г., постепенного притока средств в казну храмостроительного предприятия со стороны добровольных жертвователей к концу лета 1894 г. стало практически возможным возобновить строительство.

Руководство сооружением Омского собора было возложено на автора неутвержденного проектного варианта – акмолинского областного инженера Климентия Адамовича Лешевича. (В дальнейшем правильность подобного выбора подтвердила та исключительная добросовестность, с которой инженер К.А. Лешевич отнесся к своим должностным и профессиональным обязанностям).

Для возведения крупного каменного объема храма были занаряжены высококвалифицированные каменщики из Нижегородской губернии. Мастера стали приезжать в г. Омск целыми семьями: четверо мастеров Королевых, трое Обносовых, двое Болевых... Всего же в строительстве собора приняло участие 25 каменщиков, образовавших сплоченную профессиональную артель. Чернорабочих было принято 46 человек; примечательно, что половину из них составляли женщины.

Кирпич – основной строительный материал – поставлялся двумя местными кирпичными заводами: тюремным и 2-й гильдии купца Георгия Ильича Ременникова, продавшего Строительному комитету по льготной цене – 12 руб. за тысячу – в общей сложности более 100000 штук кирпичей. Поставщиками извести на сооружение Омского храма стали екатеринбургский купец Михаил Ефимович Меньшиков и тарский купец М.М. Матусович. М.Е. Меньшиков “со своих арендуемых гор” поставил также 1000 пудов ломового алебастра; такое же количество этого материала – по 22 коп. за пуд – было продано Торговым домом “Ф. и Г. братья Каменские”. 247 пудов оцинкованного железа поставил Торговый дом “Износков и К^о” из Нижнего Новгорода. Гвозди, скобяные изделия, краскотерку с маховиком, стекло продал на строительство собора омский купец Павел Алексеевич Липатников.

Темпы возобновленного строительства были таковы, что позволили генерал-губернатору барону М.А. Таубе во всеподданнейшем отчете за 1894 г. о состоянии областей вверенного ему Степного края сообщить Императору Николаю II, что “постройка сооружаемого в г. Омске Собора в течение года будет подведена под крышу”.

Не прекращалась поддержка предприятия со стороны частных жертвователей. Так, существенные денежные суммы поступили в фонд Строительного комитета из Москвы – от Торгового дома “Н.Л. Шустов с сыновьями” и “Товарищества Петра Арсентьевича Смирнова”, пожертвовавшего 1000 руб. Вексель также на 1000 руб. передал соборной казне омский мещанин Я.С. Зелинский. По завещанию (от 4 марта 1893 г.) полковника Василия Ивановича Коробейникова в распоряжение Строительного комитета поступило 2500 руб., из которых: на сооружение храма, по воле жертвователя, предназначалось 500 руб., на приобретение для соборного иконостаса двух местных икон – 1500 руб.; остальные деньги принадлежали соборному причту, – “чтобы он вечно пользовался процентами с этих 500 рублей”. Весьма значительный вклад – в размере 3780 руб., на устройство иконостаса и шелковую материю для убранства интерьеров храма, – сделал тайный советник Алфимов. 400 руб. на построение

собора пожертвовала жена полковника Катанаева. Кроме того, на всей территории Акмолинской области был организован сбор стреляных гильз, в результате чего за 874 пуда медного лома, проданных фирме “Вогау и К°”, удалось выручить еще 7105 руб. 75 коп. Викентий Осипович Сталевич, житель Одессы, прислал в Строительный комитет 110 руб.: один из его родственников, умирая, просил отправить 100 руб. в один из монастырей г. Омска – для вечного поминовения усопших по приложенному списку; так как монастырей на территории Омска не было, деньги покойного, присовокупив к ним собственных 10 руб., В.О. Сталевич передал на постройку местного собора. В списке за 1898 г. жертвователей на “сооружение” соборной иконы Успения Пресвятой Богородицы значатся 111 чинов Омского городского полицейского управления.

И все же, несмотря на постоянную и существенную материальную поддержку храмостроительства со стороны многочисленных добровольных жертвователей, финансовые ресурсы предприятия то и дело оказывались на грани истощения. Так, за период 1894 – 1895 гг. на приобретение необходимых строительных материалов, таких, как кирпич, известь, лес, на заготовку железа, а также на возведение стен собора и “мелочные расходы” Строительным комитетом была потрачена очень крупная сумма – 42059 руб. 21 коп.; в итоге в ноябре 1895 г. всего строительного капитала оставалось лишь 10785 руб. 56 коп. Подобное обстоятельство вынудило степного генерал-губернатора барона М.А. Таубе в письме, датированном 16 ноября 1895 г. и отправленном на имя обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, перечислить все планируемые расходы на продолжение и завершение строительства Омского собора, – что в сумме составило 43269 руб. 73 коп., – и просить содействия в скорейшем приобретении этих средств Строительным комитетом.

Ответ обер-прокурора, последовавший 15 декабря 1895 г., содержал отказ, в обоснование которого сообщалось, что “строительный кредит духовного ведомства, ассигнуемый по финансовой смете Святейшего Синода и вообще крайне ограниченный (150000 рублей в год), в настоящее время не только за 1895, но и за 1896 год весь предназначен на другие строительные надобности по ведомству; других же средств на постройки в распоряжении Святейшего Синода не имеется”. С тем же объяснением своего отказа генерал-губернатору барону М.А. Таубе обер-прокурор выступил на заседании Комитета Министров, состоявшемся 22 апреля 1896 г., – добавив, впрочем, что он, статс-секретарь Победоносцев, разделяя вполне мнение степного генерал-губернатора “о желательности скорейшего завершения означенного сооружения, ввиду умножения числа православных жителей в г. Омске и недостаточной вместимости существующих там церквей... с своей стороны, примет все зависящие меры к удовлетворению ходатайства Генерала от Кавалерии Барона Таубе, как только сие по имеющимся средствам окажется возможным”.

Тем временем, средства, бывшие в распоряжении Комитета по строительству собора, иссякли окончательно, и в мае 1896 г. генерал-губернатор Степ-

ного края вынужден был повторно беспокоить К.П. Победоносцева своею просьбой, – напоминая даже, что сооружаемый в Омске храм был заложен “в присутствии Его Императорского Величества” и, кроме того, “оставление сего сооружения на неопределенное время в неоконченном виде (в случае задержки строительства недостатком средств. – *А. Т.*) признается невозможным” по местным природным условиям.

Неизвестно, каким было содержание ответа обер-прокурора и на данное обращение, и на последовавшее за ним, в котором, как установлено, барон М.А. Таубе ходатайствовал о выделении на нужды храмостроительства вдвое меньшей, чем запрашивалась первоначально, денежной суммы: исследованные в процессе работы архивные фонды не сохранили копий этих документов. Известно, однако, что 2 сентября 1896 г. из Омска, на имя товарища обер-прокурора Святейшего Синода В.К. Саблера, исполнявшего обязанности обер-прокурора в отсутствие К.П. Победоносцева, была послана телеграмма поистине драматического характера: *“Письмом просил двадцать тысяч постройку Омского Собора Крайне нужно Приходится работы остановить убытком Нельзя ли хотя десять тысяч Барон Таубе”*.

На этот раз реакция духовного ведомства была немедленной: уже спустя неделю после отправки телеграммы степным генерал-губернатором – 9 сентября 1896 г. – барону М.А. Таубе, телеграммой же, был дан строго официальный по форме ответ: “Об отпуске десяти тысяч рублей сообщено Министру Финансов Обер-Прокурор Победоносцев”.

Очевидно, что К.П. Победоносцев, не располагая свободными средствами в строительной части бюджета своего ведомства, в данном случае имел в виду средства, проходящие по иной статье синодального бюджета. В связи с этим, его положительный и скорый ответ барону М.А. Таубе можно объяснить лишь желанием как-то “успокоить” настойчиво требовавшего поддержки генерал-губернатора: имеющее силу закона решение о финансировании строительства Омского собора в подобной ситуации могло исходить только от Высочайшей власти – на основании официального представления верховного совещательного органа – Государственного Совета.

7 ноября 1896 г. “Государственный Совет, в Департаменте Государственной Экономии, рассмотрев представление Обер-Прокурора Святейшего Синода об отпуске из Государственного Казначейства в 1897 году 10000 рублей на окончание постройки соборного храма в г. Омске, мнением положил: отпустить из Государственного Казначейства в 1897 году десять тысяч рублей...”.

6 января 1897 г. “мнение” Государственного Совета было утверждено Государем Императором Николаем II, а несколькими днями позднее – выделенные деньги, наконец, переведены из Петербурга в Омск.

Возникновение серьезных трудностей с финансовым обеспечением предприятия по сооружению Омского собора в итоге все же не привело к остановке строительных работ, и за сезон 1896 г., как и намечалось, объем храма был полностью выложен в кирпиче.

Для оштукатуривания огромного здания 21 апреля 1897 г. из села Ново-Архангельского Ново-Троицкой волости Петропавловского уезда Акмолинской области прибыла в Омск крестьянская артель из 20 человек. Старшим артели был Михаил Колобнев. За короткий срок штукатурные работы были выполнены, а сын артельного старшины – Митрофан Колобнев декорировал интерьеры храма богатой алебастровой лепниной. Бригада столяров-плотников под началом Петра Сапоцкого изготовила все двери, оконные рамы, деревянные части здания, с целью утепления – обшила кошкой косяки и купол собора. Плотники же возвели леса, специально предназначенные для установки крестов на главном и четырех малых куполах и колокольне храма, а также внутренние леса для работы художников. Искуснейшим из шести мастеров бригады в процессе работы был признан Тимофей Тельминов. Все кровельные работы на строительстве собора были произведены кровельщиком Михаилом Орябинским. Екатеринбургский купец Александр Петрович Кожевников выполнил заказ на изготовление кованных крестов и позолоченных главок, которые были установлены на здании 23 марта 1897 г.; все прочие кузнечные работы в процессе сооружения храма выполнил “кузнечных дел мастер” Семен Иванов. Стекольщик и маляр Еремей Русанов в одиночку застеклил и окрасил переплеты всех окон собора. Сохранились имена и некоторых рядовых участников строительного предприятия, таких, как: “слесарный мастер Василий Кликушин, просевальщик Михаил Чирков, водовоз Елизар Власов, пильщики Кирилл Мещеряков и Эрнест Юргенсон, возчики Казанцев, Грязнов, Букреев, Мацко”. Для окраски храма у крестьянина Малочусовской волости Курганского округа Александра Павловича Колпакова было закуплено 128 пудов конопляного масла для сухих красок. Краски – более 20 цветов и оттенков – поставил в Омск из Самары Торговый дом “Кирьянов и Сенаторов”. Окраску же фасадов соборного здания осуществила бригада Тимофея Синицына в составе пяти мастеров. Созданная ими причудливая цветовая композиция придала главной городской постройке декоративно-яркий, празднично-торжественный вид.

4 апреля 1897 г. с купцом А.П. Кожевниковым дополнительно был заключен договор на изготовление соборного иконостаса. К концу года иконостас, иконы для которого принял предложение написать московский иконописец Софонов, был сооружен. Все живописные работы, помимо иконостаса, в интерьере храма выполнил художник Емцов, в экстерьере – художник Дмитрий Лонгович Мирошниченко: его кисти принадлежали наружные, символически главные иконы собора – “Успение Божией Матери” и “Пресвятая Троица”. Помимо самого факта участия в создании художественного убранства Омского собора высококвалифицированных и авторитетных мастеров живописи и иконописи, немаловажным представляется и то обстоятельство, что при росписи собора использовались наиболее качественные материалы – краски и кисти, выписанные из специализированного магазина “Принадлежности живописи” купца Надеждина в Москве; это свидетельствует о не меньшей профессио-

нальной ответственности иконописцев и художников, нежели была проявлена прочими участниками соборного строительства в г. Омске.

14 октября 1897 г., на завершающей стадии сооружения храма, должность начальника строительства, до этого времени занимавшуюся инженером К.А. Лешевичем, по совместительству занял вновь назначенный акмолинским областным инженером Андрей Самуилович Эйнарвич.

Предприятие подходило к концу, но в фонд Строительного комитета в г. Омске продолжали поступать пожертвования. *В начале 1898 г. на завершение храмостроительства 5000 руб. пожаловал не оставлявший вниманием это значительное общественное дело Государь Император Николай II*; пожертвованная сумма, по воле Монарха, была выделена из 50000 руб., ежегодно ассигновавшихся в распоряжение Его Величества Государственным Казначейством. Вслед за этим – в марте 1898 г. – в Канцелярию степного генерал-губернатора для передачи в Омский собор был переслан “один из пожертвованных (на нужды Русской Православной Церкви) отставным поручиком Иваном Коваленским 5-ти комплектов высокоценной напрестольной утвари”, заключавший в себе: “напрестольное евангелие, дарохранильницу, дароносицу, потир, дискос, звездицу, лжицу, копие, две тарелочки, ковшичек и напрестольный крест”.

Бескорыстная материальная поддержка строительства не прекращалась, и благодаря именно ей проект Омского собора, созданный в мастерской столичного архитектора, без непосредственного знакомления автора с местными условиями, мог быть осуществлен полностью, вплоть до наиболее совершенного, по тому времени, технического оборудования здания храма, – к примеру, параллельного оснащения его системами печного и калориферного отопления, сооруженными мастерами Яковом и Изотом Максимовыми. Также благодаря общественной помощи храм был обеспечен колоколами. Из медного котла и 34 пудов медных гильз, собранных жителями области, – во Владимирской губернии, на предприятии “Товарищества Кольчугина” было отлито 9 разновеликих колоколов. В конце лета 1898 г. все колокола были подняты на собор.

9 сентября 1898 г. оконченный постройкой трехпрестольный соборный храм г. Омска был освящен, как и предполагалось: в главном престоле – во имя Успения Божией Матери; в южном престоле – “во имя Св. Николая, Мирликийского Чудотворца”; в северном престоле – “во имя Св. Равноапостольныя Марии Магдалины” и назначен кафедральным (главным) приходским храмом учрежденной в 1895 г. Омской епархии Русской Православной Церкви. В штатный состав причта нового кафедрального собора вошли: “кафедральный протоиерей, ключарь, два священника, протодиакон, два диакона, два иподиакона и два псаломщика, коим положено от казны жалования 4310 руб. в год, а именно: кафедральному протоиерею – 650 руб., ключарю – 550 руб., двум священникам и протодиакону по 450 руб., двум диаконам по 340 руб., двум иподиаконам по 300 руб. и двум псаломщикам по

240 руб. в год каждому”. В последующие годы церковному управлению Свято-Успенского кафедрального собора были подчинены: “приписная Кладбищенская церковь на Шепелевском городском кладбище, зданием каменная, с одним престолом во имя Преподобного Павла, Комельского Чудотворца, построенная на средства чиновнической вдовы Бобровой и на пожертвования граждан г. Омска в 1902 г.”; “каменная часовня на базарной площади, построенная в 1867 г. во имя Иверския [Иконы] Божией Матери и Преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца”; церковно-приходская школа, разместившаяся “в собственном доме” и получающая из казны собора ежегодное содержание в размере 180 руб., и “2 приходских училища”.

В день освящения нового кафедрального храма с речью к прихожанам, – а их насчитывалось более 1000 человек, – ко всей многочисленной православной пастве, собравшейся на торжество, обратился епархиальный архиерей:

“Слава и благодарение Вседержителю нашему: сегодня благодатию все-святого и животворящего Его Духа освящен... сей новый и благолепный храм. С нынешнего дня он становится жилищем невместимого Бога, пристанищем спасения, училищем благочестия, преддверием Храма Небесного, Нерукотворенного!..

Приидите, благочестивые слушатели, и поучимся, для чего воздвигаем мы благолепные храмы Божии...

Храмы Божии создаются для двух целей: для приношения молитв и для нашего научения; они должны служить нам домами молитвы и училищами благочестия”.

“Видишь, христианин! Можно ли уметь жить хорошо, счастливо и добродетельно, не ходивши в сие училище, не учившись сему в святом храме Божием? Поистине, храм Божий есть первая и главнейшая школа жизни!”.

III.5. Основные выводы

1. Общей причиной создания в центрах исторических городов Сибири в 40-х – 90-х гг. XIX века монументальной архитектуры православных кафедральных соборов явилась объективная потребность различных слоев местного православного населения в формировании нового масштаба и новой эстетики главных национально-религиозных, национально-культурных символов регионов. Основным поводом к началу крупномасштабного храмостроительства в каждом случае послужило несоответствие важнейших функциональных характеристик зданий действовавших православных храмов аналогичного (гг. Томск, Иркутск) или подобного (гг. Омск, Красноярск) статуса, возведенных в XVIII – начале XIX века, – численности регулярно посещавшего их местного православного населения. Официально инициатива создания крупномасштабной архитектуры кафедральных соборов исходила либо от группы представителей местной общественности (гг. Красноярск, Иркутск), либо от

высших должностных лиц региональной церковной и военно-гражданской администрации (гг. Омск, Томск).

2. Значительный материальный фонд предприятий по строительству кафедральных соборов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске складывался, в основном, из добровольных взносов и пожертвований (как денежных, так и натуральных) со стороны местных и иногородних частных лиц и частных торгово-промышленных организаций. Доля средств, отпущенных на цели храмо-строительства по соответствующим статьям бюджета Святейшего Синода Русской Православной Церкви, в общем объеме расходов на постройку, оснащение и оформление храмов осталась крайне незначительной. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что православные кафедральные соборы, сооруженные в крупнейших городах Сибири во второй половине XIX века, были созданы на общественные – “народные” – средства.

3. Пространственное (как стратегическое, так и ситуационное) определение крупномасштабных зданий православных кафедральных соборов в рамках архитектурно-планировочных структур гг. Омска, Томска, Красноярска, Иркутска происходило: в единстве с градостроительным решением, содержащимся в городском генеральном плане первой трети XIX века (гг. Томск, Красноярск); в принципиальном соответствии такому решению (г. Иркутск); на основании проектного варианта, возникшего в результате позднейшей доработки принятого к реализации генерального плана первой трети XIX века (г. Омск).

4. Авторство по проектам зданий православных кафедральных соборов в центрах крупнейших городов Сибири принадлежало профессиональным архитекторам – известным мастерам-практикам русского зодчества: Константину Андреевичу Тону (Свято-Троицкий собор в г. Томске (при участии А.П. Деева и В.В. Хабарова); Богородице-Рождественский собор в г. Красноярске (при участии Я.М. Набалова); Владиславу Андреевичу Кудельскому, барону Генриху Владимировичу Розену (Казанский собор в г. Иркутске (при участии М.Н. Огонь-Догановского); Эрнесту Францевичу Вирриху (Свято-Успенский собор в г. Омске). При этом все проекты имели характер не типовых, но индивидуальных разработок, лишенных признаков адаптации творческого замысла автора к профессионально-техническим возможностям российской провинции, и были реализованы со значительной полнотой и точностью, с высоким техническим и эстетическим качеством.

5. Функции общей организации и руководства процессами сооружения православных кафедральных соборов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске выполнялись либо строительными “комитетами”, специально для этой цели созданными местным церковным начальством в лице епархиальных архиереев (гг. Омск, Иркутск) или инициативной группой попечителей (г. Томск), – либо практически единолично (г. Красноярск; купец С.Г. Щеголев).

Производство собственно строительных работ при возведении кафедральных храмов осуществлялось под руководством высококвалифицированных специалистов – профессиональных архитекторов и инженеров: К.А. Лешевича, А.С. Эйнарвича (г. Омск); А.П. Деева, Я.М. Набалова, В.В. Хабарова (г. Томск); Ле-Дантю, Я.М. Набалова (г. Красноярск); М.Н. Огонь-Догановского, барона Г.В. Розена (г. Иркутск), – имевших значительный опыт архитектурно-строительной практики, в том числе в сфере церковного строительства (А.П. Деев, Я.М. Набалов, барон Г.В. Розен); при этом управление строительным процессом могло сочетаться для специалиста с осуществлением авторского надзора (г. Иркутск; барон Г.В. Розен).

6. Специфика работ по реализации технически сложных и трудоемких проектов крупномасштабной архитектуры православных кафедральных соборов в городах Сибири во второй половине XIX века обусловила привлечение на строительство храмов значительного числа высококвалифицированных рабочих кадров (как местных, так и иногородних), объединенных в крупные профессиональные артели постоянного состава, а также создание или расширение местной базы промышленного производства важнейших строительных материалов (кирпича, цемента и пр.).

Помимо специалистов различных технико-строительных профессий (каменщиков, плотников, столяров, кузнецов, штукатуров-маляров, кровельщиков, стекольщиков и пр.), в создании экстерьеров и интерьеров зданий кафедральных соборов принимали участие профессиональные резчики, скульпторы (лепщики), живописцы и иконописцы, в число которых входили такие авторитетные мастера, как академик живописи А.Т. Марков, Д.Л. Мирошниченко, Софонов, Кронберг, Н.П. Попов и др.

7. Совокупная продолжительность общественных предприятий по сооружению православных кафедральных соборов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, – при их временном пересечении, – составила значительный отрезок времени (около 58 лет – с 1842 по 1900 г.), который, что представляется показательным, достаточно точно соответствовал периоду эклектики в развитии русской национальной культуры. При этом продолжительность процесса сооружения: Свято-Троицкого собора в г. Томске была наибольшей и составила 58 лет (с 1842 по 1900 г.); Казанского собора в г. Иркутске составила 44 года (с 1849 по 1894 г.); Свято-Успенского собора в г. Омске составила 19 лет (с 1879 по 1898 г.); Богородице-Рождественского собора в г. Красноярске составила 18 лет (с 1843 по 1861 г.).

Глава четвертая

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ АРХИТЕКТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ КРУПНЕЙШИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ СИБИРИ

IV.1. Градостроительные аспекты архитектуры православных кафедральных храмов Сибири второй половины XIX века

Новейшие исследования в области истории отечественной градостроительной культуры, проведенные, в частности, М.П. Кудрявцевым и о. Львом Лебедевым, выделяют три основных типа градостроительной композиции древнерусского города. К ним относятся: композиция, по форме приближающаяся к кругу, издревле у разных народов являвшемуся символом вечной жизни, вечного Царства Небесного; крестообразная градостроительная композиция, характерная для городов, где главным храмом служил собор, воздвигнутый во имя Спасителя или Матери Божией; треугольная композиция, отличающая города с главными соборными храмами во имя Пресвятой Троицы. Очевидно при этом, что универсальным центром – архитектурно-идеологической доминантой и организующим началом – для иерархических градостроительных систем всех перечисленных типов исторически являлся православный соборный храм.

Славяне-язычники Киевской Руси, поклоняясь почитавшемуся ими божееству – повелителю Вселенной Перуну, традиционно ставили его изображения на высоких, открытых местах: вершинах холмов, берегах рек и озер, – тем самым не только подчеркивая главное идейное значение кумира, но и определяя ему роль своеобразного композиционного центра в объемно-пространственных структурах своих поселений. Вполне возможно, что относительная “неразвитость общественного богослужения”, характеризовавшаяся длительным отсутствием у славян языческих “храмов и жрецов”, основным рукотворным религиозным символом в местах их обитания некогда делала именно символическое изображение божества (кумира, идола). Однако современные историко-археологические исследования свидетельствуют о создании славянами-язычниками и развитой *храмовой* культуры. Так, установлено, что крупный языческий храм (святилище, капище), периодически обновляясь и перестраиваясь по приказам племенных князей, на протяжении нескольких веков функционировал в композиционном центре древнего Киева. “Заняв Киевский престол в 980 г., (князь) Владимир в первую очередь обновил старое языческое капище города. В центре он воздвиг “княжеского” бога, бога грозы и военной доблести – “Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат”; таким образом, средоточием древней русской столицы стал крупнейший общеплеменной культовый (храмовый) центр.

Принятие Русью Христианства при князе Владимире Святославиче явилось началом повсеместного строительства христианских церквей и монастырей. Первые русские христианские храмы чаще всего сооружались на местах прежнего расположения языческих кумиров, становясь, таким образом, “главными композиционными доминантами древнерусских городов”. Сам князь Владимир “повеле рубити церкви и поставляти на местах, иде же стояху кумири”, воздвигнув на холме, где прежде стояли кумиры Перуна и прочих языческих богов, христианский храм Св. Василия.

Почти все церкви и монастыри Киева были поставлены на хорошо обзреваемых вершинах холмов и господствовали над окружающей их городской застройкой, организуя пространство и служа “своеобразными ориентирами, строившими силуэт города”. Первая крупная каменная христианская церковь – церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы (Десятинная) – была сооружена “за пределами старых укреплений и стала служить *центральной доминантой нового, более обширного города*, который приблизительно в то же время был построен Владимиром. Территория нового города достигала 10 га. *Перед Десятинной церковью была создана главная городская площадь...* (выделено мною. – А. Т.)”. Тринадцатиглавый Свято-Софийский собор Киева, возведенный в первой половине XI века (около 1037 г.), предположительно, на месте победы князя Ярослава I Мудрого над печенегами, – “благодаря нагорному расположению... был виден издалека” и, в полной мере господствуя над Киевом, в комплексе с церквами Святой Ирины и Святого Георгия стал новым композиционным центром кремля и города, украшением их “яко церковь дивна и славна”. (Здесь необходимо отметить следующее специфическое качество древнерусской христианской (православной) церковной архитектуры: формируя одну из ценнейших традиций национальной культуры, главные храмы древнерусских городов, подобные Софии Киевской (изначально имевшей статус *кафедрального* – архиерейского – собора), символически и функционально соответствовали не только церковным, но и *мемориальным* сооружениям, будучи воздвигнутыми национальным государством в память и прославление выдающихся исторических лиц и событий. Дополнительное и по существу неотделимое от собственно религиозного – мемориальное назначение церковного здания, в свою очередь, предполагало центральное местоположение его в градостроительной структуре древнерусского города, крупномасштабность объемов, подчиненных центрической композиции, многоглавие.) Возникнув как главный храм древнего Русского государства, “огромный пятинефный... с двойным рядом галерей и лестничными башнями, с 13-ю главами, освещающими хоры и образующими не имеющее аналогов сложное пирамидообразное увенчание всего [храмового] комплекса”, – киевский кафедральный собор во имя Святой Софии своим “художественным совершенством и индивидуальностью” доказал “творческую полноценность русской архитектуры” и, став выдающимся общекультурным явлением XI столетия, оказал существенное влияние на развитие всего русского церковного зодчества.

Первое отмеченное летописью строительное событие в истории Новгорода относится к 989 г., когда в связи с Крещением Русской земли в центре его детинца был возведен первый христианский храм – деревянный собор во имя Святой Софии “о тринадцати верхах”. К середине XI века Новгород представлял собою хорошо укрепленное поселение, сгруппировавшееся на невысоком холме вокруг детинца, “среди которого высился мощный пятиглавый Софийский собор”, сооруженный вместо сгоревшего одноименного храма в 1045 – 1052 гг., при князе Владимире Ярославиче. Спустя век, с застройкой правобережья р. Волхова в районе Ярославова дворища и сооружением через реку деревянного моста, Новгород приобрел характерную двухчастную структуру, однако, – несмотря на традиционно важное для города значение правобережного центра – Торговой (Вечевой) площади, – “архитектурным центром Новгорода... оставался кремль, и это вполне понятно, так как новгородский детинец вмещал в себя наиболее монументальные здания во главе с Софийским собором, о котором в народе говорили: “де София, ту и Новгород”.

В первые годы существования Москвы, еще при князе Юрии (Георгии) Долгоруком, “на самой возвышенной точке Боровицкого холма, в середине новой части города разместилась деревянная кладбищенская церковь”, на месте которой в 1326 г. митрополитом Петром был основан главный храм Москвы – каменный Свято-Успенский собор, положивший начало формированию архитектурно-пространственного ансамбля центральной – Соборной – площади кремля и города.

Подобное пространственное определение церковной архитектуры в структуре города было обусловлено как стремлением духовной и княжеской власти Древней Руси к уничтожению языческих символов, так и желанием – в дополнение к архитектурно-художественным (как правило, “обладая большими размерами (до 30 и даже 40 м в высоту), простыми и монументальными формами и, наконец, ярко выделяясь на фоне пепельно-серой деревянной застройки, храм превратился в решающий фактор городского ансамбля”) – пространственно-планировочными средствами иерархически выделить христианский храм как статичный стержневой центр, как идейно-символическое средоточие живущего и развивающегося русского города.

Помимо перечисленных выше, такие крупнейшие явления древнерусского церковного зодчества, как: Свято-Троицкий собор Пскова, заложенный в X веке; шестистолпный Свято-Успенский собор Владимира, построенный в 1158 – 1161 гг. попечением великого князя Андрея Юрьевича (Георгиевича) Боголюбского, – подобно Киевской Святой Софии, на протяжении веков служили средоточием разносторонней общественной жизни важнейших русских городов, а в плане градостроительном – композиционными центрами объемно-пространственной организации исторических ансамблей Пскова и Владимира, заложивших основы русской национальной градостроительной культуры, сыгравших “огромную роль в дальнейшем развитии и формировании архитектурного облика русских городов”.

Ключевое идейно-символическое значение русского православного храма, неизменно претендовавшего “на главное и самое людное место в городе”, его важнейшие архитектурно-художественные характеристики, как то: монументальность, центричность вертикальной композиции и связанная с нею кубическая форма основного объема, относительная равнозначность всех четырех фасадов, богатая наружная декорация, – обуславливали традиционность расположения его не только в композиционном центре города, но и на открытом, допускающем всесторонний обзор пространстве, то есть на площади. В свою очередь, поиск оптимального варианта размещения постройки в границах площади, как правило, приводил к постановке храма в ее геометрическом фокусе.

На площадь, в центре которой возвышался объем главного городского собора, “выходили наиболее важные здания и “сбегались” от крепостных ворот основные улицы. Эти улицы находили свое продолжение в главных магистралях города, благодаря чему устанавливалась планировочная связь кремля с посадами и складывалась радиально-концентрическая структура” городского плана, свойственная наибольшему числу исторических русских городов. Подобную планировочную организацию приобрела Москва; “совершенно отчетливую радиально-кольцевую структуру имеет левобережная часть Новгорода”; план “в виде веера улиц вокруг кремля” характерен для Переславля-Залесского, Ростова Великого, Пскова, Костромы и многих других городов России.

При широкомасштабной перепланировке русских городов в конце XVIII – первой половине XIX века, связанной с деятельностью под руководством И.И. Бецкого знаменитой “Комиссии о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы”, а позднее – с деятельностью экспертно-проектной градостроительной организации архитектора В.И. Гесте, важнейшей чертой предметного развития русского градостроительства явилось преимущественное использование авторами реконструкционных проектов “системы старых ориентиров” в архитектурно-планировочной структуре города. Таким образом, в подавляющем большинстве случаев новая система регулярного плана сохранила ориентацию “на кремль, либо монастырский, крепостной или соборный комплекс”, соответствующие историческому композиционно-сакральному центру города с его символическим архитектурно-пространственным ядром – главной площадью и стоящим на ней зданием главного городского храма. Причем русские градостроители, стремясь сохранить “национальные особенности городов, шли порой вразрез с законами классики”.

В тех же регулярных планах, где были намечены новые общегородские центры, формирование последних предполагалось, как правило, вдоль границ вновь образуемой центральной площади с расположенным на ней объемом главного городского собора. Подобное решение соответствовало выработанным к концу XVIII столетия градостроительным требованиям функциональной специализации и иерархии городских площадей в системе генерального плана,

согласно которым главной площадью русского города практически всегда становилась именно соборная. Православный храм, в сохранение многовековой традиции, возводился в середине обширного пространства площади, “так как в отношении главного культового здания города особенно соблюдались указания, изложенные в “Наставлении о строении церквей”: “...правилами постановлено: церквей не должно помещать в местах тесных, где бывают окружены другими строениями и через то уничтожается все действие, какое должно производить величественное здание; площадь и вообще места пространственные, открытые и возвышенные, всего способнее к тому, дабы церкви казались величественнее других окружающих их зданий”.

Важно отметить, что при проектировании новых городских центров архитектурно-градостроительное, – а в неразрывной взаимосвязи с ним – и идейно(религиозно)-символическое, – значение главных соборных зданий резко возросло как в связи со строгой композиционностью классицистически регулярной и статичной планировочной схемы, не стесненной уже сложившейся градостроительной средой, так и в связи с ярко выраженной – по отношению к общегородской планировке и застройке – крупномасштабностью классицистического ансамбля центра, в системе которого высотный и массивный объем проектируемого собора сохранял безусловную доминантность.

В первой половине XIX столетия, в русле общероссийского прогрессивного развития, происходит коренное преобразование государственно-политического, религиозного, экономического, социокультурного, архитектурно-градостроительного статуса таких исторических центров Сибири, как города Омск, Томск, Красноярск, Иркутск.

Общегосударственные и региональные административно-территориальные реформы конца XVIII – первой четверти XIX века вывели перечисленные города на первое место в Сибири в качестве центров государственного управления. Так, ранг главного города обширнейшей губернии еще в XVIII веке приобрел г. Иркутск; в 1804 г. центром вновь образованной Томской губернии становится г. Томск; в 1822 г., на заключительном этапе преобразования административно-территориальной системы Сибири, проводившегося М.М. Сперанским, статус губернского центра (для Енисейской губернии) получает г. Красноярск, областного центра (для Акмолинской области) – г. Омск.

В непосредственной связи с изменением административного статуса названных городов происходит усиление их роли в системе военно-территориального устройства Сибири, – что в первую очередь характерно для г. Омска, вплоть до середины XIX века сохранявшего значение одного из основных военно-оборонительных пунктов (крепостей) на южных границах России. Несколько позднее, – в процессе реорганизации системы управления Вооруженными Силами Российской Империи, поэтапно осуществлявшейся в рамках общей государственной военной реформы в 60-е – 80-е гг. XIX века, – гг. Омск и Иркутск становятся центрами отдельных (крупнейших территори-

ально) военных округов, – соответственно, Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского, – с постоянным пребыванием в них крупных гарнизонов, а гг. Томск и Красноярск, в военном отношении, вошли в состав данных образований в качестве окружных городов.

Еще в первой половине XVII века – в 1620 г. – на обширнейших российских территориях к востоку от Урала было учреждено отдельное епархиальное управление Русской Православной Церкви; центром (кафедральным городом) Сибирской (Тобольской) епархии стал г. Тобольск. С этого времени “более столетия... вся Сибирь входила в состав одной епархии, территория которой с запада на восток простиралась от Урала до Великого Океана с Камчаткой, а с севера на юг от берегов Ледовитого Океана – по линии Обдорск – Нижне-Калымск – до Усть-Каменогорска, Кузнецка, Селенгинска и Албазина. Само собой понятно, что управление епархией в таких пределах, хотя мало населенной и с незначительным числом церквей, но с множеством монастырей, представлялось невозможным для одного архиерея, как бы он ни был деятелен и подвижен. При этом нужно иметь в виду, что на сибирского архиерея возлагались исключительные и сложные обязанности поднимать умственный и нравственный уровень духовенства и паствы, приводить ко Христу десятки тысяч сибирских инородцев, строить для них храмы, подыскивать духовенство...”.

Начало практического преобразования единой Сибирской православной митрополии в совокупность епархиальных институтов было положено в 1706 г., когда бывший в Москве “по делам управления и на погребении царевны Татьяны Михайловны” митрополит Тобольский Филофей смог лично исходатайствовать “себе помощника или викария в лице архимандрита Варлаама (Коссовского), привезенного... в Сибирь из Киева, где он был наместником Пустынно-Николаевского монастыря. 15 дек[абря] 1706 г. Варлаам был хиротонисан с титулом [епископа] Иркутского и Нерчинского” и получил назначение на жительство в г. Иркутск. В состав первого сибирского викариатства вошли: “города Иркутск и Нерчинск, пригороды – Селенгинск и Верхнеудинск (Удинск) с их уездами, да монастыри: иркутские – мужской Вознесенский и женский Знаменский, нерчинский Успенский и посольский Преображенский”. Двадцатью годами позднее, после утверждения Святейшим Синодом Русской Православной Церкви 15 января 1727 г. “определения”, а 21 января того же года – указа о назначении викарного епископа Иннокентия “самостоятельным епископом Иркутским и Нерчинским”, г. Иркутск стал отдельным центром духовной администрации восточно-сибирского региона – в границах новообразованной Иркутской епархии, включившей в свой состав все “города, монастыри и церкви прежнего викариатства”.

С 1834 г. статусом самостоятельного епархиального центра обладал и г. Томск.

Начавшаяся в первой трети XIX века в Томской и Енисейской губерниях промышленная разработка месторождений золота резко повысила экономическое значение гг. Томска и Красноярска. За счет строительства предприятий

мануфактурного типа в это же время наблюдается быстрый промышленный рост г. Иркутска. Экономическое развитие Омска происходит гораздо медленнее, так как областной город, теряя в этот период прежнее военно-стратегическое значение, сохраняет – в качестве основной – функцию регионального центра военно-гражданского управления. При наличии нескольких казенных промышленных предприятий, основу местной экономики составляют извозные подряды, связанные с военными заказами, и оптовая торговля “сплавным лесом и закупленным в степях скотом”.

Социально-политическое и экономическое развитие исторических центров Сибири в первой половине XIX века сказывается на количественном росте их населения. Нагляднее всего этот процесс виден на примере г. Томска, где в период с 1810 по 1851 г. население увеличилось почти в 3 раза и составило 13513 человек. В г. Красноярске в 1830 г. постоянно проживало около 5000 человек, при этом число жителей быстро возрастало. К 1857 г. население г. Иркутска составляло более 18000 человек, а в г. Омске, по данным на май 1839 г., насчитывалось 11713 жителей, причем “80 % мужского населения были военнослужащие”. Необходимо отметить, что *подавляющее большинство населения перечисленных центров Сибири, – в том числе и этнически крайне разнородного Омска, – по вероисповеданию было православным.*

Одновременно с количественным ростом происходит существенное повышение образовательного и культурного уровня населения городов Омска, Томска, Красноярска, Иркутска. При отсутствии учреждений высшей школы в первой половине XIX века здесь формируется система начального и “средне-специального” (среднего профессионального) образования.

На фоне общего социального развития в указанный период наблюдаются значительные изменения в архитектурно-градостроительном облике исторических центров Сибири. К концу первой четверти XIX столетия уже на протяжении полувека большинство мероприятий по планировке и застройке этих городов проводится на основе перспективных регулярных планов, составленных в процессе деятельности “Комиссии о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы”. За счет освоения новых площадей происходит масштабный территориальный рост городов Омска, Томска, Красноярска, Иркутска. В той или иной мере, процесс перепланировки и архитектурной перестройки затрагивает сложившиеся структуры городов, в первую очередь районы общегородских центров. При этом, однако, развитие центральных зон *в целом* осуществляется на уже заданной архитектурно-планировочной основе, без принципиального изменения ее, – что наиболее характерно для городов Томска, Красноярска, Иркутска.

Новые регулярные планы, исходя из имеющейся градостроительной ситуации, предусматривают дальнейший значительный рост городских территорий Омска, Томска, Красноярска, Иркутска, а также общую реорганизацию их планировочных структур. Последнее прежде всего выражается в пространственном определении городских центров, которые радикально изменяют свое

местоположение. Так, центральный ансамбль г. Томска теперь проектируется в южной части города – на Юрточной горе; по оси главной улицы – к западу, в район прежней проектной границы городской территории, перемещается центр г. Красноярска; в глубь левого берега р. Оми, в пустынный район между Ильинским форштадтом и Казачьей слободой, переносится центр г. Омска; в 1870-е гг., в связи с созданием – на базе новых редакций городского генерального плана, осуществленных в 1860 и 1870 гг., – в нагорной части эспланады упраздненной Омской крепости главной рыночной площади города, переместившейся с левобережья Оми, из районов Ильинского и Мокринского форштадтов, центр городской торговли, – а также в связи с последовавшей за этим застройкой территории крепостной эспланады крупнообъемными зданиями общеобразовательных и общественных учреждений (мужской и женской гимназий, женского пансиона, центральной фельдшерской школы, городского театра; по проектам архитектора Э.И. Эзета – “активного строителя Омска семидесятых годов XIX столетия”), – общегородской центр Омска начинает формироваться в совершенно иной зоне – в глубине правого берега р. Оми. Общегородской центр Иркутска хотя и не подвергается переносу в рамках исторически сложившейся планировочной структуры города, но подлежит внутренней реорганизации и значительному укрупнению. При этом характерным для всех перечисленных городов является намеченное их перспективными планами формирование композиционно-смыслового ядра городского центра в виде регулярной объемно-пространственной композиции, состоящей из многофункциональной площади (системы площадей), прилегающей к ней крупномасштабной каменной застройки и объема главного городского храма, служащего доминантой архитектурно-градостроительного ансамбля центра и города в целом.

Принцип регулярности планировки, формально характеризовавший все русское градостроительство рассматриваемой эпохи и получивший дальнейшее развитие в городских планах Омска, Томска, Красноярска, Иркутска первой трети XIX века, определил стремление новых проектов к максимально возможной композиционной целостности и, соответственно, отчетливо выраженную зависимость всей структуры города от особенностей решения идеи общегородского центра. Пространственно-композиционные, масштабные, архитектурно-стилевые характеристики центрального ансамбля, заложенные в его композиционно-смысловом ядре – комплексе соборной площади во главе с доминантным объемом главного городского храма, – оказывали непосредственное влияние на характер планировки и застройки всей городской территории, формировали облик города в целом.

В исторических условиях, когда универсальная (наднациональная) идеология классицистической культуры, столь широко воспринятая пореформенной Россией XVIII века и в течение жизни нескольких поколений, казалось бы, необратимо изменившая ее, начала катастрофически быстро терять устойчивость на русской почве, – ибо “в интерпретации николаевского времени госу-

дарственная идея предстает выражением народности и национальности, а национальное возрождение последовательнее и ярче всего выражает себя как религиозное возрождение”, – в этих условиях появление во главе вновь проектируемых градостроительных композиций именно храмовых построек, связанное с многовековой – корнями уходящей еще в дохристианскую эпоху – основополагающей традицией русской национальной градостроительной культуры, определяющей центральную роль православно-церковной архитектуры в иерархической организации планировки и застройки русских поселений, было более чем закономерным. Проявившееся в России первой трети XIX века в качестве значимой социокультурной потребности и поддержанное государственной политикой возвращение к полноте традиционного понимания (и еще важнее – *ощущения*) главенства не утилитарной, – хотя бы и на уровне рационалистических интересов государства, – но высшей – *духовной* – сущности русского города, в основе построения которого исторически “лежал универсальный для всего средневекового мировоззрения и общественного устройства принцип иерархии”, исходящий от идеальной иерархической структуры образа Горнего Мира – христианского Царствия Божия (*Небесного Града*), – на новой ступени “технического” развития восстановило формирование “неоднородной, проникнутой внутренней динамикой восхождения по степени совершенства от низшего к высшему, от менее ценного и, соответственно, менее организованного к относительно более значительному, упорядоченному, капитальному и эстетически полноценному” городской ткани.

Таким образом, становится очевидным, что отнюдь не случайным стечением обстоятельств, складывавшихся в процессе градостроительной реконструкции городов Сибири в середине – второй половине XIX века, но – содержанием, *идеологией* стратегической государственной политики Российской Империи в области градостроительства, в ходе осуществления которой были выполнены сотни проектов долгосрочного архитектурно-планировочного развития русских городов, – зданиям православных кафедральных соборов в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске была определена главная градоформирующая роль. В соответствии с этой ролью, новые соборные постройки, призванные увенчать собою архитектурно-планировочные ансамбли исторических русских городов, приобретали значение не последних – пусть и наиболее выразительных – элементов, внедренных в практически уже сложившиеся композиции, но – активно формирующих эти системы *архитектурно-символических первооснов*.

Если же, опираясь на данное заключение, принять во внимание тот факт, что политика, в XIX веке проводившаяся Русским государством в столь важной сфере национальной жизни, как градостроительная и в целом городская культура, являла собою пример гармонического взаимодействия интересов государственной власти с интересами Русской Православной Церкви и интересами общества, – следует сделать вывод о том, что как бы сама логика исторического развития крупнейших русских городов Сибири привела к сооружению

в середине – второй половине XIX века в их общегородских центрах крупномасштабных зданий православных кафедральных храмов.

Итак, местоположение зданий кафедральных соборов: Успения Божией Матери – в г. Омске; Пресвятой Троицы – в г. Томске; Рождества Пресвятой Богородицы – в г. Красноярске; Казанской Иконы Божией Матери – в г. Иркутске, – выступивших в качестве композиционных доминант архитектурно-планировочных ансамблей новых общегородских центров, – было обусловлено проектными решениями, содержащимися в перспективных планах градостроительного развития крупнейших городов Сибири. В связи с этим, местом строительства Свято-Успенского кафедрального собора явилась граничащая с эспланадой бывшей Омской крепости территория городской роши; в южной части г. Томска – на территории Юрточной горы, примыкающей к главной городской (Почтамтской) улице, был размещен Свято-Троицкий кафедральный собор; на оси центральной (Воскресенской) улицы г. Красноярска, в районе прежней (1798 г.) проектной границы города, было отведено место под строительство Богородице-Рождественского кафедрального собора; на территории Таможенной площади, в середине перпендикуляра, проходящего от гостинодворской постройки к берегу р. Ангары, был поставлен Казанский кафедральный собор г. Иркутска. Процессы сооружения храмов не были синхронными, однако все соборные здания возводились на свободных пространствах малоосвоенной периферийной (гг. Омск, Томск, Красноярск) или же очищенной от устаревшей хаотичной застройки центральной (г. Иркутск) зоны городской территории, которая лишь в перспективе – в результате поэтапной архитектурно-планировочной организации – должна была быть преобразована в территорию нового центра общегородского значения и как части его – ансамбля главной городской (соборной) площади.

Весьма важным аспектом градостроительной характеристики исследуемых соборных зданий является их пространственная ориентация. В русском храмостроении, строго регулировавшемся императивами православно-церковных канонов, этот фактор имел определяющее влияние как на размещение самой церковной постройки, так и на формирование окружающей ее архитектурно-планировочной структуры-среды. В соответствии с непреложным для русских православных церквей религиозным канонам, объемы Свято-Успенского, Свято-Троицкого, Богородице-Рождественского, Казанского кафедральных соборов в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске были прикреплены к пространственной оси “восток – запад”, с расположением главного входа на западной, а алтаря – на восточной стороне храма.

Важно отметить, что подобным характером канонической пространственной ориентации архитектуры русских православных храмов, обусловленной структурно-смысловыми особенностями организации их внутреннего сакрального пространства, объясняется то обстоятельство, что, хотя “на первый взгляд, кажется несомненным, что центральный объект города – храм должен был ставиться в самой его середине”, в действительности (наглядным приме-

ром которой могут служить исторические архитектурно-градостроительные системы крупнейших городов Сибири) иерархически выстраиваемый русский “город, как и жилая усадьба, мыслился не абсолютно центричным, не равнозначным со всех сторон, у него был перед, лицевая сторона, боковые стороны и задняя сторона. Передний участок должен был выдаваться вперед и в плане, и в вертикальном разрезе”, и именно он, зачастую примыкавший к линии берегового обрыва, – не только не теряя при этом своего потенциала в качестве общегородского центра, но и увеличивая его, – отводился под постройку главного городского храма.

IV.2. Архитектурно-художественная культура крупнейших православных храмов Сибири

Период проектирования и строительства крупномасштабных зданий православных кафедральных соборов в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске (40-е – 90-е гг. XIX века) соответствовал стадии стилистической *эklekтики* в эволюционном развитии русского зодчества (в хронологических и смысловых границах которой автор считает правомерным рассматривать и вызывающие большой интерес современных исследователей *романтические* тенденции в русской культуре первой половины XIX столетия). Зародившись в недрах столь мощного и целостного стилевого направления, как русский классицизм, который “вплоть до последних своих образцов, которые завершались уже в середине 1830-х годов... не утратил ни своих художественных качеств, ни формальной выразительности”, – архитектурная *эklekтика* явила собою масштабную совокупность разнообразно-изменяемых стилей, “гибкость, подвижность, мобильность форм” которой пришли на смену устойчивым и жестким канонам классицистической эстетики. В новом течении “заимствование отдельных форм” и “вторичность архитектурного образа” расценивались как преимущества. “Это не значит, что поощрялись только буквальные копии с памятников разных эпох. Напротив, как никогда стала цениться творческая фантазия зодчего, его умение из определенных форм создавать бесконечные варианты еще небывалых сочетаний, оригинальных композиций, находя все новые и новые источники декоративных мотивов, трансформированных в соответствии с новыми задачами. Это действенное отношение к архитектурному наследию было одной из характернейших черт в творчестве архитектора-*эklekтика*, сознательно демонстрирующего декоративные возможности старых форм в связи с новыми масштабами и новой структурой современных зданий...”.

Эклектичность русской архитектуры середины – второй половины XIX века выразилась не только в ее впечатляющем стилевом разнообразии, но и, – что особенно важно, – в отсутствии стилевой “чистоты”. Переключки идей и приемов в творчестве тех или иных мастеров позволяет говорить лишь о *про-*

явлении черт определенного архитектурно-художественного стиля, – положим, “византийского”, “русского”, “готического”, – однако о “чистоте”, то есть о законченности, сформированности его как *гармонически сложной и устойчивой системы*, допустимо судить лишь в рамках деятельности каждого конкретного автора, и то рискуя подобной оценкой, с одной стороны, превысить реальный уровень развития оригинальной системы стиля, с другой стороны, схематизировать и тем самым исказить представление о широте и качестве авторских поисков.

Первые проявления феномена русской архитектурно-художественной эклектики как движения “за возрождение национальности в искусстве”, к отчетливым свидетельствам формирования которого, по мнению Е.И. Кириченко, следует отнести отдельные произведения, созданные в контексте русской барочной архитектуры середины XVIII века, вероятно, есть основания связывать с еще более отдаленной эпохой в развитии отечественной культуры, а именно – с первой третью XVIII столетия, то есть с эпохой культуры “петровского барокко”. Ряд не только значительных, но и выдающихся произведений русской архитектуры, хронологически и исторически принадлежащих царствованию Государя Петра Великого и созданных отнюдь не на территории закономерно инертной по отношению к “европеизированной” культуре Нового времени патриархальной Москвы, а на впервые осваиваемых землях новой (заложенной в 1703 г.) всероссийской столицы – Санкт-Петербурга, был отмечен очевидным заимствованием уникальных структурных, композиционных и декоративных особенностей национальной русской архитектуры Средневековья. Подтверждением данного мнения могут служить, прежде всего, такие общеизвестные примеры из профессионально-творческой практики выдающихся зодчих России первых десятилетий XVIII века, как петербургская архитектура зданий: Кунсткамеры (1718 – 1734 гг.; архитекторы Г.И. Маттарнови, Н.Ф. Гербель, Г. Киавери, М.Г. Земцов): в структуре и силуэте центрически объединяющей крылья здания Кунсткамеры четырехъярусной башни “отчетливо проявляется преемственность традиционных ступенчатых многоярусных строений Москвы конца XVII в.” – и православной церкви во имя Святых Симеона и Анны (1731 – 1734 гг.; архитектор М.Г. Земцов): в этом случае “шестиколонное пространство храма с одним куполом на барабане воплощает композиционные приемы русского храмостроения, сочетающиеся с элементами ордерной системы и со шпилевидным завершением колокольни – архитектурной традицией, сформировавшейся в петровском Петербурге”.

Основываясь на данных рассуждениях, едва ли возможно согласиться с авторитетным мнением Е.И. Кириченко о том, что в истории русской архитектуры был период, – пусть и “очень короткого времени – петровского царствования”, – когда передовая (столичная) архитектура России и духом, и формой полностью соответствовала “установке на общечеловеческое и общеевропейское”, – тем более, что, – как замечательно верно высказывается сам уважаемый автор приведенного мнения, – формировавшиеся в то же время “градо-

строительная концепция Петербурга, его уникальная пространственно-планировочная структура и характерное для него чувство пространственной широты остаются удивительно русскими”. Закономерным, ввиду вышеизложенного, будет предположение о том, что естественное идейно-творческое противодействие практике тотальной искусственной европеизации русской культуры возникло со стороны лучших ее представителей практически немедленно после внедрения этой практики в жизнь русского общества, то есть именно в период правления Государя Петра I. (Здесь необходимо уточнить следующее. Политическая практика по существу едва ли когда может быть эквивалентной политической программе и, тем более, политической идеологии, – чаще всего практика грубо схематизирует и искажает теорию. В связи с этим, отстаиваемая в настоящей работе реальность сложного формального и содержательного многообразия русской архитектуры эпохи Петровских реформ может в определенной мере свидетельствовать о том, что и практическое осуществление грандиозных преобразовательных программ Петра I (не говоря уже о подлинных духе и букве этих планов), в частности программы культурной европеизации России, в действительности не было в той степени отмечено негативными чертами и последствиями, как это зачастую представляется тенденциозной критикой деятельности Императора Петра Великого.)

Несмотря на столь раннее проявление в ряде крупных произведений отечественной архитектуры Нового времени, на протяжении века – вплоть до второй половины 20-х гг. XIX столетия – национальное направление в русской архитектуре оставалось неофициальным, то есть не признанным как государственной властью, так и, – что первостепенно важно, – общественным сознанием в качестве идейно и эстетически преимущественного, преобладающего направления, уступая свое историческое место в рамках национальной культуры явлению не национальной, но – универсальной, то есть общеевропейской и даже общечеловеческой, “природы”: классицистической архитектуре. В связи с этим, в целом осуществившийся к середине XIX века выход русской архитектурно-художественной культуры за пределы жесткой, устойчивой классицистической системы следует рассматривать как реализацию осознанной и, более того, – выстраданной потребности просвещенных слоев русского общества (прежде всего – в лице представителей высших кругов церковного и светского государственного управления, деятелей культуры и искусства) в переориентации на изучение и творческое освоение собственной – национальной – архитектурно-художественной традиции.

Проблема изучения национального направления в русской архитектурно-художественной эклектике 1830-х – 1910-х гг., несмотря на, казалось бы, должное внимание к ней ведущих отечественных специалистов в сфере архитектуроведческой науки, и сегодня, на рубеже XXI века, остается весьма далекой от принципиального решения. Более того, по мере отхода исследователей от достаточно устойчивых стереотипов в характеристике и оценках наследия русской культуры, сложившихся в советскую эпоху, значимость ука-

занной научной проблемы осознается все отчетливее и полнее, а это, в свою очередь, делает все менее удовлетворительным тот исследовательский опыт, который накоплен к настоящему времени.

В просвещенном сознании современников национальное направление в русской архитектуре XIX века, значение идейной и эстетической основы которой вновь, как и в эпоху средневековья, приобретало храмовое зодчество, способное “в одном произведении выразить во всей полноте народную национальную идею”, связывается, в первую очередь, с личностью и творческим наследием архитектора Константина Андреевича Тона. Связь эта закономерна, так как именно К.А. Тон, уступая первенство в реализации идей сочетания мощной классицистической традиции с фундаментальной традицией русской национальной архитектуры – “ветеранам петербургского классицизма” во главе с В.П. Стасовым, своим творчеством наиболее выразительно, отчетливо и масштабно формировал национальную архитектурно-художественную стилистику, способствуя утверждению ее в качестве определяющего явления постклассицистической архитектуры России.

Феномен так называемого “первого тоновского” стиля, рождением которого стало проектирование (1830 г.) и строительство церкви во имя Святой Великомученицы Екатерины у Калинкина моста в Санкт-Петербурге, а апогеем – создание величественного Храма-Памятника во имя Христа Спасителя в Москве, характерен сплавом разнообразных и неравнозначных черт классицистической, древнерусской и византийской православно-церковной архитектуры, – как вполне конкретно, так и едва уловимо, в форме отдаленных реминисценций, проявляющим сходство пятикупольных центричных тоновских храмов с соборной архитектурой Византии, памятниками московского церковного зодчества XV – XVI веков и знаменитыми русскими барочными храмами середины XVIII столетия. Данные особенности, при задаче определить национальное направление в русской архитектуре XIX века именно как направление, то есть как систему многостилья, позволяют условно обозначить явление “первого тоновского” стиля в православно-церковном зодчестве в качестве феномена стиля “русско-византийского”.

Углубленное изучение К.А. Тоном памятников древнерусского церковного зодчества, все возрастающий интерес мастера к его уникальным, то есть собственно национальным, чертам легли в основу формирования новой творческой системы архитектора – так называемого “второго тоновского” стиля, введенного в широкую авторскую практику в конце 1830-х гг. созданием проекта надвратной церкви во имя Святых Мучеников Хрисанфа и Дарьи для костромского Ипатьевского монастыря. Полноценным и наиболее характерным результатом творческой интерпретации К.А. Тоном своеобразия максимально дистанцировавшейся от исходной византийской традиции русской православно-церковной архитектуры XVI – XVII веков явился многоглавый шатровый храм, представленный вертикальной центрической композицией основного объема и сочлененным с нею по оси “запад – восток” объемом ярусной шатро-

вой колокольни. В связи с этим, как компонент национального направления в отечественной архитектуре XIX столетия “второй тоновский” стиль может быть в достаточной степени корректно определен как стиль “русский”.

Более позднему периоду профессиональной деятельности архитектора К.А. Тона принадлежит его авторство по проекту (до 1854 г.) православного соборного храма во имя Святого Равноапостольного Великого Князя Владимира (знаменитого Храма Адмиралов) в Севастополе. Как факт творческой биографии мастера данное произведение позволяет говорить и о феномене “третьего тоновского” архитектурно-художественного стиля, ставшего авторским вариантом трактовки традиционных форм византийской православной церковной архитектуры и, очевидно, подобно двум предыдущим стилевым системам, созданным К.А. Тоном, заложившего основу “византийского” стиля в русском храмовом зодчестве в целом. И, действительно, Свято-Владимирский собор в Севастополе “вполне отвечает определению “византийский”. Это восьмиугольный в плане храм; к граням основного объема примыкают апсида, капеллы и двухъярусная паперть. Купол-шлем, опирающийся на характерные полукружия, завершающие барабан, рисунок тройных арок паперти и окон... форма капителей явно адресуют зрителя к византийским образцам, которые Тон, видимо, специально изучает в связи с этой работой”.

Таким образом, движение “за национальную самобытность” в русской архитектуре и культуре в целом, приобретшее официальную поддержку после утверждения в качестве руководящей основы жизнедеятельности власти и общества национальной идеологической концепции (“Православие, Самодержавие и Народность”), уже в середине XIX века привело к формированию основных черт трех родственных, активно взаимодействовавших друг с другом и, таким образом, складывающихся в своеобразную триединую систему “исторических” (национальных) архитектурно-художественных стилей: “византийского”, “русско-византийского”, “русского”, – которые в дальнейшем в естественном развитии преодолели рамки индивидуального творчества и как масштабные явления культуры активно функционировали вплоть до второй половины 10-х гг. XX столетия – рубежа исторического бытия Национальной России.

По ряду характерных признаков именно к этой оригинальной стилевой системе следует отнести архитектурно-художественный строй крупномасштабных православных кафедральных храмов Сибири.

Победоносное завершение кампании 1812 года и последовавший за этим разгром наполеоновской Франции, ставшие, безусловно, важнейшими – поворотными – событиями в русской и общеевропейской истории XIX века, – объективно способствовали новому, масштабному проявлению тех идей и взглядов, которые, как уже было отмечено, подспудно формировались в русском общественном сознании на протяжении едва ли не всего XVIII столетия и квинтэссенцию содержания своего обрели, наконец, в известном призыве: “Да будет святая Русь не только в гражданском, но и нравственном мире первую

державою вселенной!”. “Вера праотцов, нравы отечественные” – основы, исторически определявшие “характер и дух” русского народа, – признаны были основами и истинного, то есть народного, национального, искусства, самобытные черты народа выразившего.

В этих условиях “славянофилы первыми увидели в древнерусском... искусстве источник современного творчества – значение, в котором ему отказывали западники, сохранявшие свойственное классицистам убеждение во второстепенности и допетровского и народного творчества. Европеизм ориентации помешал разглядеть в отечественном наследии то, что казалось очевидным в готике”.

Переориентация просвещенных слоев русского общества на изучение отечественного архитектурного наследия как важнейшей части национальной культуры, наметившаяся в первой четверти XIX века, привела к тому, что уже в 1826 г. в официальных кругах Российской Империи сложилась “установка на сооружение церквей *“по примеру древних православных (выделено мною. – А. Т.)”*, ибо, по мнению Святейшего Синода, русская церковная архитектура призвана служить *“громогласным памятником попечений... об утверждении в России праотеческого православия”*. В русле новых общественных устремлений в 1828 г. был опубликован правительственный указ о необходимости “издать и разослать по епархиям для руководства собрание планов и фасадов церквей, составленных по *наилучшим и преимущественно древним образцам (выделено мною. – А. Т.)”*. Однако обнаружившийся вскоре острый недостаток сведений о памятниках русского церковного зодчества потребовал проведения предварительных обмеров древних храмов в различных местностях России. Производство работ, возложенное Святейшим Синодом на губернских и епархиальных архитекторов, продолжалось несколько лет; в итоге к 1835 г. “было собрано 138 листов обмеров ста семи памятников”. В том же году государственный (синодальный) заказ на составление “атласа образцовых церквей” получил известный столичный архитектор К.А. Тон.

Известность мастеру “по отличному вкусу его в древнем русском зодчестве” принес ряд выполненных им в 1830 – 1834 гг. проектов церквей: во имя Святой Великомученицы Екатерины в Петербурге (1830 г.) и Царском Селе (1831 г.); во имя Святых Петра и Павла в Петергофе (1833 г.); во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Лейб-Гвардии Семеновском полку в Петербурге (1834 г.), – а также проект величественного Храма Христа Спасителя в Москве (1832 г.). “Различающиеся по размерам, планировке, трактовке отдельных форм, эти здания составляют тем не менее единую группу. Они принадлежат к старому типу крестово-купольных четырехстолпных храмов (за исключением Храма Христа Спасителя...), в них с несомненностью узнаются характерные признаки раннемосковской школы храмостроения: компактный кубический объем с тремя цилиндрическими апсидами (церковь Святой Екатерины в Петербурге и одноименная церковь в Царском Селе), трехчастное или пятичастное членение фасадов, форма килевидных закомар, арочно-

колончатый декор цилиндрических барабанов, кокошники, форма глав и пр.”. Именно в этих ранних произведениях архитектор К.А. Тон впервые обнаружил серьезный профессиональный интерес к национальным чертам русского церковного зодчества и в постижении и творческой интерпретации их начал смело формировать тот неповторимый авторский почерк, который ныне носит название “первого тоновского” (“*русско-византийского*”) стиля. “От проекта к проекту Тон свободно изменяет прорисовку и сочетания традиционных форм, оставаясь в рамках известных в старину вариантов. Так, в церкви Семеновского полка, крытой на четыре ската, закомары декоративны, но в Храме Христа Спасителя они отвечают расположенным за ними сводам. В церкви Св. Екатерины возрожден тектонический смысл кокошников у основания барабана. Развивая аркатурный пояс почти на высоту хоров, Тон раскрывает арки, превращая их в оконные проемы, и т.д.”.

По чертежам, представлявшим собою копию авторской работы К.А. Тона – проекта церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Лейб-Гвардии Семеновском полку в Петербурге, был сооружен кафедральный собор во имя Пресвятой Троицы в г. Томске.

Возможно, руководством при строительстве храма явились чертежи, принадлежавшие руке провинциального копииста, в качестве которого выступил исполнявший должность каинского землемера Скоробогатов, – “от неопытности” допустивший “незначительные неправильности в украшениях и фасаде... малых куполов” (по решению министерской экспертной комиссии, в утвержденном варианте копий проектных чертежей эти искажения должны были быть устранены); возможно также, что непрофессиональная работа Скоробогатова была заменена упоминающимися в экспертном заключении литографическими, то есть практически исключаящими несоответствие, отпечатками оригинальных проектных листов К.А. Тона. Очевидно, однако, то, что в осуществленной постройке Томский собор имел со своим прототипом – церковью Введения – определенные различия в композиции основного объема и детальном решении фасадов. Так, объем церкви Семеновского полка покоился на относительно высоком (более 1 м) сплошном цоколе; подобный элемент отсутствовал в реализованной композиции Свято-Троицкого собора, что несколько ослабляло вертикальность пропорций как отдельных частей, так и основного объема в целом. Более плоским, нежели аналогичный компонент архитектуры Введенского храма, был восьмерик, положенный в основание массивного барабана центральной главы собора в г. Томске; при этом найденные в проекте К.А. Тона удачные пропорции барабана оказалось возможным сохранить благодаря использованию опоры куполов как центральной, так и угловых глав собора, на декорированные венцами из кокошников “аттиковые” кольца барабанов, – введенные, однако, в композицию храма за счет по крайней мере визуального сокращения высоты самих куполов. В данном случае, а также в проработке форм граненых луковичных куполов очевидно прямое – при оправданном изменении масштаба и пропорций и вызванном этим структурном упро-

щении – заимствование особенностей облика другого, величайшего, творения архитектора К.А. Тона – Храма Христа Спасителя в Москве, – длительный и по-своему драматический процесс сооружения которого был завершён (1883 г.) всего за несколько лет до возобновления работ по достройке Свято-Троицкого кафедрального собора в г. Томске и, несомненно, окончанием своим вызвал новый прилив профессионального интереса к данному уникальному образцу русского церковного зодчества.

Частичная – и, в определенном отношении, не лишенная логики – переработка первоначального (тоновского) проектного варианта архитектуры Свято-Троицкого собора, на различных этапах его строительства, – несмотря на категорическое требование государственной экспертизы “в точности руководствоваться” “чертежом г. Тона”, – предпринятая строившими храм архитекторами А.П. Деевым и В.В. Хабаровым, позволяет говорить о творческом участии данных специалистов в формировании архитектурно-художественного облика собора в г. Томске, а также о присущих этому сооружению чертах эстетического своеобразия. (Здесь следует заметить, что очевидное отсутствие авторского надзора за реализацией проекта кафедрального храма со стороны архитектора К.А. Тона, – а на первом этапе этого процесса (1845 – 1850 гг.) “теоретически” К.А. Тон мог воспользоваться своим профессиональным правом, – при недостатке прямых данных вполне объясняется свидетельством о стиле руководства зодчим предприятием по сооружению Храма Христа Спасителя в Москве; вот что сообщал об этом мемуарист барон А.И. Дельвиг, одно время состоявший в должности “председателя Архитектурного совета Комиссии для построения в Москве храма во имя Христа Спасителя”: “Вся постройка храма Спасителя была вверена Главному архитектору Константину Андреевичу Тону, жившему в Петербурге и приезжавшему только на несколько дней в Москву. Постоянно за постройкою наблюдал его помощник с подчиненными архитекторами. Главное наблюдение за постройкою было поручено Комиссии, в которой председателем был Московский военный генерал-губернатор, а вице-председателем и членами наиболее почетные лица Москвы. <...>

В 1872 г. я осматривал продолжавшуюся постройку храма и видел, что многое, предложенное Тоном и устроенное, вопреки замечаниям Совета, еще в бытность мою в Москве, хотя и стоило очень дорого, но зато, действительно, прочно и соответственно цели...”.)

И тем не менее, важнейшими своими характеристиками, а именно: мощным пятиглавием на компактном и статичном кубическом объеме, центричностью, равнозначностью пятичастно-расчлененных, с позакомарным завершением прясел, фасадов, подчеркнутой правильностью традиционной для русских храмов крестово-купольной композиции, наконец, основой декоративного решения экстерьера – томский Свято-Троицкий собор соответствовал архитектуре полковой церкви Введения в Санкт-Петербурге. Ценность подобного соответствия очевидна, ибо церковь Лейб-Гвардии Семеновского полка общепризнанно является одной из наиболее совершенных церковных построек

столь крупного мастера отечественной архитектуры XIX века, как К.А. Тон, – в ней “яснее всего выразился тоновский тип храмов”. Композиционный прием планировочного решения полкового храма в Петербурге в виде равноконечного креста, “при котором алтарь, притвор и боковые приделы церкви тракуются одинаково, появился уже в 1740 г. в проекте Троицкой церкви М. Земцова, но восходит он к очень старой традиции крещатых храмов”. Если же “провести связь между... проектом Земцова и полковыми соборами Стасова, а от них – к церкви Семеновского полка К. Тона”, то “родословная последней окажется еще интересней”, потому как “классицистический, стасовский, тип собора ведет свое начало от центричных храмов итальянского Возрождения, восходящих, в свою очередь, к *византийским истокам* (выделено мною. – А. Т.)”.

Сформировав ко времени получения государственного заказа на составление “атласа образцовых церквей” индивидуальный стилиевой почерк в “древнем вкусе”, К.А. Тон использовал в качестве основы первого (1839 г.) издания “атласа” проекты церквей, выполненные им в 1830 – 1834 гг. Дальнейшее изучение памятников древнерусского церковного зодчества, имевшее место и в частых служебных поездках архитектора по городам центральной России, и в процессе работы с многочисленными обмерными чертежами русских храмов, поступившими к нему из Святейшего Синода, привело к сложению новой творческой манеры К.А. Тона в практике православно-церковного зодчества – так называемого “второго тоновского” (“*русского*”) стиля; характерным формально-композиционным элементом в этой системе явился шатер.

Первый шатровый храм – надвратная церковь во имя Святых Хрисанфа и Дарьи – была спроектирована К.А. Тоном в 1840 г. для костромского Ипатьевского монастыря, в древних постройках которого нетрудно заметить такие прообразы новых стилиевых средств мастера, как “углы объема, обработанные тремя колонками, форма капителей; профилированные и крепованные карнизы и тяги, спокойно соседствующие с “вислым камнем” и кувшинами-столбами; наконец, пластика квадратных (или ромбических – на лестничных всходах) ширинок”, которые “вводят своеобразную модульную сетку в пояса, лопатки, парапеты, столбы”, – тем самым создавая “четкость мотива и его явное сходство с классическими кессонами”.

В авторской трактовке все эти мотивы, равно как и шатер, были использованы К.А. Тоном в проектах “образцовых” церквей, вошедших во второе (1844 г.) издание упоминавшегося выше “атласа”, в композиционном решении столичных полковых церквей (Свято-Мирониевской, Благовещенской, Преображенской), а также ряда провинциальных городских храмов.

К числу наиболее интересных построек последней группы принадлежит православный кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы, сооруженный в г. Красноярске.

Масштабный и “мощный параллелепипед собора... с шатровым пятиглавием и примыкающей к основному объему колокольней вполне оригинален”. Значительно удлиненный двумя добавочными поперечными нефами прямо-

угольный в плане основной объем обуславливает сопряжение с ним на оси “восток – запад” дополнительной формы, в качестве которой выступает прилегающий к храму пропорционально крупный и статичный – в виде вертикально стоящего параллелепипеда – опорный объем колокольни, надстроенный высоким аттиком. В завершение стен главного (западного) и боковых фасадов, центральные части (прясла) которых декорированы плоскими ступенчатыми нишами-арками, интерпретирующими характерные арочные формы архитектурных композиций византийских и древнерусских храмов, – К.А. Тон вводит “хорошо известные в XVII в.” разорванные треугольные фронтоны; “возможно, это реплика Новгородской Софии, реставрацию которой он курирует в те годы”. Центральный шатер и шатры боковых глав храма, опирающиеся на широкие барабаны, декоративно обогащены поясами кокошников, которые одновременно служат завершением для разделенных колонками (на барабане центральной главы – сдвоенными) граней барабанов, а шатер колокольни – как бы вырастающими из килевидных форм в завершении граней барабана двумя рядами чешуйчато совмещенных кокошников и вписанными в них – ранее автором не применявшимися – “круглыми “слухами” (люкарнами же, образующими своеобразный венец и рельефно членящими плоскости граней, снабжен в средней части и шатер центральной главы); стройному в пропорциях шатру колокольни, кроме этого, придано “любопытное членение по горизонтали; нижняя часть шатра, решенная в том же материале, что и стены здания, и имеющая окна, зрительно увеличивает высоту колокольни”.

Подобно многим проектам православных церквей К.А. Тона, осуществленным в провинции, проект Красноярского собора не был реализован в совершенной точности: в различное время руководившие строительством храма специалисты – военный инженер поручик Ле-Дантю и архитектор Я.М. Набалов – ввели в его композицию алтарную “апсиду (в проекте ее нет) и иные пропорции центрального шатра”. Впрочем, последнее изменение, принадлежащее, вероятно, завершавшему постройку после частичного разрушения ее в 1849 г. Я.М. Набалоу, – “скрадывающее” главную шатровую пирамиду при взгляде на здание собора с малого расстояния, – вряд ли возможно квалифицировать как безусловно удачное.

Исходным проектным вариантом кафедрального собора во имя Казанской Иконы Божией Матери (первоначально храм предполагалось освятить во имя Богоявления Господня) в г. Иркутске, выполненным в 1866 г. (утвержден в 1867 г.) архитектором Владиславом Андреевичем Кудельским и служившим рабочей основой при строительстве храма в период с 1875 по 1879 г., – а также составленным путем незначительных изменений и дополнений проекта В.А. Кудельского вариантом военного инженера капитана М.Н. Огонь-Догановского (1878 – 1879 гг.), – были определены основные архитектурно-художественные характеристики соборной постройки, а именно: центричная, с массивной статикой прямоугольного опорного объема, пятиглавая композиция храма, западным крылом – посредством протяженной крытой галереи – соеди-

ненного с высотным объемом трехъярусной колокольни; решенная в форме равноконечного, вписанного в квадрат, креста, с четырьмя “растянутыми” на диагональных осях опорами (столбами) центральной главы, композиция плана; пятичастное членение богато декорированных фасадов, образной основой и завершением которых служили подчеркнуто выразительные и массивные арочные формы; трактовка граненых барабанов большой и малых глав собора в виде сплошных аркад широких оконных проемов, в сочетании с двойными (промежуточные прясла) и тройными (центральное прясло) аркадами окон на фасадах обеспечивавших высокую освещенность внутреннего пространства храма.

Запоминающееся своеобразие, но и несовершенство проекта Кудельского – Огонь-Догановского заключалось при этом в резком стилистическом диссонансе основных приемов и форм, определяющих архитектурно-художественный облик собора.

Так, в *данном случае* соответствующие более классицистической, нежели древнерусской, традиции принципы строгой центричности и “равнофасадности” церковной постройки, положенные в основу объемно-пространственной композиции собственно собора, совместились здесь с приемом, как бы имитирующим один из традиционных вариантов *трехчастной* (“кораблем”) компоновки русского храма XVII века, в состав которого, помимо основного объема, входят примыкающая к кафоликону трапезная и следующая за ней высотная колокольня, нередко претендующая на роль композиционной доминанты; прихотливая стилизация в духе традиций византийской церковной архитектуры, отчетливо проявившаяся как в конструктивном, так и в декоративном решении фасадов, приобретших черты характерной массивности и монументальности, – соседствовала в проекте с легковесными шатровыми формами в покрытии глав собора и колокольни...

Очевидная, таким образом, противоречивость замыслов и проектных предложений архитекторов В.А. Кудельского и М.Н. Огонь-Догановского привела к тому, что в дальнейшем, в процессе сооружения храма, в существовавший проект были внесены значительные изменения; автором их стал инженер-архитектор барон Генрих Владимирович Розен, который в период с 1885 по 1892 г. занимал должность руководителя строительства кафедрального собора в г. Иркутске.

Замена шатровых форм, производивших впечатление излишней, почти декоративной, легкости, тектонически и стилистически не согласовавшихся с прочими важнейшими элементами архитектурно-художественной композиции храма, – массивными шлемовидными куполами, очертания которых, в определенной степени, являются реминисценцией зонтичных куполов византийских церквей; безусловное композиционное подчинение основному объему собора объема колокольни путем значительного (почти двойного) сокращения высоты последнего (купол колокольни, ставшей, по существу, колокольницей, или звонницей, находился теперь на уровне барабанов малых глав храма; эта

поправка явилась результатом своеобразного компромисса между идеей собора с высотной колокольной архитекторов В.А. Кудельского и М.Н. Огонь-Догановского и мнением ревизовавшего их проект петербургского архитектора А.О. Томишко, принципиально исключавшего колокольню из композиции центричного храма); устранение или смягчение резких классицистических черт, отличавших прежде всего ярусную, со строгой трактовкой широко представленных (в варианте пилястр) ордерных форм и характерных мотивов декора, композицию колокольни, – все эти изменения явились несомненной творческой удачей барона Г.В. Розена, ибо они внутренне гармонизировали архитектуру Иркутского собора, придали ей большую стилистико-композиционную целостность и выразительность. При условии принципиального разграничения таких смежных и взаимообуславливающих историко-архитектурных (историко-культурных) понятий периода эклектики, как: *“стиль византийский”*, *“стиль русский”*, *“стиль русско-византийский”*, – а именно эта авторская концепция системы национальных стилей в отечественной архитектуре XIX века служит основой формально-стилистической характеристики объектов настоящего исследования, – архитектуру Казанского кафедрального собора в г. Иркутске со всеми основаниями следует отнести к уникальному и, вместе с тем, характерному образцу *“византийского”* стиля, – в ситуации общего *“эkleктического”* подхода русских зодчих к интерпретации отечественного архитектурно-художественного наследия обретавшего неповторимое выражение в творчестве каждого конкретного мастера.

Отличие архитектуры православного кафедрального собора во имя Успения Божией Матери в г. Омске от архитектуры подобных ему сооружений в городах Томске, Красноярске, Иркутске прежде всего состоит в том, что, хотя проект этого храма и явился результатом *“абстрагированного”* – в полном отрыве от местных средовых условий – творчества столичного мастера (архитектора Эрнеста Францевича Вирриха), – позднее по невыясненным пока причинам отказавшегося и от авторского надзора за реализацией своей разработки, – весь процесс создания (и проектирования, и строительства) собора влез в относительно узкие временные рамки и прошел, что называется, *“на едином дыхании”*. В итоге, лишенная черт разновременных корректировок авторская проектная первооснова была с высокой точностью и полнотой отображена в реальной постройке.

Насколько интересны могут быть явления архитектуры, опирающейся на удачные комбинации различных архитектурных стилей (тем более – стилей, впервые творчески выделившихся из сложного эклектического разнообразия), настолько достойны внимания и произведения, в совершенстве воплотившие черты отдельного, – как *“самостоятельного”*, сложившегося исторически, так и нового, еще *“зависимого”*, еще реминисцирующего, – архитектурного стиля. Стойкое впечатление внутреннего единства и завершенности, которое производит прихотливо детализированный архитектурно-художественный облик кафедрального собора в г. Омске, не оставляет сомнений в том, что проектиро-

вание храма преимущественно средствами “русского” стиля было не случайным – “техническим” – выбором, но – обусловленным творческой потребностью профессиональным замыслом архитектора Э.Ф. Вирриха. В соответствии с этим, в качестве прототипа композиционной основы соборной постройки была использована уходящая в XVII век трехчастная схема русского храма, состоявшего из расположенных на одной оси: объема собственно церкви (кафолликона) – с апсидой алтаря на восточной стороне, объема трапезной и примыкавшей к нему с запада колокольни, опорный ярус которой выполнял функции притвора, а общий вертикальный объем отчетливо доминировал в общей композиции храма.

Канонически пятиглавый, четырехстолпный, с компактным крестообразным (в форме равноконечного, вписанного в восьмигранник креста, восточный рукав которого завершается активно формирующим фасадную композицию широким полукружием центральной алтарной апсиды, сопряженным с симметрично примыкающими к нему двумя прямоугольными выносами боковых апсид), четко зонированным в плане пространством основного объема, – собор Э.Ф. Вирриха был оригинален прежде всего резко укрупненными формами центральной главы, излишнюю тяжеловесность которой по отношению к опорному объему и общей композиции храма призваны были “смягчить” почти сомкнутые с нею, контрастно легкие по масштабу и пропорциям боковые главы, а также трактованные в виде сплошных, перекрытых арками колоннад барабаны большой и малых глав (аркады барабанов малых глав, предназначенных для использования в качестве звонниц, были оставлены открытыми). Свободные формы луковичных куполов, образующих плавный силуэт канонического пятиглавия; “вырастающий” из сквозной аркады верхнего яруса изящный восьмигранный шатер колокольни; богатейший декор окрашенных в белый цвет – “с вставками из красного кирпича и цветным орнаментом вокруг большого барабана купола” – фасадов, где мотивы XVI – XVII веков (характерные аркада и шатер колокольни; орнаментальный ряд из столбов-кувшинов в декоре нижнего яруса колокольни и др.) переплетаются с мотивами раннего периода русского зодчества (тройными, вписанными в арочные ниши аркадами оконных проемов на боковых фасадах; облием квадратных и крупных треугольных – на граненых цоколях барабанов – ширинок и пр.): все перечисленные особенности, – в гармоническом сочетании со значимыми классицистическими чертами (определяемыми, прежде всего, симметрией в качестве композиционной основы, многовариантной интерпретацией ордера, сплошной декоративной рустовкой цоколей), – сформировали общее своеобразие целостной архитектурно-художественной композиции храма.

С достаточной полнотой отображая авторскую версию наиболее разработанного, колоритного и естественного (то есть согласующегося с эволюционной логикой русского национального зодчества) архитектурного стиля периода эклектики, в рамках единого стилистического направления архитектура кафедрального собора во имя Успения Божией Матери в г. Омске имеет право быть

помещенной в один ряд с архитектурой таких уникальных произведений русского православно-церковного зодчества 1840-х – 1900-х гг., как церковь во имя Святого Мирония в Санкт-Петербурге (полковой храм Лейб-Гвардии Егерского полка), созданная архитектором К.А. Тоном, и едва ли не самый знаменитый и значимый символически столичный храм – Храм Воскресения Христова на Екатерининском канале, возведенный, согласно “первоначальной идее” священно-архимандрита Свято-Троицко-Сергиевской обители Игнатия, по проекту академика архитектуры А.А. Парланда.

Важнейшей чертой стилистической общности рассматриваемой архитектуры православных кафедральных храмов Сибири было структурно-композиционное соответствие ее основополагающей традиции крестово-купольного православного храма.

Творчески формируя и развивая оригинальную авторскую трактовку образов русского православно-церковного зодчества, массой проектных идей и осуществленных храмовых построек определившую в итоге рождение новой архитектурной стилистики (так называемых “тоновских” стилей: “первого” – “русско-византийского”, “второго” – как позднейшую стадию развития предыдущего – “русского”, а также “третьего”, последнего по времени сложения, – “византийского”), архитектор К.А. Тон выводил свой творческий почерк из традиций средневекового византийского и русского храмостроения, – так как, по его словам, “стиль Византийский, сроднившийся с давних времен с элементами нашей народности, образовал церковную нашу архитектуру”. И действительно, можно сказать, что “формальное” (архитектурно-художественное) содержание созданного К.А. Тоном стиля (стилей) заключалось именно “в использовании архитектурных образов и форм средневекового культового русского зодчества в эклектичном сочетании их с элементами византийской архитектуры. Обычно это были крестообразные в плане церкви с большим центральным куполом на четырех внутренних опорах и колокольнями с малыми куполами на углах здания”, – что образовывало композицию символикано-канонического центричного ярусного пятиглавия православного храма, с центральной – большой – главой (куполом) как символом Господа Спасителя Иисуса Христа и четырьмя боковыми – малыми – главами (куполами) как символами Святых Апостолов-Евангелистов.

Формирование крестово-купольной структуры христианского (православного) храма, происходившее в Византии в V – VIII веках “параллельно со сложным процессом догматического освоения Боговоплощения, утверждением истинности Человечества Иисуса Христа через признание Его человеческой воли и действий, а затем и возможности Его изображения”, определило особую – наибольшую – степень соответствия православно-церковной архитектуры данного структурно-образного типа содержанию христианского храма как религиозно-символической сущности, а “идея центрической композиции купола в его сочетании с пространственным крестом... изначально явилась фундаментальной смысловой основой поисков” архитектурной формы христиан-

ского храма, исторически “приведших к различным ее структурным типам и конструктивным вариантам”.

Религиозно-символическая интерпретация пространственного креста и купола в композиции христианского (православного) храма отразила достигнутую в данном варианте максимальную “слитность формы с идеей Христа и реальным храмовым действием (прежде всего – Божественной литургией. – А. Т.), символизирующим таинственное приобщение человека к Богу”. *Крест Распятия* как идеальный образ Христа для выражения Его искупительной жертвы – “страстного (крестного) пути” Спасителя, открывшего для каждого христианина “путь его собственного просвещения, очищения и спасения посредством причастия к Телу Христову и как бы повторения Его жертвы” в своей душе, – был воспринят и воспроизведен всей целостностью крестообразного храмового пространства. “Небо небес” – идеальное *Царствие Божие* – отчетливо “прообразовалось” сферой венчающего храм купола, а свой “обобщенный символический образ” “в миниатюре” обрело на ее внутренней поверхности, где традиционное центральное изображение Христа Вседержителя “свидетельствует о слиянии двух пространств – “Неба небес” (в Божественном Небосводе) и “неба земного” (в храме)”, то есть – о догматически важнейшем *иерархическом соборном единстве Церкви Христовой*, “основанном на единственности Пресвятой Троицы”. (Н.Ф. Гуляницкий дает, как кажется, блестящую образную характеристику целостности символизированного пространства крестово-купольного храма: “Пространство, нанизанное на (вертикальную) ось и предельно “сжатое” в куполе, зрительно “опускается” в храм, как бы аккумуляясь в средокрестии и рукавах Креста”. В этом пространственно-смысловом ядре “ясно прочитываются наиглавнейшие образы христианской символики, призванные к утверждению в зрительном восприятии храма основополагающих догматов вероучения”).

Одним из выводов, сделанных в результате изучения основ идейно-символического содержания архитектурно-художественной культуры православного храма в рамках первой главы настоящего исследования, был вывод о том, что подлинно традиционная, то есть полноценная по отношению к исторической традиции национальной религиозной культуры, архитектурная композиция (система, совокупность) православного храма на всем протяжении своего эволюционного развития и в общем воплощении творческого замысла зодчего, и в формальном решении отдельных ее элементов сохраняла естественное образно-символическое единство с идейно-религиозной сущностью храма. Ярким примером именно такого гармонического соответствия материальности русского храма его каноническому духовному содержанию, примером отсутствия “случайного момента” и в проектной основе, и в свойствах осуществленной композиции, несомненно, могла служить созданная во второй половине XIX века в русле исторического осмысления и возрождения в профессиональном творчестве самобытных черт русского православно-

церковного зодчества национальная архитектура кафедральных храмов Сибири.

Характеристика основных черт архитектуры православных кафедральных соборов в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске была бы неполной без указания на то обстоятельство, что здания этих храмов входили в число исторически крупнейших на территории Российской Империи православно-церковных построек, – хронологически и стилистически связанных с развитием русской архитектурно-художественной эклектики, а в ее рамках – с *национальным (национально-историческим)* направлением в архитектуре, ныне в подавляющем большинстве своем безвозвратно утраченных материально, – и являлись наиболее крупными образцами православно-церковного зодчества в территориальных границах Сибири: в определенной мере, *масштабно* сопоставлена с ними может быть лишь архитектура Свято-Софийского (Свято-Успенского) кафедрального собора в Тобольском кремле – первого каменного православного храма Зауралья, – относящаяся к гораздо более раннему периоду истории отечественного храмостроения.

При этом в границах всей азиатской части Российской Империи конца XIX – начала XX века к объектам, масштабно, стилистически и функционально подобным архитектуре главных соборов сибирских епархий, следует отнести *три* постройки кафедральных храмов: Туркестанской (в г. Верном), Забайкальской (в г. Чите) и Владивостокской (в г. Владивостоке) епархий Русской Православной Церкви; из них до настоящего времени сохранилась лишь архитектура кафедрального собора во имя Вознесения Господня (Вознесенского) в г. Верном (ныне – Алма-Ата), сооруженного в первые годы XX века по проекту зодчего Андрея Павловича Зенкова. Подобно своеобразному композиционному решению кафедральных храмов в городах Омске, Красноярске, Иркутске, архитектурная композиция Вознесенского собора объединяет на пространственной оси “запад – восток” центрическое пятиглавие массивного кафоликона (собственно храма) с перекрытым четырехгранным шатром полномасштабным объемом ярусной колокольни. К сожалению, недостаток документальных сведений о данном храме, – закономерно оставшемся за рамками настоящего исследования, но в перспективе научной работы, несомненно, требующем разностороннего изучения наряду со всею совокупностью исторически соответствующих ему крупномасштабных объектов русского православно-церковного зодчества постклассицистической эпохи, – сегодня позволяет лишь *предварительно* характеризовать его стилистику как “русско-византийскую”. (О признаках принципиального сходства с “русско-византийской” стилистикой есть основания говорить и относительно утраченной архитектуры пятишатрового, с отдельно поставленной колокольней, Свято-Успенского кафедрального собора, возведенного в 1884 – 1889 гг. в г. Владивостоке.)

Древнее название России как *Дома Пресвятой Богородицы*, земного образа Града Небесного, Нового Иерусалима, концентрированно отразившее суть самосознания и мировоззрения русского православного народа, вполне объяс-

няет тот исторический факт, что в центре каждого относительно крупного русского поселения, – будь то город или село, – всегда “стоял храм, освящая своим присутствием и сопровождая жизнь русского человека”, – ибо последнему было органически присуще представление о храме не только как о “доме молитвы”, но как о “возвышенном над всем мирским” воплощенном символе мира идеального, собранного воедино Благодатью и таинственно преображенного в *соборное Тело Христово*. Православный храм служил воплощением основополагающей жизненной надежды русского человека на христианское обновление мира. Именно в утверждении христианских идеалов любви и добра, мира и справедливости русский человек видел главное свое предназначение, и все его творчество (и как деятельность, и как результат) – в сфере литературы, музыки, живописи, зодчества – служило “высшему искусству – искусству христианской жизни, искусству преображения” личности, искусству ее духовности. Универсальным результатом – *симфонией* этого вдохновенного творческого процесса для каждого поколения становились православные храмы, воздвигавшиеся, как правило, *соборно*, то есть – “всем миром”, общими добровольными усилиями представителей всех сословий, всех слоев и групп населения. Таким образом, *храмовой* по сущности была вся традиционная русская культура.

Создание в 40-е – 90-е гг. XIX века в крупнейших сибирских городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске монументальной архитектуры православных кафедральных соборов исторически совпало с периодом губительного распространения и укоренения в различных – прежде всего “просвещенных” – слоях русского общества атеистических, радикально-нигилистических теорий и воззрений. То была эпоха великого нравственного надлома русской души, эпоха нечаевщины и царубийства... Логическим следствием этой эпохи, – “типичные представители” которой уже “не только не действовали, не боролись со своими страстями и свирепствующей крамолой, но пошли едва не об руку с нею и разорили закон Господень”, – в уходящем XX веке явилось катастрофическое разрушение, гибель тысячелетней русской христианской культуры, уничтожение или забвение всего того, что составляло историческую сущность и историческую традицию русской национальной жизни...

И тем не менее, многочисленные историко-документальные материалы, подлинные *документы истории*, которые удалось выявить и исследовать в процессе настоящей научной работы, убедительно свидетельствуют о том, что нравственно высочайшие идеи создания в городах Сибири новых центров православной духовности, а затем и собственно храмостроительные предприятия, – исключительная сложность осуществления которых в условиях провинции была очевидна заранее, – отнюдь не были навязаны населению государственной (церковной или военно-гражданской) властью: потребность в более вместительных, репрезентативных и эстетически (прежде всего – в плане формального отображения религиозной символики) совершенных – “благолепных” – постройках главных городских (православных) храмов в каждом случае

впервые проявлялась как потребность общественная, – даже если официальное публичное заявление о ней исходило от тех или иных представителей местной администрации. И именно единодушная моральная поддержка и деятельное участие русской общественности – всего *православного мира*; именно общественные (частные) средства в виде многочисленных добровольных пожертвований, – при крайне скудном или же вовсе отсутствовавшем материальном вспомоществовании со стороны государственных институтов, – сделали возможным осуществление проектов масштабного соборного строительства, которым изначально был придан статус важнейших *общественных* предприятий.

Призванные служить удовлетворению “самых высших, самых жизненных” потребностей духовно развитого русского человека, православные кафедральные храмы второй половины XIX столетия, *как и в древности*, созидались *соборно, миром*, – что само по себе служит показателем высочайшей духовной и социальной культуры, нравственного здоровья, сохранявшихся еще у большей части тогдашнего русского общества.

Торжество освящения, – по словам современника, событие “необычайной важности”, происходившее при стечении едва ли не всего местного городского населения, в присутствии жертвователей из различных уголков России, высокопоставленных лиц местных и центральных органов государственного управления, – открыло двери соборов для многочисленной православной паствы; воздвигнутые в административных центрах сибирских епархий, новосозданные кафедральные храмы закономерно приобрели значение центров религиозно-культурной жизни практически всего православного населения Сибири.

5 декабря 1931 г. в Москве тремя последовательными взрывами была разрушена одна из главных русских святынь – православный кафедральный Храм во Имя Светлое Спасителя Христа – памятник русской победы в военной кампании 1812 года, гениальное творение архитектора К.А. Тона. (Очевидно, что канун 1932 г. как предел истории знаменитого московского собора был избран не случайно: именно в этом году исполнялось 120 лет со времени событий Отечественной войны и “100 лет со дня опубликования подписанного Императором Николаем I манифеста о строительстве храма Христа Спасителя по проекту Тона. Храм – символ старой России: православной, христианской... национальный храм-памятник не должен был отпраздновать свое столетие. Уничтожение его накануне этой даты приобретало символический смысл”.) Данное преступление явилось “сигналом” к началу повсеместного – на всей территории России – физического разрушения до этого в большинстве своем уже отнятых у Церкви и разоренных православных храмов, и прежде всего – церковно-иерархически и символически важнейших – кафедральных соборов, создание которых в последние предреволюционные десятилетия оставалось одним из наиболее значимых событий в живой памяти народа... Так, в 1932 г. был взорван возвышавшийся над городом “монументальной громадой” православный кафедральный собор во имя Пресвятой и Живоначальной Троицы в

г. Томске. В 1935 г. был взорван кафедральный храм во имя Казанской Иконы Божией Матери в г. Иркутске. В следующем, 1936 г. завершился длившийся несколько лет “снос” здания кафедрального собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы в г. Красноярске. 17 февраля 1935 г. “на заседании Омского областного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов был рассмотрен вопрос “О сносе здания бывшего собора в г. Омске (докл. т. Салынь)”. По “вопросу” было принято решение: “Согласиться с предложением т. Салынь о сносе здания бывшего собора в г. Омске”. В том же, 1935 г. православный кафедральный храм во имя Успения Божией Матери был разрушен; при разборке образовавшихся после взрыва руин “использовались политзаключенные из тюрьмы НКВД”.

IV.3. Основные выводы

1. Христианские (православные) основы древнерусской градостроительной культуры (XI – XVII вв.) определили главенство сакральной функции города при формировании его как архитектурно-планировочной системы (получившей, в связи с этим, самостоятельную религиозно-символическую трактовку), а также ярко выраженную, устойчивую иерархичность как смыслового, так и формально-образного (композиционного) начала данной системы. Перечисленные качества, в свою очередь, обусловили: неизменную ориентацию градостроительной системы русского города на архитектуру христианского (православного) храма как ее смысловое (сакральное) средоточие и объемно-пространственную доминанту; ведущую роль церковной архитектуры в процессе градоформирования; размещение храма не только в композиционном центре городского ансамбля, но и на открытом, допускающем всесторонний обзор пространстве, то есть на площади.

2. Принципы русского регулярного градостроительства, сложившиеся в конце XVIII – первой половине XIX века, не только сохранили, но и акцентировали исторически важнейшую роль православно-церковной архитектуры в формировании объемно-пространственных структур русских городов. В системе перспективного регулярного плана функционально-смысловые, пространственно-композиционные, масштабные, архитектурно-стилистические характеристики проектируемого центрального ансамбля города, заложенные в его композиционно-смысловом ядре – комплексе соборной площади во главе с объемом главного городского храма, – непосредственно влияли на характер организации планировки и застройки всей городской территории.

Таким образом, изначальным “идейным” (концептуальным) и “техническим” (формальным) содержанием градостроительных проектов для городов Сибири в первой половине XIX века, а в дальнейшем – реализацией планов крупномасштабного храмостроительства на малоосвоенных перспективных городских территориях зданиям православных кафедральных соборов в

гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске была определена ведущая градоформирующая роль в развитии архитектурно-планировочных структур центров и городов в целом, придано – в рамках этого процесса – значение уникальных структурно-смысловых первооснов.

3. Основными архитектурно-художественными характеристиками, объединяющими постройки православных кафедральных соборов в крупнейших городах Сибири, являются: крестообразный план основного (собственно храмового) объема (в форме равноконечного или близкого к нему, вписанного в квадрат (Свято-Троицкий собор в г. Томске, Казанский собор в г. Иркутске), прямоугольник (удлиненного по пространственной оси “запад – восток”; Богородице-Рождественский собор в г. Красноярске) или восьмигранник (Свято-Успенский собор в г. Омске) широкого креста, восточный рукав которого может завершаться активно формирующим фасадную композицию здания полуциркульным выносом центральной алтарной апсиды (Свято-Успенский собор в г. Омске, Богородице-Рождественский собор в г. Красноярске); обусловленная данной характеристикой и соответствующая традиционной (сложившейся во взаимосвязи с определенным, заполняющим всю архитектурную форму религиозно-символическим содержанием) структуре русских православных церквей крестово-купольная композиция храма (основного объема); завершение храмовой композиции в виде канонического центричного пятиглавие беспрецедентная крупномасштабность, монументальность общей архитектурно-художественной композиции: кафедральные соборы гг. Омска, Томска, Красноярска, Иркутска являлись исторически крупнейшими православными храмами на территории Сибири и входили в совокупность ретроспективно наиболее масштабных русских православно-церковных построек, создание которых в пределах Российской Империи относится к середине XIX – началу XX века; реминисцирующая в рамках сложившейся в XI – XVII веках национальной традиции каменного православно-церковного зодчества, – с опорой на богатейший профессиональный опыт и лучшие творческие достижения классицистической эпохи, – стилистика архитектуры и декоративно-художественного убранства, соответствующая трем родственным, активно взаимодействующим друг с другом национальным стилям периода русской архитектурной эклектики (вторая четверть XIX – начало XX века), а именно: “византийскому” стилю (Казанский собор в г. Иркутске); “русско-византийскому” стилю (Свято-Троицкий собор в г. Томске); “русскому” стилю (Богородице-Рождественский собор в г. Красноярске, Свято-Успенский собор в г. Омске).

4. Созданные в соответствии с объективной общественной потребностью эпохи и общественными же (широчайшими) усилиями, по оригинальным проектам и под руководством выдающихся мастеров отечественной архитектуры (таких, как К.А. Тон, барон Г.В. Розен, Э.Ф. Виррих и др.), здания православных кафедральных соборов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске как произведения русского архитектурно-строительного и монументально-декоративного искусства, будучи практически свободными от, казалось бы,

неизбежных для регионального социокультурного процесса признаков так называемой “провинциальности”, “вторичности”, – уникально сочетали в себе лучшие эстетические и технические качества профессиональной архитектуры России второй половины XIX столетия с канонически выраженным в архитектурно-художественной форме идейно-религиозным содержанием православного храма и являлись, таким образом, важнейшим “материалом” для разносторонней (как персонифицированной, ограниченной рамками индивидуального творчества авторов, так и обобщающей историко-теоретической, концептуальной) характеристики современных им процессов в сфере русской национальной культуры.

5. Творческое устремление русских зодчих XIX века к восстановлению преемственного развития отечественной архитектуры (прежде всего – как исторической основы ее – храмового зодчества), пополнившее сокровищницу национальной культуры впечатляющим множеством уникальных произведений, дает основание утверждать, что русское православно-церковное зодчество второй половины XIX столетия, хронологически соответствуя последней эпохе эволюционно-исторического развития России и естественно отражая как многоплановые, так и противоречивые черты ее своеобразия, явило собою органический результат тысячелетнего преемственного развития не только русского христианского (православного) храмостроения, но и всей национальной религиозной культуры. Русский православный кафедральный храм второй половины XIX века как культурный феномен предреволюционной эпохи стал универсальным, органическим и, в определенной мере, даже утрированным символом исторической традиции национальной жизни.

6. Типологическая полноценность (обеспечившая возможность реконструкции признаков и характеристики архитектурной культуры русского православного кафедрального храма второй половины XIX века как общенационального явления), но, вместе с тем, количественная и территориальная ограниченность ставшей объектом настоящего исследования крупномасштабной православно-церковной архитектуры Сибири, определяет необходимость: дальнейшей разработки заявленной темы в расширенных хронологических (до 1917 г.) и территориальных рамках, с включением в совокупность изучаемых историко-культурных объектов – “эkleктической” (в вариантах концептуально представленной в настоящей работе и требующей специального исследования национальной стилистики) архитектуры православных кафедральных храмов как оставшейся за пределами Сибири азиатской, так и европейской части России в границах начала 1914 г.; более подробной историко-культурной реконструкции (в том числе профессионального *графического* – на уровне *документально обоснованных эскизных проектов* – воссоздания утраченной храмовой архитектуры, что могло бы позволить в перспективе вести речь об исторически полноценной реставрации соборных построек в городской среде) и углубленного анализа рассматриваемых явлений национальной культуры во всей их исторической общности, во всем их историческом многообразии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль православных кафедральных храмов, созданных во второй половине XIX в. в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, как центров религиозно-культурной жизни православного населения Сибири, а также общая национально-историческая ситуация второй половины XIX – начала XX в., отмеченная активизацией процессов государственно-политического, экономического, социокультурного развития России, – обеспечили крупномасштабным соборным постройкам функции важнейших символично-смысловых и композиционных элементов общегородских архитектурно-планировочных систем, обусловили единство основных архитектурно-художественных и градостроительных характеристик сооружений данного типа.

Нравственно-исторический нигилизм революционной эпохи смог в прямом смысле «до основания» разрушить величественные символы национального духа и национального таланта, каковыми являлись православные кафедральные храмы в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, – но оказался бессилен не только создать на их месте сопоставимую замену воплощенному в них традиционному (историческому) мировоззрению русского человека, но и решить частную и сравнительно «поверхностную» – формальную – задачу: найти соответствие прежде обозначавшим общегородской центр архитектурно-градостроительным объектам и тем самым сохранить жизненно важное звено объемно-пространственной структуры городского ансамбля. Попытки подойти к решению этой задачи после «сноса» зданий кафедральных соборов в 1930-х гг. – путем «конкурсного» отбора проектов «соцреконструкции» архитектурно-планировочной среды общегородских центров Омска, Томска, Красноярска, Иркутска – предпринимались неоднократно (и в довоенные, и в послевоенные годы), однако практически лишь в двух городах – Красноярске и Иркутске – с большими отступлениями от первоначальных идей эскизного проектирования, отличавшихся специфической выразительностью и целостностью, – эти планы были осуществлены. В итоге, опустевшие пространства центральных городских площадей превратились в подобие эспланад прямоугольных, с жестким вертикально-горизонтальным членением фасадов, – как эстетически, так и идейно невыразительных, – объемов главных (на местном – областном, краевом – уровне) советских административных построек – так называемых «Домов (Дворцов) Советов» (ставших одними из многочисленных региональных примеров реализации идеи воплощения коммунистической символики в доминанте монументального общественного здания, – в Москве выразившейся в разрушении Храма Христа Спасителя и попытке возвести на его месте гигантский объем «Дворца Советов» по конкурсному проекту архитектора Б.М. Иофана), размещенных не в центре, а на периферии укрупненного пространства площади. Подобное планировочное решение отчетливо выявило маломасштабность новых общегородских архитектурных доминант, которые, в отличие от прежних храмовых композиций, характеризовавшихся подлинной

монументальностью и образно-символической значимостью, оказались в состоянии механически «удерживать» лишь часть свободного пространства площади. Организация же, с целью хотя бы поверхностной корректировки столь грубой градостроительной ошибки, остальной территории в виде зоны озеленения – сквера – вычленила ее из общего объемно-планировочного образования площади, – еще более повредив единству его плотными посадками деревьев, которые в значительной степени заслонили собою панораму периметральной застройки.

Уровень практических мероприятий по преобразованию систем планировки и застройки центральных площадей гг. Омска и Томска, лишенных мощных композиционно-смысловых ориентиров в виде архитектуры зданий кафедральных храмов, – оказался еще на несколько порядков ниже: здесь решение принципиально важнейшей архитектурно-планировочной проблемы не было даже заявлено, – если не считать крайне неудачных (более того: профессионально беспомощных) попыток превратить обширные пустыри, образовавшиеся на местах соборных построек и вокруг них, в те же озелененные участки общего пользования – скверы, ущербность которых с точки зрения элементарных требований к планировочной композиции до сих пор бросается в глаза даже без учета лежащих на этих зонах ответственнейших функций градостроения. Впрочем, подобное состояние городских центров и идеологически (как состояние едва ли не демонстративной, воинствующей безыдейности и бездуховности), и эстетически (как состояние вопиющего формального уродства), очевидно, много более соответствует господствующим ныне общественным вкусам и потребностям, нежели наполненный непреходящим духовным содержанием былой их облик...

Можно утверждать, что в настоящее время в творческой среде России не много найдется сознательных и последовательных противников устоявшегося тезиса о необходимости восстановления исторической преемственности в формировании градостроительного, архитектурного, художественного, а значит, духовно-эстетического, идеологического облика русских городов. Но, по всей видимости, еще меньше в этой среде число тех, чья искренняя поддержка данной (в чистоте своей, конечно же, самой благородной и неоспоримой) идеи основывается на сознании органической зависимости явления города как архитектурно-градостроительной системы от явления его как составляющей общесоциального, общекультурного организма, сегодня на территории России несущего печать исторически небывалой по масштабам и глубине деградации.

Объективно необходимое для будущего прогрессивного развития России полноценное воссоздание исторического облика русских городов, сопряженное прежде всего с реставрацией в структурах их центральных ансамблей крупномасштабных объектов каменного православно-церковного зодчества, несмотря на эстетическую уникальность и специфику технических качеств утраченной архитектуры, именно в отношении практической осуществимости формирующих этот процесс предприятий, – при привлечении квалифициро-

ванных профессиональных кадров и изыскании необходимых материальных средств, – не вызывает сомнений: оно могло бы быть начато и сегодня, – с тем, разумеется, условием, что «восстановление разрушенных сооружений... опирается на исчерпывающее документальное обоснование», наличие которого отличило бы его «от неправомерных... реставрационных фантазий времен «стилистической» реставрации». Действительное, принципиальное и непреодолимое пока препятствие на этом пути состоит в ином, – в том, что именно и делает сегодня неизбежным искажение исторического смысла этого великого национального дела, – в отсутствии необходимости удовлетворения началом целенаправленного архитектурно-реставрационного процесса выстраданной подлинным духовным прозрением *потребности* современного общества.

Появление православного храма в структуре городской застройки сегодня, как и 8 – 10 лет тому назад, остается в сознании русского горожанина событием исключительным, – конечно же, благодаря не традиционному (религиозно-символическому) своему содержанию, но – лишь формальным, внешним признакам возведенного объекта, явно не соответствующего диапазону привычных стандартов архитектурных форм, функционального назначения архитектуры и т. д. Трагическая, но исторически закономерная отделенность, оторванность мировоззренческих устоев, уклада творческой и бытовой жизни подавляющего большинства городского населения от жизни Церкви обуславливает чужеродность храма и как очага традиционной духовной культуры, и как архитектурно-художественного, градостроительного объекта – по отношению к эрзац-культурному пространству постсоветского города, где не только христианская идеологическая традиция общежития, но и всякая социально-объединительная идеология уступила место хаотическому переплетению и противостоянию индивидуальных, преимущественно утилитарных интересов.

Подобные обстоятельства, при едва намечившейся, но все же относительно устойчивой в последние годы тенденции проявления начатков религиозного самосознания городского населения, побуждают искать пути постепенного восстановления исторически традиционной значимости православного храма как важнейшего компонента социокультурной жизни России, заключающего в себе «некий метафизический витальный стержень», не утилитарную, но «сакральную основу бытия, центр, интегрирующий духовную жизнь каждого городского жителя».

Представляется очевидным, что в условиях непрерывного территориального роста большинства крупных российских городов наименее болезненно такая задача может быть разрешена, – по крайней мере, в архитектурно-градостроительной сфере, – на вновь осваиваемых городских землях, предназначенных, в основном, для размещения массовой жилой застройки. Именно здесь храм как элемент архитектурно-планировочной среды, будучи профессионально проектируемым и возводимым в комплексе с общей многофункциональной застройкой жилого микрорайона (массива), мог бы несопоставимо успешнее, нежели оставшаяся в качестве наследия советской эпохи – шаблон-

ная по форме и искусственно-бессодержательная по функции – архитектура объектов «культурно-массового» назначения, выступить в роли центрального звена ее композиционной структуры. При этом храм как социально значимая часть русской религиозной традиции (как *приходская церковь*) в перспективе мог бы стать прочным объединяющим началом в сознании заселивших периферийный район-новостройку горожан, – тем самым, а также многообразно значимой формой и символикой своей архитектуры если не воссоздав фрагментарно, то хотя бы *смоделировав* исторически характерную (традиционную) иерархичность структуры русского города, «неоднородность городской ткани», на протяжении веков обеспечивавшую ей целостность, «большую жизнестойкость, гибкость и способность к органическому развитию».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении содержатся отдельные биографические сведения об архитекторах – авторах проектов и руководителях строительства, а также об организаторах и попечителях строительства зданий православных кафедральных соборов в гг. Омске, Томске, Красноярске, Иркутске во второй половине XIX века.

1. Константин Андреевич Тон

“Даты жизни и творчества

1794 26 октября – родился в Петербурге

1803

Зачислен в Академию художеств

1811

Учебный проект “великолепного и обширного здания среди сада для помещения в нем... редкостей”

1812

Учебный проект “Инвалидного дома” (2-я серебряная медаль)

1815

Выпускной проект “Правительствующий Сенат” (2-я золотая медаль). Оставлен при Академии художеств

1816

Проект загородного дома

1817

Зачислен на службу в чертежную Комитета строений и гидравлических работ

1818

Проект оранжереи для ананасов и прачечной при ней

1818 (1819?)

Проект ярмарки

1819

Отъезд в Италию

1820

Проект православной церкви в виде древнехристианской базилики

1821

Поездка в Париж; занятия в Политехнической школе

Обмер восьми памятников Пестума и Сицилии

Избран членом Академии Св. Луки

1822

Проект загородной дачи Дюваля в Женеве

Избран профессором Флорентийской академии художеств

1823

Обмер терм Каракаллы
 Исследование и проект реставрации святилища Фортуны в Пренесте
 Исследование и проект реставрации дворца цезарей на Палатине (начало работ)
 Избран членом-корреспондентом Римской Археологической академии
 1825
 Издание увража по реставрации святилища в Пренесте
 1826 – 1827
 Обмер храма Весты и виллы Адриана в Тиволи
 1827
 Проект экзерциргауза на Дворцовой площади в Петербурге
 1820-е
 Триумфальная арка (проект реставрации)
 1828
 Издание увража по реставрации комплекса на Палатине
 Назначен членом Комитета строений и гидравлических работ
 Возвращение в Петербург
 1829
 Проект перестройки парадных залов Академии художеств (осущ.)
 Проект одноэтажного деревянного дома и флигеля А. Кобылиной в Петербурге, 9-я линия В<асильевского> О<строва>, 66 (осущ.)
 Проект академической церкви (освящена в 1837)
 1829 – 1830
 Проект двухэтажного дома с флигелями Е. Осоргиной в Петербурге, ул. Бассейная (Некрасова), 7 (осущ.)
 1830
 Проект церкви Св. Екатерины Великомученицы в Петербурге (освящена в 1837)
 Присуждено звание академика; поручена должность профессора Академии художеств 2-й степени
 1831
 Проект церкви Св. Екатерины в Царском Селе (освящена в 1840)
 Проект церкви в Царском Селе
 Проект пристани у Академии художеств в Петербурге
 1832
 Проект Храма Христа Спасителя в Москве (заложен в 1839, освящен в 1889)
 Проект установки конных групп П. Клодта на Адмиралтейской пристани
 Проект “Монастырь” (на соискание звания профессора)
 Проект церкви Митрофания в Воронеже
 1833
 Проект пристани у Академии художеств (вариант со сфинксами, осущ. в 1834)

Проект памятника Державину в Казани (осущ. в 1848)
 Проект Пулковской обсерватории
 Проект церкви Петра и Павла в Петергофе (освящена в 1839)
 Назначен членом Строительного комитета при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий
 1834
 Проект памятника Н.М. Карамзину в Симбирске (осущ.)
 Проект церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы в Семеновском полку в Петербурге (освящена в 1842)
 Проект серебряного иконостаса в Казанском соборе (осущ. в 1838)
 Проект деревянного дома поручика Черноглазова в Царском Селе (осущ.)
 1835
 Проект реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме (осущ. к 1883)
 Проект церкви Св. Митрофания на Митрофаниевском кладбище в Петербурге (освящена в 1847)
 Проект колокольни Симонова монастыря в Москве (осущ. в 1839)
 Проект достройки колокольни Успенского собора в Рязани
 Проект перестройки Архиерейского дома в Петербурге
 1836
 Проект церкви Св. Владимира в Таврисе
 Проекты трех частных домов в Новгороде (осущ.)
 Проект Дворянского собрания в Новгороде
 Проект главного фасада Лесного института в Петербурге (осущ.)
 Проект церкви Св. Владимира в Свеаборге
 Проект оборонительных казарм в Свеаборге
 Проект памятника Дмитрию Донскому на Куликовском поле (конкурс)
 Проект церкви в Саратове (осущ.)
 Проект перестройки Вольского костела в Варшаве в православную церковь
 1837
 Проект Малого театра в Москве (осущ. в 1840 – 1843)
 Проект интерьера зрительного зала Петровского (Большого) театра в Москве (осущ.)
 Проект двухэтажного каменного дома Е. и М. Васильевых в Царском Селе (осущ.)
 Проект станции Царскосельской железной дороги в Петербурге (осущ.)
 Проект решеток у памятников Кутузову и Барклаю де Толли у Казанского собора в Петербурге (осущ.)
 Назначен членом общего присутствия Инженерного департамента при Военном министерстве
 Назначен главным архитектором при построении Храма Христа Спасителя (3 октября)

Введен в число главных архитекторов Комиссии по возобновлению Зимнего дворца в Петербурге
До 1838
Проект Евангелической церкви в Новгороде
1838
Проект Большого Кремлевского дворца в Москве (1-й вариант)
Назначен главным архитектором при построении Большого Кремлевского дворца (5 марта)
Проект богадельни на 400 инвалидов и 20 офицеров в Измайлове (осущ. в 1839 – 1850)
Альбом “Проекты церквей, сочиненные архитектором Е<го> И<мператорского> В<еличества> профессором архитектуры Имп<ераторской> Академии художеств... Константином Тоном”
Проект Большого Кремлевского дворца в Москве (осущ. в 1838 – 1849)
1839
Проекты Большого Кремлевского дворца (разрезы, фасады, отделка парадных апартаментов)
Проект достройки Конюшенного корпуса Большого Кремлевского дворца
Проект Оружейной палаты (1-й вариант)
Проект церкви на Тентелевском кладбище в Петербурге
Проект церкви Преображения Господня на Аптекарском острове в Петербурге (освящена в 1845)
Проект реставрации Першей Псковского кремля
Избран профессором Академии Св. Луки
1840
Проекты отделки интерьеров Большого Кремлевского дворца (Владимирского зала, Собственной половины и др.) и фасадов
Проект южных келий Ипатьевского монастыря (осущ.)
Проект надвратной церкви Св. Хрисанфа и Дарьи Ипатьевского монастыря (осущ. в 1841 – 1883)
Проект горельефа “Георгий Победоносец” для Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца
Проекты нормальных чертежей крестьянских строений
Проект собора в Яранске (освящен в 1851)
Участие в комиссии по рассмотрению проекта и смет Николаевского дворца в Петербурге
1841
Проект фасада главного корпуса Большого Кремлевского дворца (окончательный вариант)
Наблюдение за исправлением собора Св. Софии в Новгороде
1842
Проекты зданий Большого Кремлевского дворца (Апартаменты и др.) и отделки интерьеров

Проект Благовещенской церкви Конного полка в Петербурге (освящена в 1849)

Издание “Атласа нормальных чертежей крестьянских строений по ведомству Министерства государственных имуществ”

1843

Проекты отделки интерьеров Большого Кремлевского Дворца

Проект вокзала Петербургско-Московской железной дороги в Петербурге (осущ. в 1851)

Проект Дома военного губернатора с квартирой для Императора в Казанском кремле (осущ. в 1844 – 1848)

Назначен членом общего присутствия Департамента проектов и смет Главного управления путей сообщения и публичных зданий

Присуждено звание профессора 1-й степени

1844

Проект Оружейной палаты в Московском Кремле (окончательный вариант; осущ. в 1851)

Проекты реставрации Государева двора в Измайлове и церкви Царевича Иоасафа (осущ. в 1854)

Проект четырехэтажного жилого дома с флигелями для художника Зиновьева в Петербурге, Б. Подъяческая ул., 12 (осущ.)

Альбом “Проекты церквей... сочиненные... Константином Тоном” (2-е издание)

Вручение диплома о статусе дворянина (“Пожалован ему с потомством диплом на дворянское достоинство”)

До 1845

Проект Троицкого собора в Томске (освящен в 1901) (Обряд освящения храма состоялся не в 1901 г., а в 1900 г., 25 мая: см. раздел III.1 настоящего исследования. – *А. Т.*)

1845

Проект вокзала Петербургско-Московской железной дороги в Москве (осущ. в 1852), Таможни (осущ. в 1852), жилого дома на Каланчевской площади в Москве

Проект Рождественского (Правильно: Богородице-Рождественского. – *А. Т.*) собора в Красноярске (освящен в 1861)

Альбом “Практические чертежи по устройству церкви Введения во храм Пресвятыя Богородицы в Семеновском полку в С.-Петербурге... составленные и исполненные архитектором... профессором Академии художеств... Константином Тоном”

1847

Проект мемориальных досок для церкви Конного полка (осущ.)

Проект иконостаса для дворцовой церкви во дворце Великой Княгини Ольги Николаевны в Штутгарте

1848

- Проект иконостаса для церкви Царевича Иоасафа в Измайлове
1849
- Проект церкви Св. Мирония Егерского полка в Петербурге (освящена в 1855)
- Проект двухэтажного каменного особняка П. Курта на 12-й линии В<асильевского> О<строва>, в Петербурге, д. 25
- Проект реставрации колокольни Ивана Великого (осущ. в 1852)
- Назначен членом “по искусственной части по постройкам, поручаемым Кабинету Е<го> И<мператорского> В<еличества>, на место умершего архитектора Росси”
- После 1849
- Проект платформы для помещения 12 орудий над Тайницкими воротами Кремля
1850
- Надстройка четырехэтажного дома и постройка дворового флигеля Жерве в Петербурге, ул. М. Морская (Гоголя), 8
1851
- Проект Малого Кремлевского дворца в Москве
- Проект надгробия князя Пожарского в Суздале (конкурс?)
- Проект церкви для Тифлиса
- Проект реставрации церкви Двенадцати Апостолов, перестройки Патриаршей ризницы, шатра над Палатой мироварения в Московском Кремле (осущ.)
1852
- Проект дворового флигеля дома Крутова в Петербурге, 9-я линия В<асильевского> О<строва>, 40
1853
- Проект памятника князю Владимиру Святославичу в Киеве
- Проект восстановления Большого театра в Москве
- Проект церкви при Тивдийской мраморной ломке Олонецкой губ.
1853 – 1854
- Проекты интерьеров Храма Христа Спасителя в Москве
- Проект крыльца Николаевского дворца в Московском Кремле и перехода, соединяющего его с Чудовым монастырем
- Исправление купола Воскресенского собора в Новом Иерусалиме
До 1854
- Проект Владимирского собора в Севастополе (освящен в 1883)
1854
- Назначен ректором Академии художеств по архитектурной части
1856
- Назначен членом комиссии по реконструкции шпиля Петропавловского собора в Петербурге
1857

Проект реконструкции шпиля Петропавловского собора
1860 (?)
Проект церкви Рождества Богородицы в Ипатьевском монастыре в Костроме
1863
Член Особого комитета для рассмотрения и исправления разных систем вентиляции
До 1864
Проект церкви на ст. Любань (осущ.)
1868
Избран почетным членом и членом-корреспондентом Королевского института Британских архитекторов
Не датированы
Проект церкви в Задонске, в Ельце, в казенных заводах Сибири, в Козлове, в Угличе и др.
1875
Проект благоустройства площади Храма Христа Спасителя и установки на ней памятников (с А.И. Резановым)
25.01.1881
Скончался в Петербурге.”

2. Александр Петрович Деев

Родился в 1786 г. Солдатский сын. Образование получил во Втором кадетском корпусе, преобразованном в Инженерный. С 17.03.1801 г. определен кондуктором 2 класса. С 5.10.1806 г. – подпоручик. С 27.11.1809 г. – поручик. В 1809 г. (в период войны с Турцией) состоит под командою генерала от инфантерии Булгакова. В январе 1810 г. отдан под суд по делу инженер-полковника Зубрицкого, “уличен в корыстолюбивых действиях, оказался дерзким перед судьями и по решению суда признан... недостойным продолжать военную службу”, в результате чего со службы уволен. В период с 1810 по 1817 г. руководит строительством фортификационных сооружений на Кавказе и в Сибири. 2.04.1817 г. официально восстановлен на государственной службе и определен на должность томского губернского архитектора. В 1818 г. выполняет первый вариант проекта регулярной планировки г. Томска. В июне 1820 г. занят на “переустройстве” строящейся Нерчинской церкви, в том же году проектирует для г. Томска здание присутственных мест. В 1824 г. составляет второй вариант регулярного плана города. В 1821 г. руководит строительством кладбищенской церкви в г. Иркутске. 5.02.1826 г. – отставка и отъезд в Санкт-Петербург. В период с марта по июнь 1826 г. – служба в Казенной палате в Санкт-Петербурге. 4.09.1826 г. – уход в отставку и возвращение в Сибирь. 19.11.1826 г. определен советником Томского губернского правления. В 1827

г. управляет двумя отделениями Томского губернского правления. С началом в 1827 г. ревизии Западной Сибири сенатской комиссией В.К. Безродного и князя Б.А. Куракина, по рекомендации генерал-губернатора П.М. Капцевича, вводится в состав комиссии и осуществляет ревизию этапных и тюремных помещений, а в некоторых местах Западной Сибири – и постройку новых тюремных зданий. 17.10.1828 г. “за деятельное участие” в работе сенатской комиссии пожалован орденом Св. Анны III степени. В последующие годы по распоряжению томского гражданского губернатора занят “ревизию и постройкою этапных и этапных лазаретов”, с 25.09.1835 г. заведует, а с 13.02.1836 г. управляет “экспедицией о ссыльных”. 19.04.1844 г. получает приглашение к строительству Свято-Троицкого кафедрального собора в г. Томске.

3. Барон Генрих Владимирович Розен

Инженер-архитектор. Родился в 1847 г. Воспитывался дома и в Дворянской соборной школе в г. Ревеле. В 1865 г. поступил в Строительное училище, в котором окончил курс в 1871 г. по первому разряду. Еще будучи воспитанником, состоял в летнее время (в 1869 г.) нивелировщиком при изысканиях для Уральской железной дороги и в 1870 г. – техником при постройке в г. Ревеле вокзала 1 класса. По окончании курса производил изыскания для соединения бывшей Красносельской железной дороги с Балтийской. В 1872 г. был техником при устройстве дорог и других земских сооружений Вятской губернии. В течение следующих двух лет состоял помощником начальника XII участка при постройке Ростовско-Владикавказской железной дороги. В 1875 г. занимался частными постройками в Санкт-Петербурге, затем поступил младшим инженером и вскоре был назначен младшим архитектором Гродненского губернского строительного отделения. В 1876 г. удостоен звания гражданского инженера, а два года спустя назначен губернским инженером в г. Казань, где составил проект и начал постройку Воскресенской церкви; до окончания строительства был переведен на службу в г. Иркутск, на должность члена Совета Главного управления Восточной Сибири, управляющего Строительным отделением (1880 г.). В этой должности заведовал Строительной и Дорожной частями в губерниях Иркутской и Енисейской и в областях: Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и на о. Сахалине. С 1885 г., когда Восточная Сибирь была разделена на 2 генерал-губернаторства и Совет Главного управления упразднен, заведовал Управлением строительной и дорожной частей при Иркутском генерал-губернаторе (до 1892 г.). Еще в 1878 г. был назначен главным инспектором по взиманию повозного сбора и по ремонту, на суммы этого сбора и натуральной повинностью, Главного сибирского тракта и позднее совмещал эту должность с указанными выше. В 1892 г. был переведен на должность инспектора подъездных путей Юго-Западного края.

Служебная деятельность барона Г.В. Розена в Сибири состояла, главным образом, в руководстве постройками казенных зданий всех ведомств (кроме военного), в участии, на протяжении 7 лет, в решениях судебных и административных дел Совета Главного управления Восточной Сибири и в других работах, сопряженных с занимаемыми им должностями. Он принимал участие: в осмотре главных порогов р. Ангары и рекогносцировке со съемками, по двум направлениям, для соединения р. Ангары выше порогов дорогами с р. Леною; в делопроизводстве по учреждению срочного почтово-пассажирского пароходства на р. Лене, пароходства на р. Ангаре; в изысканиях для устройства морской гавани в Мысовой на Байкале; в составлении первой сметы на постройку иркутско-томского участка Сибирской железной дороги и впоследствии в экспедиции инженера Меженинова по изысканиям Средне-Сибирской железной дороги.

Объекты, с которыми сопряжена проектно-строительная деятельность барона Г.В. Розена в Иркутске в период с 1880 по 1892 гг.: Казанский кафедральный собор; Чудотворская и Владимирская церкви (перестройка и возобновление после пожара 1879 г.); Техническое училище и мастерские при нем; Воспитательный дом; Отделение для умалишенных при (городской) больнице; лютеранская церковь; католическая церковь (по проекту гражданского инженера И.Ф. Тамулевича); школа (детский сад); дом для Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества; оранжерея и лепной потолок зала в доме камергера Сиверса; каменный дом г. Фоминского; памятник сибирскому писателю Щапову.

4. Иван Фомич Тамулевич

Гражданский инженер. Родился в 1847 г. Получил техническое образование в Строительном училище (1865 – 1870 гг.), откуда выпущен со званием архитекторского помощника и правом на чин X класса и тогда же определен на службу в Министерство внутренних дел с откомандированием в Томский строительный комитет.

С 1892 г. состоит управляющим Строительной и Дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе.

5. Эрнест Францевич Виррих

1) Родился в 1860(?)г. В 1878 г. принят в ученики I курса по живописи в класс голов. В 1879 г. за рисунок № V переведен в натурный класс, где “в 1880 и 1881 гг. отмечен за рисунки, этюды, эскизы [переводом] по наукам – в III курс с 1880 г.”. С 1884 г. работает в классе архитектуры. В 1888 г. окончил курс наук, получив медали: в 1882 г. – 2 серебряные; в 1883 г. – 1 серебряную;

в 1887 г. – 2 серебряные; в 1888 г. – 1 серебряную; в 1889 г. – 2 золотые за программу “Проект Городской думы в Санкт-Петербурге”. 1 ноября 1890 г. удостоен звания классного художника I степени за программу “Посольский дом”, в 1908 г. – звания академика.

В фонде Академии художеств хранятся прошения Э. Вирриха с просьбами о денежном пособии в 1881 г. и в январе, марте, сентябре 1883 г., а также ведомости на выдачу денег академистам, показавшим отличные успехи; среди них – Эрнест-Фридрих (Францевич) Виррих.

2) Петербургский архитектор. Родился в 1866 г. Принадлежит к числу наиболее видных представителей стиля “модерн” в архитектуре Санкт-Петербурга, таких, как Ф.И. Лидваль, А.И. Гоген, Н.В. Васильев, П.Ю. Сюзор, Г.В. Барановский, Л.Н. Бенуа (автор проекта *Свято-Александро-Невского православного кафедрального собора в Варшаве*, в Царстве Польском). Постройки: Доходный дом Бассейного кооперативного товарищества в Петербурге (1912 – 1917 гг.; в соавторстве с А.Ф. Бубырем, Н.В. Васильевым и А. Зазерским); Торговый дом Гвардейского экономического общества в Петербурге (1908 – 1913 гг.).

6. Сидор Григорьевич Щеголев

Купец 1-й гильдии. Родился в 1807 г. “Выходец из мелких торговцев Вязниковского уезда Владимирской губ. Вместе с братом Егором причислился из вязниковских купцов в барнаульские, а затем переписался в Красноярск (1840), где имел 3 лавки в гостином дворе (1848). Задолго до этого начал торговать в разных городах Енисейской губ. На положении иногороднего купца, имел многочисленную сеть приказчиков: по данным красноярской маклерской книги, нанимал 5 приказчиков (1829). Записывался также в купцы Мариинска и Нижнеудинска. Занимался крупной оптовой торговлей российскими и иностранными товарами с Китаем, а китайскими товарами – в городах России. Оборот кяхтинской торговли составлял 440 тыс. (1850) и 386 тыс. руб. (1860). Занимался также винокурением (1860-е).

Вкладывал свои деньги в золотопромышленность: в компании с красноярским купцом П. Кузнецовым вел разработку месторождений золота в енисейской тайге. Участие С.Г. в капитале и прибылях компании составляло 5 паев из 13. На приисках компании работало более 1 тыс. чел., добывалось до 80 пуд. золота в год (1840-е). А на самом богатом прииске – Крестовоздвиженском – за все время его эксплуатации было добыто около 1 тыс. пуд. золота. Имел также золотые прииски и в Алтайском окр., которые потом продал (1862).

Гор^одской голова; директор губ. к-та попечительного об-ва о тюрьмах (1863). Помогал бедствующим и потерпевшим: вместе с купцами П.И. Кузнецовым и Н.П. Некрасовым пожертвовали 5300 тыс. руб. сер^ебром

приамурским переселенцам. После пожара Енисейска в 1869 С.Г. одним из первых пожертвовал погорельцам 3 тыс. пуд. муки.

Пожертвовал 560 тыс. руб. сер<ебром> на восстановление Красноярского Богородице-Рождественского (кафедрального) собора (1861). В честь этого с южной стороны собора был сооружен придел во имя Великомучеников Исихора и Татьяны, домовая церковь, своего рода семейная усыпальница, где впоследствии похоронили супругов [Щеголевых]. За столь щедрое пожертвование был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и пожалован во дворянство (1861). При этом и в благотворительности С.Г. руководствовался здравым коммерческим смыслом: так, он содержал причт собора с процентов капитала, положенного в банк. Завещал Красноярску 100 тыс. руб. на городские нужды.

Состав семьи: жена – Татьяна Ивановна (умерла 1879), родом из бедных мещан. Вела громадную благотворительную деятельность на ниве образования, социального обеспечения бедных горожан, об-ва раненных воинов, Церкви.

Дети: Иван (р. 1837), Дмитрий (р. 1840), Александр (1842), Григорий (р. 1846), Иннокентий (1856), Юлия, Елизавета.”

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. От Матфея святое благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1976.
2. От Марка святое благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1976.
3. От Луки святое благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1976.
4. От Иоанна святое благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., 1976.
5. Российский государственный исторический архив, ф. 173, Департамент водяных сообщений Министерства путей сообщения. Оп. 1, е.х. 558. О построении нового кафедрального собора в Иркутске (1867).
6. Российский государственный исторический архив, ф. 797, Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 14, е.х. 34070.
7. Российский государственный исторический архив, ф. 797, Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 19, е.х. 43050.
8. Российский государственный исторический архив, ф. 797, Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 20, е.х. 44693. О падении купола строящегося в Томске собора (1850).
9. Российский государственный исторический архив, ф. 797, Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода. Оп. 47, е.х. 123. О проекте строительства собора в Иркутске (1877).
10. Российский государственный исторический архив, ф. 799, Хозяйственное управление Святейшего Синода. Оп. 13, е.х. 464. О постройке в Иркутске кафедрального собора (1880 – 1882).
11. Российский государственный исторический архив, ф. 799, Хозяйственное управление Святейшего Синода. Оп. 17, е.х. 103.
12. Российский государственный исторический архив, ф. 1293, Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел. Оп. 116, е.х. 82.
13. Российский государственный исторический архив, ф. 1293, Техническо-строительный комитет Министерства внутренних дел. Оп. 127, е.х. 74.
14. Государственный архив Омской области, ф. 398, Комитет по сооружению нового соборного храма, г. Омск, 1895 – 1899 гг. Оп. 1, е.х. 2.
15. Государственный архив Омской области, ф. 437, Омский облисполком. Оп. 3, е.х. 2.
16. Азбука Христианства: Словарь-справочник / Сост. А. Удовенко. М., 1997.
17. Андрей Кесарийский. Толкования на Апокалипсис // Литературная учеба. 1991. Январь – февраль. Книга первая.
18. Атлас Азиатской России. СПб., 1914.

19. Баландин С.Н. Каменный Софийский (Успенский) собор – памятник архитектуры Тобольска // Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986.
20. Баландин С.Н. К истории начального формирования “архитектурного корпуса” в городах Сибири (конец XVII – первая половина XIX в.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XX веков: Материалы Региональной научной конференции. Выпуск II. Новосибирск, 1997.
21. Баландин С.Н. Эволюция русского деревянного зодчества Сибири с конца XVI до начала XX века: Автореферат диссертации... доктора архитектуры. М., 1987.
22. Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института Гражданских Инженеров Императора Николая I (Строительного Училища) (1842 – 17/ХII/1892). СПб., 1893.
23. Барская Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М., 1993.
24. Бархин М.Г. Город. Структура и композиция. М., 1986.
25. Баталов А.Л., Лидов А.М. Введение // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
26. Баяндин В.И. Военное управление в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы истории местного управления Сибири XVII – XX веков: Материалы Региональной научной конференции. Выпуск II. Новосибирск, 1997.
27. Белик С.Н. Икона – догмат Христианства // Православная жизнь: Приложение к журналу “Православная Русь”. 1995. Март. № 3.
28. Богданович К.В., Лопатин З.П. Красноярск. Красноярск, 1969.
29. Болдырев В.Ф. Основы градостроительства в условиях Западной Сибири: Учебное пособие. Томск, 1991.
30. Бондаренко И.А. Идеальная композиция древнерусского города // Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: искусство композиции в истории архитектуры. Вып. 5. М., 1996.
31. Бондаренко И.А. Иерархическая структура древнерусского города (в реализации идеи “вечной гармонии”) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т.В. Степугина. М., 1996.
32. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. М., 1979.
33. Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб., 1997.
34. Борисова Е.А., Стернин Г.Ю. Русский модерн. М., 1990.
35. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. В 2-х т. Т. 1. М., 1979.
36. Буторов А. Каким был Храм // Юный художник. 1996. № 6.
37. Буторов А.В. Храм Христа Спасителя. История строительства и разрушения. М., 1992.
38. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.

39. Вагнер Г.К. Еще раз о церкви Нового Ольгова городка // Средневековая Русь. М., 1976.
40. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Т. 1. Чита, 1916.
41. Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. Москва, 1994.
42. Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967.
43. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 – 1917 гг. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998.
44. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Часть II. СПб., 1854.
45. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.
46. Государственное учение Филарета, митрополита Московского // Православная жизнь: Приложение к журналу “Православная Русь”. 1997. Сентябрь. № 9.
47. Григорий Богослов. Слово 22: О мире, говоренное в общем собрании единоверных, бывшем после примирения // Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
48. Григорий Богослов. Слово 23: О мире, говоренное в Константинополе по случаю распри... // Григорий Богослов. Собрание творений. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
49. Гудков А.А. Регулярное градостроительство в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореферат диссертации... кандидата архитектуры. М., 1989.
50. Гуляницкий Н.Ф. Крестовокупольный храм древней Руси и грекоантичная традиция // Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре”. Вып. 2. М., 1993.
51. Гуляницкий Н.Ф. Черты преемственности в композиции центров русских городов, перепланированных в XVIII в. // Архитектурное наследие. Вып. 29. М., 1981.
52. Девятьярова И.Г., Селюк В.И. Старый Омск. Почтовая открытка рубежа XIX – XX веков. Омск, 1991.
53. [Дельви́г бар. А.И.] Полвека русской жизни: Воспоминания А.И. Дельвига (1820 – 1870) / Под ред. С.Я. Штрайха. М.; Л., 1930.
54. Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997.
55. Дулов А.В. Иркутская епархия в XVIII – начале XX в. Деятели, события, факты // Апостол Аляски: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. Иркутск, 1998.
56. Дулов А.В. Иркутская епархия в 1860 – 1917 гг. // Из истории Иркутской епархии: Сборник научных трудов. Иркутск, 1998.

57. Дулов А.В., Пешкова В.К. Литература по истории Иркутской епархии // Апостол Аляски: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. Иркутск, 1998.
58. Дулов В.И. План Иркутска 1768 г. // Записки Иркутского областного краеведческого музея: Сборник к 300-летию Иркутска. Вып. 2. Иркутск, 1961.
59. Евсина Н.А. Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1985.
60. Евтропов К. Краткий обзор постройки Троицкого кафедрального собора. Томск, 1900.
61. Енисейские губернские ведомости. 1861. № 43.
62. Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 3.
63. Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 22.
64. Журавлев А.М., Иконников А.В., Рочегов А.Г. Архитектура Советской России. М., 1987.
65. Журнал Министерства Внутренних Дел. 1838. № 3.
66. Захарчук М. Первая годовщина со дня кончины о. Льва Лебедева // Православная Русь. 1999. 28 мая. № 10.
67. Иконников А.В. Историзм в архитектуре. М., 1997.
68. Иллюстрированный календарь на 1991 год: Издание Омского отделения Всероссийского фонда культуры. Омск, 1990.
69. Иркутские губернские ведомости. 1863. № 4.
70. Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 43.
71. Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 26.
72. Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 24.
73. Иркутские епархиальные ведомости. 1872. № 15.
74. Иркутские епархиальные ведомости. 1874. № 19.
75. Иркутские епархиальные ведомости. 1875. № 15.
76. История названий томских улиц / Отв. ред. Г.Н. Старикова. Томск, 1998.
77. История России с начала XVIII до конца XIX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996.
78. Каждан А.П. Византийская культура (X – XII вв.). М., 1968.
79. Катанаев Г.Е. Историческая справка о том, когда и как построен город Омск. Омск, 1996.
80. Кеслер М. Пути возрождения духовности // Архитектура. 1995. № 1 – 2.
81. Кириница Ю. Белый орел над храмом // Российская газета. 1997. 25 июля.
82. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986.
83. Кириченко Е.И. Искусство и Государь Николай Павлович // Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: личность в истории архитектуры”. Вып. 4. М., 1995.
84. Кириченко Е.И. Русский стиль. М., 1997.

85. Кириченко Е.И. Храм Христа Спасителя в Москве. Издание 2-е. М., 1997.
86. Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма и святоотеческая позиция православных // Православная жизнь: Приложение к журналу “Православная Русь”. 1999. Ноябрь. № 11.
87. Колесников А.Д. Памятники военно-оборонительного искусства Сибири // Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986.
88. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
89. Комеч А.И. Роль приделов в формировании общей композиции Софийского собора в Новгороде // Средневековая Русь. М., 1976.
90. Комеч А.И. Спасо-Преображенский собор в Чернигове (к характеристике начального периода развития древнерусской архитектуры) // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М., 1975.
91. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII – XVIII в.). Новосибирск, 1979.
92. Корач В. Два типа кафедральных соборов XI в. в областях, культурно связанных с Византией // Средневековая Русь. М., 1976.
93. Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960.
94. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
95. Красовский М. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества (от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века). М., 1911.
96. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 4. Кн. 2 / Под ред. В.П. Зиновьева, Д.Я. Резуна. Новосибирск, 1998.
97. Краткий обзор тематики диссертаций, рассмотренных ВАК России в 1997 году // Бюллетень Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации. 1999. № 2.
98. Кураев В.И. Всеединство // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. М., 1999.
99. Лебедев Л. Орто-Доксия // Православный Путь: Церковно-богословско-философский ежегодник / Приложение к журналу “Православная Русь” за 1994 г. Джорданвилл, 1994.
100. Ливошко С.С. Православный храм – архитектурный символ России на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой трети XX в. // Христианство на Дальнем Востоке: Материалы Международной научной конференции. Части I и II. Владивосток, 2000.
101. Лидов А.М. Небесный Иерусалим в восточнохристианской иконографии // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
102. Лисичников Д.В. Образы иркутских архиереев в произведениях Н.С. Лескова // Апостол Аляски: Материалы научной конференции, посвященной 200-летию Иннокентия Вениаминова и 270-летию Иркутской епархии. Иркутск, 1998.

103. Литературная учеба. 1991. Январь – февраль. Книга первая.
104. Майданюк Э.К. Прогулка по старому Томску. Томск, 1992.
105. Малиновский И. Прошлое Томска // Город Томск. Томск, 1912.
106. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
107. Миненко Н.А. Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI – первая половина XIX в.): Учебное пособие для студентов и аспирантов ГФ НГУ. Новосибирск, 1988.
108. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983.
109. Михайлова М.Б. Соборные площади новых городов юга России периода классицизма // Архитектурное наследие. Вып. 36. М., 1988.
110. Московские ведомости. 1882. 24 декабря. № 357.
111. Нащокина М.В. Градостроительные аспекты сооружения в Москве храма-памятника Отечественной войны 1812 года // Архитектурное наследие Москвы. М., 1988.
112. Несин В., Сауткина Г. Павловск Императорский и Великокняжеский. СПб., 1996.
113. Овчинникова Е.С. Изобразительное искусство [России до XVIII века] // История европейского искусствознания от античности до конца XVIII века / Россия семнадцатого и восемнадцатого веков. М., 1963.
114. Оглы Б.И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. Иркутск, 1982.
115. Оглы Б.И. Особенности архитектуры городов Восточной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в. // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981.
116. Оглы Б.И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978.
117. Оглы Б.И. Формирование центров крупных городов Сибири. Градостроительные и социально-культурные аспекты. Новосибирск, 1999.
118. Омские епархиальные ведомости. 1898. 15 сентября. № 18.
119. О Священном Писании Нового Завета // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Приложение. М., 1976.
120. Павлов А.П. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1995.
121. Памятная книжка для Иркутской губернии на 1861 год. Иркутск, 1861.
122. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863.
123. Памятная книжка Иркутской губернии 1906 года. Иркутск, 1906.
124. Памятный листок г. Иркутска. Иркутск, 1895.
125. Панкеев И. Послесловие // Трубецкой кн. Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.

126. Пелипенко А.А. Городской миф о городе (в эволюции художественного сознания и городского бытия) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / Сост. Т.В. Степугина. М., 1996.
127. Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. (Основные идеи и тенденции развития). М., 1999.
128. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М., 1833.
129. Пешков А.И. “Кто разоряет – мал во Царствии Христовом...” // Победоносцев К.П. Сочинения / [Вступительная статья.] СПб., 1996.
130. Пилявский В.И., Тиц А.А., Ушаков Ю.С. История русской архитектуры: Учебник для вузов. Л., 1984.
131. Победоносцев К.П. Московский сборник // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.
132. Победоносцев К.П. Ученье и учитель. Педагогические заметки // Победоносцев К.П. Сочинения. СПб., 1996.
133. Повесть временных лет // Рассказы Начальной русской летописи / [Пер. с древнерусского и пояснения Т.Н. Михельсон; научн. ред. Д.С. Лихачев.] Новосибирск, 1991.
134. Подъяпольский С.С. Воссоздание утраченных памятников архитектуры // Проблемы российской архитектурной науки: Сборник трудов членов Отделения архитектуры РААСН. М., 1999.
135. Покровский И.М. Русские епархии в XVI – XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. В 3-х т. Т. 2 (XVIII век). Казань, 1913.
136. Покровский Н.Н. Томск. 1648 – 1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.
137. Попов А.И. Томск. М., 1959.
138. Попова О.С. Византийская аскеза и образы искусства XIV века // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997.
139. Поснов М.Э. История Христианской Церкви (до разделения Церквей – 1054 г.). Брюссель, 1964.
140. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1863. № 11.
141. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1864. № 29.
142. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1865. № 9.
143. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 24.
144. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1878. № 36.
145. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1880. № 36.
146. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1881. № 10.
147. Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1894. № 3.
148. Проскурякова Т.С. О преемственности в русском градостроительстве второй половины XVIII в. // Архитектурное наследство. Вып. 33. М., 1985.
149. Раппопорт П.А. Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске // Средневековая Русь. М., 1976.

150. Раппопорт П.А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII веков // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.
151. Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси X – XIII вв. СПб., 1994.
152. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск, 1991.
153. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
154. Романов Н.С. Летопись города Иркутска. 1857 – 1880 гг. Иркутск, 1914.
155. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). Вып. 1. М., 1991.
156. Ружже В.Л. Красноярск. Вопросы формирования и развития. Красноярск, 1966.
157. Русская старина. 1884. Январь.
158. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
159. Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: Учебник для вузов. М., 1984.
160. Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм: Учебник для вузов. М., 1989.
161. Салимов А.М. Тверской Спасо-Преображенский собор. Тверь, 1994.
162. Санников А.П. Церковная администрация Восточной Сибири в конце XVII – середине XVIII в. // Из истории Иркутской епархии: Сборник научных трудов. Иркутск, 1998.
163. Селюк В. Взорванная красота // Вечерний Омск. 1990. 14 апреля.
164. Скобельцына А.С. Внешние влияния в древнерусской культуре (X – нач. XIII в.): Автореферат диссертации... кандидата культурологических наук. СПб., 1998.
165. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975.
166. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.
167. Славина Т.А. Константин Тон. Л., 1989.
168. Славнин В.Д. Томск сокровенный. Томск, 1991.
169. Словцов И.Я. Историческая хроника Омска. Омск, 1880.
170. Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска // Труды Акмолинского Статистического Комитета. В 2-х т. Т. II. Омск, 1880.
171. Снегирев В.Л. Архитектор А.Л. Витберг. М.; Л., 1939.
172. Советская историческая энциклопедия. В 16-ти т. Т. 11. М., 1968.
173. Советский энциклопедический словарь. М., 1982.
174. Соколовский И.Р. Сибирский служилый человек Андрей Барнешлев (к вопросу об аккультурации иностранцев в Сибири XVII века) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI – XX века: Материалы Третьей региональной научной конференции. Новосибирск, 1998.

175. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1 - 2. М., 1988.
176. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5 - 6. М., 1989.
177. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VIII. Т. 15 - 16. М., 1993.
178. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IX. Т. 17 - 18. М., 1993.
179. Сытина Т.М. Архитектура [России] // История европейского искусствознания от античности до конца XVIII века / Россия семнадцатого и восемнадцатого веков. М., 1963.
180. Тальберг Н. История Христианской Церкви. М.; Нью-Йорк, 1991.
181. Толстой М.В. Рассказы из истории Русской Церкви // История Русской Церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.
182. Томские епархиальные ведомости. 1885. № 10.
183. Томские епархиальные ведомости. 1886. № 3.
184. Томские епархиальные ведомости. 1900. № 11.
185. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 4.
186. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 7.
187. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 8.
188. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 9.
189. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 10.
190. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 11.
191. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 12.
192. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 15.
193. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 18.
194. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 23.
195. Томские епархиальные ведомости. 1903. № 24.
196. Трубецкой кн. Е.Н. Два мира в древнерусской иконописи // Трубецкой кн. Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.
197. Трубецкой кн. Е.Н. Россия в ее иконе // Трубецкой кн. Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.
198. Трубецкой кн. Е.Н. Умозрение в красках // Трубецкой кн. Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.
199. Фирсова Л.В. Трубецкой Евгений Николаевич // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. М., 1999.
200. Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. № 5. СПб., 1995.
201. Храм Христа Спасителя в Москве: Фотоальбом / Автор текста Е.И. Кириченко, сост. Г.А. Иванова. М., 1992.
202. Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых. В 2-х частях. М., 1903.

203. Шкваринов В.А. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М., 1954.
204. Щенков А.С. О принципах изучения русской храмовой архитектуры // Архитектура в истории русской культуры: Сборник научных трудов. М., 1996.
205. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.
206. Этенко-Фатеева Л. Варшавский грех // Новое время. 1995. № 45.
207. Этингоф О.Е. Образ храма в иконографии “Богоматерь с Пророками” XI – XII веков // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997.
208. Этингоф О.Е. Образ храма-“универсума” в иконной композиции и миниатюрах конца XI – XII в. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина за 1986 год. М., 1987.
209. Яковлева А.И. “Образ мира” в иконе “София Премудрость Божия” // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. СПб., 1997.
210. Бони К.И. [Григорий Богослов.] Цит. по: Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма и святоотеческая позиция православных // Православная жизнь: Приложение к журналу “Православная Русь”. 1999. Ноябрь. № 11.
211. Герман Константинопольский. [Богословские сочинения.] Цит. по: Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.
212. Герман Константинопольский. *Historia ecclesiastica*. Цит. по: Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев, 1991.
213. [Гимн, посвященный храму в Эдессе.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...
214. Григорий Богослов. Слово 6: О мире, говоренное в присутствии отца после предшествовавшего молчания, по случаю воссоединения монашествующих. Цит. по: Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма... // Православная жизнь.
215. Григорий Богослов. Слово 18: Говоренное в похвалу отцу и в утешение матери Нонне в присутствии св. Василия... Цит. по: Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма... // Православная жизнь.
216. Григорий Палама. [Богословские сочинения.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...
217. Евсевий Кесарийский (Евсевий Памфил). [Описание храма в Тире.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...
218. Житие иже во святых отца нашего Григория Богослова, епископа Назианзского. Цит. по: Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма... // Православная жизнь.

219. Житие святого отца нашего Петра, митрополита Киевского и всея России. Цит. по: Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X – XVII вв. (Основные идеи и тенденции развития). М., 1999.

220. Иоанн Геометр. [Описания христианских храмов.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...

221. Кизеветтер А.А. Победоносцев. Цит. по: Пешков А.И. “Кто разоряет – мал во Царствии Христовом...” // Победоносцев К.П. Сочинения / [Вступительная статья.] СПб., 1996.

222. Кирилл Александрийский. Послание к Целестину, епископу римскому. [Письмо 11.] Цит. по: Киприан Оропосский и Филийский. Ересь экуменизма... // Православная жизнь.

223. Кириллов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI – XVII вв. Цит. по: Резун Д.Я. Очерки истории изучения...

224. Ключевский В.О. Благодатный воспитатель русского народного духа. В память Преподобного Сергия. Цит. по: Трубецкой кн. Е.Н. Россия в ее иконе // Три очерка о русской иконе. Новосибирск, 1991.

225. Кюхельбекер В.К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. Цит. по: Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986.

226. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. Цит. по: Сытина Т.М. Архитектура [России] // История европейского искусствознания от античности до конца XVIII века / Россия семнадцатого и восемнадцатого веков. М., 1963.

227. Максим Исповедник. Мистагогия. Цит. по: Гуляницкий Н.Ф. Крестовокупольный храм древней Руси и грекоантичная традиция // Архитектура мира: Материалы научной конференции “Запад – Восток: взаимодействие традиций в архитектуре”. Вып. 2. М., 1993; Комеч А.И. Древнерусское зодчество...

228. [Муравьев.] [Экспертное заключение по проекту реконструкции Омской крепости.] Цит. по: Кочедамов В.И. Омск. Как рос и строился город. Омск, 1960.

229. Никифор Константинопольский. [Полемика с иконоборцами.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...

230. Николай Кавасила. [Богословские сочинения.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...

231. Новгородская синодальная летопись. Цит. по: Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. В 2-х т. Т. 1. М., 1979.

232. [Опись состояния г. Омска осенью 1755 г.] Цит. по: Кочедамов В.И. Омск.

233. Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Цит. по: Кочедамов В.И. Омск.

234. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Цит. по: Комеч А.И. Древнерусское зодчество...

235. Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства. Цит. по: Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль...
236. Пселл Михаил. Хронография. Цит. по: Комеч А.И. Древнерусское зодчество...
237. Седова Р.А. Святитель Петр, митрополит Московский, в литературе и искусстве Древней Руси. Цит. по: Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль...
238. Сергеев В.И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века). Цит. по: Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск, 1991.
239. Сергеев В.И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение. Цит. по: Резун Д.Я. Очерки истории изучения...
240. Симеон Солунский. [Богословские сочинения.] Цит. по: Бычков В.В. Малая история...
241. Слово Илариона, митрополита Киевского. Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1 - 2. М., 1988.
242. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Цит. по: Санников А.П. Церковная администрация Восточной Сибири в конце XVII – середине XVIII в. // Из истории Иркутской епархии: Сборник научных трудов. Иркутск, 1998.
243. Сочинения князя М.М. Щербатова. Цит. по: Резун Д.Я. Очерки истории изучения...
244. Турчин В.С. Эпоха романтизма в России. К истории русского искусства первой трети XIX столетия: Очерки. Цит. по: Борисова Е.А. Русская архитектура в эпоху романтизма. СПб., 1997.
245. Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька. Цит. по: Кочеданов В.И. Омск.
246. Филимонов Г.Д. Очерки русской христианской иконографии. I. София Премудрость Божия. Цит. по: Яковлева А.И. “Образ мира” в иконе “София Премудрость Божия” // Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977.
247. Филофей. Послание М.Г. Мисюрю Мунехину. Цит. по: Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль...

КРАТКАЯ АННОТАЦИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Осуществившийся к середине XIX в. выход русской архитектурно-художественной культуры, в русле широкого социально-культурного движения, за пределы устойчивой классицистической системы следует рассматривать как реализацию осознанной и выстраданной потребности просвещенных слоев русского общества в переориентации на изучение и творческое осмысление собственной – природной – архитектурной традиции. Пришедшее на смену классицистическому канону впечатляющее разнообразие творческих исканий зодчих, обусловившее утрату новой архитектурой стилевой (формальной) “чистоты”, но, в то же время, вернувшее ее в русле национальной идейно-религиозной и мировоззренческой традиции, в сфере церковного зодчества отчетливо обозначило черты трех “родственных”, активно взаимодействующих друг с другом и, таким образом, складывающихся в своеобразную систему “исторических” (национальных) протостилей, по характерным признакам позволяющих условно определить их как “стиль византийский”, “стиль русско-византийский”, “стиль русский” периода архитектурно-художественной эклектики. Многочисленные храмовые постройки, выполненные в соответствии с идеями и формами новой стилистической системы, символизировали собою начало практического восстановления идейно-творческой преемственности в рамках развития русской архитектуры.

Опираясь на подобную точку зрения, наиболее характерной и значимой составляющей русской православно-церковной архитектуры середины XIX – начала XX в. следует признать архитектуру соборных храмов, имевших статус главных (кафедральных) соборов в административно-территориальных границах епархий Русской Православной Церкви. Именно в середине XIX – начале XX в. во многих городах – центрах православного епархиального управления России были воздвигнуты крупномасштабные кафедральные храмы. Представляется закономерным то, что в ряду объектов монументального православно-церковного зодчества, возведенных в указанный период на территории Азиатской России, наиболее значительную группу образовали кафедральные храмы религиозно-культурных, политико-экономических центров Сибири – обширнейшего и исторически важнейшего региона страны. Созданные накануне трагического излома национальной истории, ставшие частью громадных и во многом невозможных потерь, понесенных русским церковным зодчеством и всей отечественной культурой в национальной катастрофе XX века, эти масштабные произведения религиозного чувства и творческого труда русского человека требуют профессионального исследования в отношении их значимости и как национальных религиозных святынь, символических средоточий духовной, социально-культурной жизни православного населения Сибири, Российской Азии и России в целом, и как уникальных образцов русского национального архитектурного искусства.

Рассмотрение широкого круга научной литературы по историко-культурной проблематике позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует специальный опыт комплексного изучения объекта данного исследования – русского православного кафедрального храма второй половины XIX века – как феномена национальной архитектурно-художественной культуры. Основной причиной данного положения, безусловно, следует признать принципиальное и стойкое – сохранявшееся на протяжении многих десятилетий – неприятие советской искусствоведческой, историко-культурной наукой русской архитектурно-художественной эклектики как полноценного явления национальной культуры, – во многом имевшее место, конечно же, в силу того, что именно православно-церковное зодчество с ярко выраженными национальными чертами нашло наиболее масштабное и разностороннее выражение в рамках эклектического искусства второй половины XIX века.

Методологическими основами исследования являются:

1) метод комплексной историко-культурной реконструкции явлений культуры в их исторической динамике;

2) метод комплексного историко-культурного анализа памятников национальной культуры в контексте регионального и общероссийского культурно-исторического процесса.

Применение указанных методов базировалось на значительном теоретическом и фактологическом материале по тематике исследования, полученном в результате: формирования и систематизированного изучения широкого круга опубликованных источников (научных трудов и материалов); выявления и структурной обработки комплекса неопубликованных источников (архивных, коллекционных и иных фактологических материалов), а также материалов авторских натурных исследований и фотофиксации современного состояния историко-культурной среды изучаемых объектов.

В работе впервые на примере утраченной в советскую эпоху архитектуры исторически крупнейших православных храмов Сибири как базового региона Азиатской России – кафедральных (главных в масштабе епархии) соборов, созданных во второй половине XIX века в городах Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, – на обширном историко-документальном материале реконструируется и исследуется феномен русского православного храма как духовно-эстетического средоточия традиционной русской культуры.

Работа подготовлена для опубликования ее в формах научной монографии и учебного пособия, предназначенного для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 521700 «Архитектура» и направлению подготовки дипломированных специалистов 630100 «Архитектура».

Таким образом, осуществленное исследование вносит разносторонний – источниковедческий, теоретический, прикладной – вклад в развитие отраслевой науки.

Рис. 1. Кафедральный собор во имя Пресвятой Троицы (Свято-Троицкий) в г. Томске

Рис. 2. Кафедральный собор во имя Пресвятой Троицы (Свято-Троицкий) в г. Томске

Рис. 4. Кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы (Богородице-Рождественский) в г. Красноярске

Рис. 5. Вид города Красноярска с кафедральным собором во имя Рождества Пресвятой Богородицы

Рис. 6. Базарная площадь города Красноярска с кафедральным собором во имя Рождества Пресвятой Богородицы

Рис. 7. Разрушенный в 1936 году кафедральный собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы

Рис. 8. Кафедральный собор во имя Казанской Иконы Божией Матери (Казанский) в г. Иркутске

Рис. 9. Вид с набережной на кафедральный собор во имя Казанской Иконы Божией Матери (Казанский) в г. Иркутске

Рис. 10. Кафедральный собор во имя Казанской Иконы Божией Матери (Казанский) в г. Иркутске

Рис. 11. Кафедральный собор во имя Успения Божией Матери (Свято-Успенский) в г. Омске

Рис. 12. Кафедральный собор во имя Успения Божией Матери (Свято-Успенский) в г. Омске